

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Н. И. Береснева, Ю. В. Василенко, А. Ю. Внугских,
С. В. Комаров, В. В. Корякин, Ю. В. Лоскутов,
Ю. В. Маслянка, Н. М. Мехрякова, Л. А. Мусаелян,
С. В. Орлов, А. А. Осмоловская, Н. В. Снетова, Т. Г. Чернова

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ МАТЕРИИ

Монография

Под общей редакцией С. В. Комарова

Пермь 2023

УДК 141.12
ББК 87.21
У591

Авторский коллектив:

Н. И. Береснева (гл. 9), Ю. В. Василенко (гл. 7), А. Ю. Внутских (гл. 6),
С. В. Комаров (предисл.), В. В. Корякин (гл. 2), Ю. В. Лоскутов (гл. 4),
Ю. В. Маслянка (гл. 11), Н. М. Мехрякова (гл. 5), Л. А. Мусаелян (гл. 1),
С. В. Орлов (гл. 3), А. А. Осмоловская (гл. 1), Н. В. Снетова (гл. 10), Т. Г. Чернова (гл. 8)

Универсальные закономерности развития материи : монография /
У591 Н. И. Береснева, Ю. В. Василенко, А. Ю. Внутских, С. В. Комаров,
В. В. Корякин, Ю. В. Лоскутов, Ю. В. Маслянка, Н. М. Мехрякова,
Л. А. Мусаелян, С. В. Орлов, А. А. Осмоловская, Н. В. Снетова, Т. Г. Чер-
нова ; под общ. ред. С. В. Комарова ; Пермский государственный наци-
ональный исследовательский университет. – Пермь, 2023. – 216 с.

ISBN 978-5-7944-4040-9

Коллективная монография посвящена памяти выдающегося философа Владимира Вячеславовича Орлова (1932–2019), а также идеям и разработкам основанной им пермской университетской школы научной философии.

В книге рассматриваются универсальные закономерности развития материи, их многообразные проявления в процессе развития общества. Также затронуты проблемы построения системы категорий научной философии, соотношения языка и бесконечности, формирования научной теории смысла жизни.

Монография предназначена специалистам-философам и всем интересующимся социально-гуманитарной проблематикой.

УДК 141.12
ББК 87.21

*Печатается по решению кафедры философии
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Рецензенты: д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии Пермского государственного медицинского университета имени акад. Е. А. Вагнера
Р. К. Стерледев;

д-р филос. наук, профессор кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина **В. Б. Куликов**

ISBN 978-5-7944-4040-9

© ПГНИУ, 2023
© Коллектив авторов, 2023

С. В. Комаров

доктор философских наук, профессор,
декан философско-социологического факультета
Пермского государственного национального
исследовательского университета

ФИЛОСОФИЯ В. В. ОРЛОВА В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Исторический подход к тому или иному явлению заключается не в том, чтобы расположить его на некоторой линейной шкале времени, установив его связи с другими историческими явлениями. Понять историческое явление – событие, концепцию или историческую фигуру – можно только из горизонта свойственной его времени современности. Именно из контекста этой современности постигается событие не как «переживаемое», т.е. исторически преходящее, но как «проживаемое», т.е. выступающее для самих участников этого события как настоящее, как реальная социальная действительность. «Времена не выбирают, в них живут и умирают». В этих поэтических словах выражено указание на контекст социальности, которая и выступает таким горизонтом понимания жизни человека. Ремесло историка и заключается в том, чтобы вопреки исторической дистанции понять этот контекст современности, в котором обрело смысл то или иное историческое событие¹.

Эта монография посвящена философии выдающегося советского философа Владимира Вячеславовича Орлова (1932-2019), и написана она соратниками, учениками и последователями этого мыслителя. Задача этой книги – показать эвристический потенциал философии этого отечественного ученого для решения проблем современной философии².

«Аромат времени» (философия и социальность). Философ В.В. Орлов был сторонником материалистического понимания истории, поэтому его собственная философия тоже должна быть понята как историческое явление. Философия В.В. Орлова в своем концептуальном выражении, безусловно, была продуктом советской социальности 60-80-х годов³. Это особенно ощущается,

---

¹ Гадамер Х.-Г. Герменевтика и историзм // Х.-Г. Гадамер. Истина и метод. М., Прогресс, 1988. С. 580–614.

² Биография философа представлена в: ru.m.wikipedia.org/wiki/Орлов_Владимир_Вячеславович (дата обращения: 18.09.2023); Основные труды: Алексеев П.В. Философы России XIX-XX столетия. Биографии, идеи, труды. М.: Академический Проект, 1999. С. 587.

³ Понятие социальности хорошо объясняется в: Розин В.М. Генезис европейской социальности. Эподы-исследования. М.: Новый хронограф, 2020. С. 12–14.

когда сегодня читаешь его произведения: «аромат времени», «ветер» советской эпохи веет со страниц его книг и статей. Это в полном смысле слова погружение в контекст современности того, уже ушедшего от нас, времени философских дискуссий. И вместе с тем становится очевидным, что только в контексте этой – уже ушедшей эпохи – в полной мере может быть понята философия этого выдающегося философа. Она удивительно адекватна состоянию советского общества позднего социализма, состоянию научных исследований того времени, характеру тогдашнего университетского образования. Именно эта социальность советского общества, его устремлений, идеалов, надежд и определяет смысловую рамку философии В.В. Орлова⁴. Его философия разделяет все установки и все предрассудки своей современности. Это следует специально подчеркнуть, поскольку без этого не будет понятна оригинальность его философских исследований.

Во-первых, безусловно, это философия была советской, точнее – *марксистской* философией. Советская философия отнюдь не была догматическим единомыслием, внутри нее существовало множество течений, школ, разнообразных концепций; развитие этой философии сопровождалось сменой множества парадигм и ориентаций; происходила смена поколений философов, которые по-разному определяли себя внутри этой философии⁵. Начиная с дискуссии о предмете философии (1953–1954 гг.) в советской философии происходило формирование течений, которые были постмарксистскими, или вообще выходили за пределы марксизма⁶. Однако для большинства советских философов в университетской среде – и по их воспитанию, и по образованию – марксизм выступал фундаментом их философствования. Конечно, это было связано с обновлением диалектического материализма и отказа от многих положений догматического марксизма. Обновление марксизма и новый образ Маркса был общей

---

⁴ Под «смысловой рамкой» мы понимаем базовую структуру опыта жизни и мышления человека, которая определяется самим историческим контекстом времени его жизни. Эта смысловая рамка является определенной установкой по отношению к той действительности, в которой существует человек. Но, как правило, она не осознается, а выступает как само собой разумеющееся положение дел. В этом смысле она совпадает с самой действительностью и выступает как сама действительность (бытие) жизни человека. Это то, что выступает как сама наличная действительность жизни, то, что К. Ясперс называл «устройством бытия» (Aufbau), а М. Хайдеггер описывал как структуры Dasein. Необходимо «выпадение» из контекста современности и обретение исторической дистанции, чтобы произошло осознание этой смысловой рамки именно как определенной установки.

⁵ См.: Бирюков Б.В. Трудные времена философии: отечественная историческая, философская и логическая мысль в предвоенные, военные и первые послевоенные годы. М.: КомКнига, 2006. С. 201–211.

⁶ Мотрошилова Н.В. Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. М.: Академический Проект, 2012. С. 30–34.

тенденцией в отечественной философии в конце 50-х – начале 70-х годов⁷. И для В.В. Орлова марксизм также был базовой смысловой рамкой его философствования. Это следует специально подчеркнуть, если мы хотим понять действительную оригинальность его философии, потому что на первый и внешний взгляд философия В.В. Орлова содержит в себе все традиционные положения, черты и признаки марксистской философии⁸. Однако для самого философа марксизм являлся не только безусловной основой философской концепции, внутри этого мировоззрения он сознательно определял себя. Поскольку концептуальным основанием марксистского мировоззрения является материализм, оригинальность философии этого мыслителя – в отличие от других версий диалектического и исторического материализма – состоит именно в подчеркивании этого концептуального основания. Это обнаруживается при его определении современного материализма и при решении вопроса о приоритете онтологии перед гносеологией, при решении вопроса о развитии как концепции единого мирового закономерного процесса и при решении вопроса о понимании сущности человека, при его обсуждении возможности гуманизма и, наконец, при его оценке других философских концепций (например, эмерджентного материализма, современных субъективистских концепций). Философ всю свою жизнь отстаивал верность этой позиции, но в этом он опять-таки разделял общую установку эпохи.

Во-вторых, это *научная* философия. Советская эпоха 50–80-х годов – это время невиданного развития науки. Полет человека в космос, развитие ядерных исследований, применение атома в мирных целях, научно-техническая революция, развитие вычислительной техники, и т.д., все это делает науку безусловной ценностью в общественном сознании. Наука становится образцом для философских исследований А.А. Зиновьева и Г.П. Щедровицкого; наука становится предметом исследования в системно-структурных исследованиях; интерес к анализу развития науки в западной аналитической философии порождает отечественные науковедческие исследования, и т.д. Научно-теоретическое мышление становится образцом высшего познания; тем более, что это находит свои основания в немецкой классической философии и марксизме (Э.В. Ильенков)⁹. И философия В.В. Орлова также исходит из этого общего положения эпохи о приоритете науки. Сама его маркировка философии марксизма как научной философии, понимание историко-философского процесса как восхождение к подлинно научному постижению мира, понимание возникновения марксизма как

⁷ Мотрошилова Н.В. Отечественная философия 50–80-х годов... С. 62–64.

⁸ Алексеев П.В., Панин А.В. Диалектический материализм (Общие теоретические принципы). М.: Высшая школа, 1983. С. 184.

⁹ Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно теоретическом мышлении. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. С. 59–70, 201–233.

коренного перелома в истории, благодаря научному пониманию истории, наконец, трактовка научного труда как труда «всеобщего» – все это характеризует высший статус научности самой философии. Философия в образе марксистской философии (современного материализма) является действительно научной философией. Мышление развития мира как единого мирового закономерного процесса является подлинно научным философским мышлением. Конечно, сам философ несколько не «путает» научное и философское познание – первое ориентировано на познание единичного и особенного в явлениях объективного мира, второе на познание всеобщего в этих явлениях. Философия и наука различаются по своему предмету – по тому, что они выявляют в явлениях объективной реальности; наука имеет дело с конечным, философия – с бесконечным, наука – с единичным и особенным, философия – с всеобщим, и т.д. Поскольку в объективных явлениях действительности всеобщее не существует в отрыве от единичного и особенного, то и наука не оторвана от философии, и подлинная философия не может развиваться без опоры на науку. Диалектика взаимодействия науки и философии в том и заключается, что они взаимно обуславливают развитие друг друга, являясь способами постижения разных сторон одного и того же материального мира¹⁰. В постижении мира как единого мирового закономерного процесса каждая вносит свой вклад. Однако, *оригинальность* философии В.В. Орлова заключалось не только в понимании научности философии, но и в том, что он пытался показать практическую ценность философии для конкретно-научных исследований. Другими словами, философия им понимается именно как *особая форма научного исследования*. Речь идет о его философских исследованиях конкретных областей научного знания – проблем физиологии высшей нервной деятельности и психологии, философских проблем пограничных наук, философских основаниях химии, и др.¹¹ Во всех этих конкретных исследованиях философ исходит из своей концепции единого мирового закономерного процесса, и именно это дает новый ракурс разрешения междисциплинарных конкретно-научных проблем. И это понимание философии как формы научного исследования является тоже признаком аромата ушедшей эпохи, ибо нынешний скепсис относительно науки и постижении истины являлся изна-

---

¹⁰ Орлов В.В. Основы философии. Часть первая. Общая философия. Пермский университет. Пермь, 2001. С. 122–137.

¹¹ См.: Орлов В.В. Психофизиологическая проблема. Философский очерк. Пермь, 1966; Философия пограничных проблем науки. Вып. 1–7. Пермь, 1967–1973; Васильева Т.С., Орлов В.В. Химическая форма материи (Химия, жизнь, человек). Пермь, 1983; Орлов В.В., Васильева Т.С. Человек. Ускорение, научно-технический прогресс. Красноярск, 1989; Природа психического. Пермь, 1994; Васильева Т.С., Орлов В.В. Проблема соотношения биологического и социального. Пермь, 1996; Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики. Пермь, 2005.

чально чуждым философу. Вера в науку и ее способность разрешения всех проблем человечества дышит со страниц книг философа.

В-третьих, это *системность* философии. Системно-структурный подход как общенаучный подход стремительно развивается в 60–80-е годы. Вместе со временем В.В. Орлов разделяет понимание философии как системного знания, как системы знания. Однако вопрос о системности философии имеет свою специфику, поскольку предметом философии является мир как развивающееся целое. На системность философии указывал еще Гегель, однако, поскольку для немецкого философа мир есть Абсолютная идея, то его система мира является закрытой. В марксовом анализе сложного развивающегося объекта мы находим принципы системно-структурного мышления именно открытой системы¹². Философия марксизма есть научная философия, научная философия есть всеобщее знание о мире в целом, мир как объективная реальность является развивающимся целым, следовательно, взаимосвязанным целым. Поэтому системность есть признак всякой научной философии. Поскольку наука исследует явления в их взаимосвязи, то она представляет открытую систему; философия также является открытой системой. Задача понять мир не просто как систему (систему философии), но именно как системно-развивающееся целое. Такое понимание возможно только в рамках диалектико-материалистического понимания. Во-первых, именно в рамках материализма объективная реальность понимается как объективно многообразие взаимосвязанных друг с другом явлений, т.е. как единая и целостная объективная реальность (материя как субстанция), во-вторых, именно диалектика выявляет взаимосвязь явлений не просто как объективную детерминацию, но именно как развитие, т.е. интегральный процесс усложнения (материальное развитие). *Оригинальность* философии В.В. Орлова заключается в понимании системности, т.е. целостности, мира как единого мирового закономерного процесса. Мир есть самоусложняющаяся объективная реальность. Системность здесь в отличие от того, как это было у других философов¹³, заключается не в двойном понимании: с одной стороны, статичном структурном представлении мира (мир как система форм материи), с другой стороны, в динамичном представлении мира (как форм движения). Системность здесь задается именно пониманием мира как процесса восхождения от «простых» форм к «сложным» формам объективного существования. Системное мышление и системное понимание мира задается именно его структурно-процессуальным динамизмом, самим характером существования объективной реальности. Поэтому

---

¹² Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1980.

¹³ См, напр.: Мелюхин С.Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М.: Мысль, 1966.

философия, которая таким образом мыслит мир, сама является системной. В этом поразительная привлекательность философии В.В. Орлова в отличие от других версий диалектического материализма: она системна *par excellence*. Невозможно «упустить» какой-то элемент этой системы, как она тут же разваливается¹⁴. Учение о материи, концепция конкретно-всеобщего развития, учение об истине и практике, соотношение философии и науки, развитие научной философии, учение о родовой сущности человека, учение о труде, и т.п. – все это связано в философии В.В. Орлова в единую концепцию единого мирового закономерного процесса. Поэтому его философия является образцом системного мышления мира и системного мышления вообще¹⁵. И, конечно, это тоже аромат той ушедшей эпохи – времени надежд советского общества, когда, казалось, что правильное (истинное) мышление определяет все и может разрешить все проблемы человека.

В-четвертых, это философия *оптимизма*. Это оптимистическая философия; она исходит из веры в науку, в познание истины, в разумность человека, в перспективы прогресса на основе знания. Это все черты марксистской философии, унаследованные от философии классической – не только немецкой классики, но и от Новоевропейской философии вообще. Действительно, развитие мира как объективной реальности в рамках единого мирового закономерного процесса ведет к самой сложной и высшей форме существования – человеку. Человек есть не просто вершина мира, он содержит в себе в сокращенном и интегральном виде все «предыдущее» развитие материи. Единый мировой закономерный процесс, описывающий коренное свойство материи, является диалектико-материалистической версией «предустановленной гармонии» или версией развития потенциальности в актуальность. В.В. Орлов верит в человека и верит человеку. Это не наивная вера, а продуманная мировоззренческая позиция. Человек есть вершина развития мира, в которой «свернуто» и «хранится» все предыдущее развитие материи. И посредством его сознания и деятельности это «наследие» снова может быть «воспроизведено», «развернуто» и актуализировано. Человек в процессе познания мира, познает и себя как высший цвет его

---

¹⁴ Поэтому – кстати, как и у Гегеля, – система В.В. Орлова властно «втягивает» мыслящего человека «внутрь себя», внутрь самой мысли автора и заставляет мыслить точно таким же образом. Но, заметим, именно поэтому, она не дает свободы мышления; внутри этой философии нельзя мыслить по-иному: тут же обнаруживаются противоречия, и вся система разрушается. Этим, видимо, объясняется «ригористичность» философа в отношении «инакомышления». Дело заключается в продуманной невозможности мыслить по-другому внутри заданной смысловой рамки. Но как только мы меняем смысловую рамку, и выходим из «вселенной» В.В. Орлова, становится возможным и иное мышление. Нам представляется, что здесь мы сталкиваемся с известным «герметизмом» системного мышления вообще.

¹⁵ Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974. С. 214–240.

развития. Это означает познание человеком своей сущности; и это же означает преодоление человеком его индивидуальной, единичной и особенной, его эгоистичной природы. Осознание своей родовой сущности – значит осознание своей «всеобщей» природы. Понятие «родовая сущность» – ключевое понятие для философской концепции В.В. Орлова. Родовая сущность означает преодоление извечной единичности и конечности человека и осознание себя абсолютным явлением бесконечного мира в целом. «Человек становится в отношении к бесконечному миру как особенное социальное существо, как субъект труда, общения, сознания. Его всеобщая творческая природа выражается, прежде всего, через социальную деятельность общественного существа, непрерывно создающего свою общественную жизнь, осуществляющего социальную историю»¹⁶. Человек есть единство индивидуального, особенного и всеобщего; однако, с момента самопознания и признания себя вершиной мирового развития, всеобщее становится тем, что определяет его индивидуальное и особенное. Индивидуальное становится аккумулятом особенного (социального) и всеобщего¹⁷. Что это значит? Это значит, что *теперь* именно понимание человеком себя как всеобщего существа определяет его деятельность, которая отныне разворачивается в своей индивидуальной, особенной, конечной, форме как бесконечный процесс преобразования объективной действительности – природы, общества и самого человека – как продолжение объективного развития материи. Однако, весь вопрос в том, происходит ли и произойдет ли такое понимание человеком себя как родového существа? Происходит ли и произойдет ли осознание человеком своей всеобщей сущности? Сможет ли человек преодолеть свою конечную, эгоистичную, индивидуальную природу? Смогут ли высшие потребности определять потребности низшие? Философ верит, что именно так и будет; он убежден, что познание мира и осознание человеком себя и своей родовой сущности ведет к этому, ведь, познание и творческая преобразующая деятельность человека – магистраль единого мирового закономерного процесса. Концепция единого мирового закономерного процесса, а в его основе – гуманистическое понимание марксизма, диктует его оптимизм. Но так ли это в действительности? Где гарантия, что человек осознает себя «всеобщим» существом, а, осознав, начнет действовать в соответствии со своей родовой сущностью? Не показывают ли последние десятилетия, что сознание человека не спасает от негативной деятельности, негативного влияния на природу, культуру, общества? Не произошло ли падение образа человека в современном обществе? Не происходит ли девальвация всех смыслов человеческого существования? Не утрачивается ли вера – при всем размахе научных исследований – в науку, и не возрастает ли скепсис? Философ

---

¹⁶ Орлов В.В. Человек, мир, мировоззрение. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 202.

¹⁷ Там же. С. 203.

В.В. Орлов ясно видел эти угрозы, но смысловая рамка его мировоззрения и концепции диктовала ему оптимизм, а потому позитивный императив в его утверждениях о человеке. Он изначально верит человеку и является гуманистом, а потому обосновывает свой изначально оптимистический взгляд на него. Но стоит поменять это изначально веру в человека, как оптимизм исторического прогресса рушится.

Поэтому в концепции В.В. Орлова, как она видится с дистанции исторического времени, все основывается и объясняется этой изначально заданной и мотивированной личным мировоззрением смысловой рамкой эпохи. И это эпоха – эпоха развития советского общества (включая и эпоху «застоя»); и *развитие* было главным предметом размышлений мыслителя В.В. Орлова. Внутри этой смысловой рамки положения философской концепции имеют силу истины, вне ее они обретают характер исторической относительности, личного выбора и пристрастия, лично проработанной мировоззренческой системы. С позиции прошедшего времени эта философия принадлежит своему времени.

Концепция В.В. Орлова и новейшая философия. Как уже говорилось, всякий мыслитель есть фигура историческая, и адекватно его философия может быть понята только из контекста современной ему эпохи. История совершает благодаря временной дистанции по отношению к любой исторической философии своеобразную *эпохе*. Это не значит, что философия того или иного мыслителя становится неистинной, это значит, что ее истина становится истиной *прошедшего* времени.

После развала Советского Союза диалектический и исторический материализм как философия, фактически, был дискредитирован и маргинализирован в общественном сознании. И тем не менее вполне может и должен быть поставлен вопрос: что в этой философии остается истиной наставшей современности? Что в ней сохраняет эвристический потенциал относительно новых проблем нашей эпохи? Надо за историческим характером философской концепции найти ее актуальное содержание.

а). Смысл конкретно-всеобщей теории развития. Историческое развитие советской философии было связано с попытками философствования между двумя возможностями, которые в разной степени реализовывались в разные ее временные эпохи – между материализмом и диалектикой¹⁸. Установка на союз материализма и диалектики плохо реализовывалась в конкретных философских исследованиях. Так, в 50–70-х годах в отечественной философии все больше

---

¹⁸ См.: Мареев С.Н. Из истории советской философии: Лукач – Выготский – Ильенков. М.: Культурная революция, 2008. С. 19–42, 125–184.

начинает доминировать «диалектика» в противовес исследованиям, направленным на развитие теории материи. Это определялось и бурным развитием науки, вопросами научного познания, для которого диалектический метод должен был играть роль инструмента поиска новых знаний. Интерес к «методу Маркса» становится интересом к самому научному мышлению, в то время как философское исследование материи относилось к конкретно-научным исследованиям (или даже вообще выводилось за пределы философии).

В этих условиях позиция В.В. Орлова была новаторской: он находит «третий путь» между Сциллой конкретного материализма и Харибдой абстрактной диалектики. Это его *концепция конкретно-всеобщего развития*¹⁹. Необходимо понять, что учение о материи как субстанции не может сводиться к абстрактным понятиям движения, времени, пространства, форм материи и определения отношений между ними. Конкретика здесь обретается за счет естественнонаучного материала (в первую очередь), который придает содержание этим философским абстракциям. Редукция при описании фундаментальных характеристик материального мира к конкретно-научным представлениям означает редукцию самой философии; философские понятия при этом становятся все более пустыми, сводясь, по сути, к иным наименованиям сугубо научных понятий. Это хорошо было заметно даже по лучшим исследованиям, посвященным теории материи (Бранский В.П., Мелюхин С.Т., Сви́дерский В.И.)²⁰. Попытка избежать редукции к позитивной науке оставляет философию на уровне всеобщих абстракций, но лишает ее всякого познавательного потенциала. Но в таком случае философия теряет свой предмет, становясь только обобщением естественнонаучных исследований, а ее понятия становятся только всеобщими представлениями. С другой стороны, прямолинейное следование мысли Энгельса и Ленина о том, что на долю философии теперь отводится исключительно гносеология («не нужно трех слов: диалектика, логика и теория познания есть одно и то же»), приводила к развитию диалектики. Однако эта диалектика также начинала носить исключительно абстрактный характер: конкретно-научный материал носил исключительно иллюстрационный характер по отношению к понятиям и законам диалектики как всеобщим законам развития. Но в этом случае диалектика переставала играть роль действительной теории познания, поскольку с помощью абстрактно понятых законов мышления нельзя было приобрести нового знания. Метод восхождения от абстрактного к конкретному можно было иллюстрировать эмпирическими примерами, но его нельзя было использовать как

---

¹⁹ Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974. С. 88–240; Орлов В.В. Основы философии. Часть первая. Общая философия. Вып.2. Пермский университет. Пермь, 1997. С. 99–124.

²⁰ Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974. С. 23–34.

действительный метод познания. Это значит, что философия не выполняла своей познавательной функции. Редкие на общем фоне действительно диалектические научные исследования (исследования А.А. Зиновьева, Э.В. Ильенкова, Г.С. Батищева)²¹ не меняли этой ситуации. Таким образом, складывалась следующая ситуация: как материалистическая теория философия теряла свой действительный предмет, как диалектика она не имела никакого отношения к действительному познанию этого предмета.

В этом контексте теория материи как теория конкретно-всеобщего развития выступила как инновационный вариант. Во-первых, это именно *теория материи*, ибо атрибут развития становится условием развертывания всего конкретного многообразия объективной реальности. Развитие означает «восхождение» от низших форм к формам существования как восхождение от абстрактного (бедного и простого) к конкретному (богатому и полному). Во-вторых, поскольку развитие понимается именно как становление потенциально-возможного актуально-действительным существованием, то диалектический закон восхождения от абстрактного к конкретному выступает не просто законом мышления, но *онтологическим* законом. В-третьих, поскольку теория конкретно-всеобщего развития описывает действительное развитие материи, постольку диалектика в его теории получает конкретное содержание, а материализм всеобщий смысл²². Это конкретизация философской онтологии и содержательность философской диалектики. *Это конкретный материализм как онтологическая диалектика.*

В чем смысл «третьего пути» В.В. Орлова? Главный смысл в том, что философия в современных условиях бурного развития науки обретает свой действительный *предмет*. Она есть *всеобщая* теория конкретного развития объективного мира. И с этой точки зрения концепция В.В. Орлова выглядит более привлекательно в сравнении с другими концепциями современной не только отечественной, но и зарубежной философии (постметафизика, постфеноменология, объектно-ориентированная онтология, неоаналитическая философия), которые носят исключительно *локальный* характер.

---

²¹ См.: Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). Диссертация канд. филос. наук. М., 1954; Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1960; Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высш. школа, 1963; Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования (Процесс развития и проблемы его научного воспроизведения). М.: Высш. школа, 1961.

²² Как пишет В.В. Орлов: «Если три основные законы диалектики составляют основу всеобщей закономерности развития, то стержнем этой закономерности, ее основным собственным содержанием является идея необходимого характера последовательности основных форм материи». – Орлов В.В. Человек. Мир. Мировоззрение. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 106.

б). Концепция В.В. Орлова и «плоские» онтологии. В чем именно смысл теории единого закономерного мирового процесса в современных условиях? Именно в том, что это конкретно-всеобщая теория развития. Развитие науки в начале XXI века характеризуется все большей дифференциацией наук; возникновением не только междисциплинарных научных областей (это учитывалось в концепции В.В. Орлова), но и трансдисциплинарными исследованиями. Однако эти последние требуют локальных онтологий, носящих конструктивистский характер²³.

Таковы, например, современные т.н. «плоские» онтологии. В самом деле, согласно последним, коротко говоря, все существующее рассматриваются как отдельные конечные сущности без всяких отношений с другими²⁴. Все они уравниваются в их онтологическом статусе, несмотря на различие их природ: физические вещи и атомы, из которых они состоят, звезды и микробы, тараканы и человек, и т.д.²⁵. Мир распадается на отдельные, не связанные друг с другом явления, а вне этих отношений с другими они превращаются в контингентное бытие, сборки или ассамбляжи²⁶. Связи, которые образуются между вещами, являются ситуационно случайными и также контингентными; но это значит, что и вещи, и их комплексы также носят случайный характер. Совокупность этих актуальных и потенциальных связей выступает как сети.

Проблема в том, что большинство этих локальных онтологий носит феноменологический (точнее – *феноменалистический*) характер, а потому не допускают *сущностного* объяснения. Признание контингентности сущего сводит все к его фактичности (фактуальности). Но в этом случае становятся неопределенным сам онтологический статус сущего и его ассамбляжей. Отменяется «причинность» и невозможно никакое научное объяснение и предвидение. Возникнув в ответ на развитие современной науки, эти варианты постметафизики фактически отменяют науку. Все эти онтологии являются онтологиями конечного существования, а не бесконечного мира. Поэтому эти варианты постметафизической мысли трудно назвать философиями в строгом смысле слова, ведь они вообще не претендуют на познание *сущности* мира²⁷.

---

²³ См.: Метафизика и пост-метафизическое мышление. М.: Академический проект, 2020. – С. 11–12; Столярова О.Е. Возвращение метафизики как факт. М.: Издательство «Русское общество истории и философии науки», 2019. С. 172–180.

²⁴ Харман Г. Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозов и О. Мышкин. Пермь: Гиле Пресс, 2015. С. 97–111.

²⁵ Брайант Л. Демократия объектов / Л.Р. Брайант; пер. с англ. О.С. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс, 2019. С. 155–160.

²⁶ Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность / М. Деланда; пер. с англ. К.С. Майоровой. Пермь: Гиле Пресс, 2018. С. 17–61.

²⁷ См.: Малкина С.М. Проблема критики метафизики и постметафизическое мышление: дисс. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2017.

Действительно, эти онтологии после тотальной критики постмодернизмом бесконечного, всеобщего, абсолютного исходят из абсолютной конечности самого конечного. Это конечное само по себе. Такое конечное выступает, поэтому, как новый *неспекулятивный* абсолют²⁸. Но конечное само по себе без отношения к другому конечному – а, тем самым, опосредованно к бесконечному – превращается в кантовскую непознаваемую «вещь-в-себе». Примечательно, в таком случае, что пресловутый «корреляционизм»²⁹, который эти философии сами себе возвели в основание, связывается с именно Кантом. Они ничего не знают о гегелевском положении, что одна конечная вещь раскрывается в своих объективных свойствах только по отношению к другой конечной вещи, и всему бесконечному ряду конечных вещей. Такая связь им представляется «спекулятивной». Поэтому их движение идет не от Гегеля к Канту, а от Канта к Юму; это выбор «серединой» позиции – между агностицизмом и идеализмом³⁰. Эмпирически имеется (каким образом? – это не ясно) некое конечное сущее, сущность которого никак не может быть постигнута из его отношения с другими аналогичными конечными сущими. Контингентность такого сущего возводится при этом в абсолютную характеристику, а потому эмпирическая фактичность начинает выступать как чистая фактуальность. Определение любого объекта в этом случае сводится к набору конструкций возможных объект-объектных отношений в некоем общем поле фактуальности его существования. Так, например, Г. Харман постулирует двойственную природу любого объекта, самого «реального» объекта по себе и его же как «чувственного» объекта³¹. Из комбинаторики отношений объекта и его чувственных проявлений создается сеть возможных отношений объекта к другому такому же объекту. Причем эта сеть отношений между самим объектом и его чувственными характеристиками переносится также внутрь самого объекта (отсюда и получается «четвероякий объект» Г. Хармана). Как же в таком случае возможно познание? По сути дела, никак. Эмпирический объект сам по себе остается коррелятивно недоступным, но в силу своей эмпиричности он указывает на корреляцию с другим аналогичным объектом. Что их связывает теперь? Только контингентные – неопределен-

²⁸ Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. С. 45.

²⁹ «Под «корреляцией» мы понимаем идею, согласно которой мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности. Мы будем называть «корреляционизмом» любое направление мысли, которое утверждает непреодолимый характер корреляции, понятой таким образом» (Там же, С. 11). И характерное продолжение этого определения: «Поэтому можно сказать, что любая философия, которая не хочет быть наивным реализмом, становится разновидностью корреляционализма» (Там же). Вот и ответ о характере всех этих новейших онтологий (но не теории самого К. Мейясу): это *наивный реализм*.

³⁰ Мейясу К. После конечности... С. 48–64.

³¹ Харман Г. Четвероякий объект. С. 117–118.

ные и недействительные, но каждый раз возможные – отношения, которые могут быть заменены понятием «причинности». «Замещающая» причинность и есть указание корреляционизм объектов, который должен быть допущен не в отношении сущности самих объектов, но только в отношении комбинаторики их возможных отношений³².

Фактически эта новая метафизика объектов с их квалиа есть спекулятивное «преодоление» скептицизма Юма. Это такое преодоление скептицизма, которое ведет к новому аристотелизму, но для которого основным является не действительность объектов, а возможность их сочетаний (ассамбляжи). Поэтому все эти новомодные философии строятся как метафизики спекулятивно-рассудочного, комбинаторного или конструктивного, толка³³.

Теория В.В. Орлова исходит из классического приоритета бесконечного, поскольку конечность конечного явления может быть понята только на основании представления его частью бесконечного мира. В классической философии эта связь понимается спекулятивно: конечное не имеет в себе своего собственного основания, и поэтому должно быть «снято» в своем бытии в бесконечном бытии. Так, модусы Спинозы выступают как конечные модификации субстанции, монады Лейбница выступают только модусами верховной монады, а конечная вещь в философии Гегеля может получить свое полное сущностное определение только из связи с бесконечным. Но в таком случае любое конечное сущее не имеет своего *собственного* существования. Поэтому и в философии Спинозы, и у Лейбница, и у Гегеля есть угроза разрыва между *natura naturata* и *natura naturans*, между существованием каждой монады и универсумом, между конечным явлением и сущностью мира. Иначе говоря, как показывают эти новейшие онтологии, спекулятивно-идеальное, мыслительное «снятие» конечного в бесконечном совсем не спасает от угрозы непознаваемости ни сущности конечной вещи, ни сущности всего мира.

Дело в том, что эта связь конечного и бесконечного должна быть понята не спекулятивно, а реально, как действительная материальная связь. Конечное должно пониматься из его места в составе бесконечного мира. И концепция В.В. Орлова исходит именно из этого: всеобщее есть сторона самой действительности, а не отвлеченная абстракция от конкретного существования. Это не абстракция, а выражение самой материальности существования. Конечное сущее есть конечное проявление субстанциального в силу своей материальности.

Но как доступна эта субстанциальная материальная сторона любого явления? Если любое явление дано нам в своей эмпирической фактичности, и если

---

³² Харман Г. Четвероякий объект. С. 80–83.

³³ Примечательно, что самоназвание этих философских течений содержит в себе смысловое противоречие и является оксюмороном: «спекулятивный реализм», «объектно-ориентированная онтология», как бы сами основатели их не расшифровывали эти названия.

сущность явления как таковая открывается не в чувственном опыте, а в его мышлении, не означает ли это правоты спекулятивных реалистом о «корреляционизме» диалектического материализма? Ведь, в самом деле, в самом чувственном явлении невозможно выделить его сущностную сторону в отличие от ее восприятия. Не является ли в этом случае сущность «только» идеей или представлением? Отрицательный ответ на этот вопрос заключается в том, чтобы понять сущностную сторону любого явления именно как действительную, материальную, объективную его сторону. Вот здесь и обнаруживается ключевая онтологическая и гносеологическая роль орловского понимания развития.

в). Теория единого закономерного мирового процесса и коинциден- тальные теории. Развитие в концепции В.В. Орлова в отличие от других версий диалектического материализма является стержнем понимания самой материи. Развитие не просто коренное свойство материи; атрибутивность развития означает, что именно в развитии открывается сама объективность явлений бесконечного мира. И с этой точки зрения – в отличие от других концепций материалистических философий – отношение между субстанцией и атрибутом «переворачивается»: именно атрибутивность становится доказательством и проявлением материальности мира, его единства и целостности.

Почему В.В. Орлов настаивал на атрибутивности именно развития, а не движения, возводя вопрос о нем его даже в сущность второй формы основного вопроса философии? Потому, что без этого нельзя вполне последовательно обосновать целостность мира как объективную материальную взаимозависимость. Почему он настаивал на том, что развитие есть коренное свойство материи (как закономерной смены ее форм)? Потому что без этого нельзя понять объективную взаимосвязь всего множества материальных явлений. Почему он подчеркивал всеобще-конкретный характер развития? Потому, что без этого нельзя понять именно не как спекулятивно-идеальную и только мыслимую сущность явлений, а как действительную объективную сущность в виде их причинной взаимосвязи. Что в любом конечном явлении выступает как его сущностная субстанциальная сторона? Это его взаимосвязь с другими материальными явлениями; всеобщее в любом конечном предмете – это объективные связи его детерминации (причинения). Именно через это любое конечное явление встроено во всеобщую бесконечную мировую связь, делающую все множество существующего единым и целостным. Поэтому связь конечного с бесконечным может быть раскрыта только через понимание развития как объективного процесса их взаимосвязи.

В самом деле, все материалистические концепции, которые рассматривают субстанцию в отрыве от атрибута развития возвращаются к окказионализму Мальбранша; все материалистические концепции, которые рассматривают суб-

станцию не через атрибут развития не смогут обосновать существенность ее модусов и сталкиваются с их контингентностью³⁴; все материалистические концепции, которые не мыслят конечные предметы в их развитии не могут определить их объективную сущность, но сводят ее только ко всеобщим идеальным представлениям³⁵. Все материалистические теории, которые не видят всеобщую связь явлений как их объективную взаимосвязь, вынуждены мыслить голую эмпиричность явлений; это теории материальных феноменов, но не теория материального мира³⁶.

Действительно, это и происходит в т.н. коинцидентальных онтологиях; это попытки мыслить материальные объекты сами по себе вне их объективной взаимосвязи. На поверку это все те же конечные онтологии. Если объект рассматривается сам по себе, то всякая связь с другим конечным объектом является внешней, случайной и не существенной связью. Она носит только контингентный характер. Поэтому фактуальность таких связей замещается «причинностью» как мыслимой спекулятивной связью. Положение здесь все тоже: познать такую связь в силу ее контингентности мы не можем, но должны ее полагать для мысленного определения сущности вещи. Поэтому такая связь носит спекулятивный характер, только теперь это не априорная кантовская форма и не психологическая привычка Юма, но и не гегелевская диалектическая связь понятий в мышлении. Это спекулятивно-полагаемая «гипотетическая» связь, которую требует фактуальность рассматриваемого явления. Поскольку явление фиксируется как изменяющееся и изменяющееся закономерно, то это «замещающая» причинность; поскольку речь идет о связи следования самих эмпирических явлений, а не об умственной привычке Юма, то можно говорить об их реальной «коинцидентальности»; поскольку эта связь явлений фактически выступает как развитие от низшего к высшему, то такую связь надо мыслить как «акселерационизм». «Корреляционизм» как установка при этом преодолевается за счет корреляции между фактичностью явления и необходимостью построения всеобщей теории. Реальные объективные связи явлений оказываются только их случайными совпадениями, перверсией объективной необходимости классической философии³⁷.

В таком случае можно говорить о *спекулятивной* теории материи, которая, правда, никакого отношения к пониманию материи как всеобщей целостности

---

³⁴ Здесь вообще понятие материи может быть оторвано от понятия реальности, под которой понимается все то же явление конечных объектов само по себе. См.: Ветушинский А. Во имя материи. Критические и метафизические исследования. Пермь: Гиле Пресс, 2018. С. 125–129.

³⁵ См.: Реев Й. Коинцидентология: краткий трактат о методе. СПб., Транслит, 2015. С. 27.

³⁶ См., напр.: Онфре М. Космос: Материалистическая онтология / пер. с фр. В.В. Боченкова. М.: Кучково поле, 2017.

³⁷ См.: Реев Й. Невозможное и совпадение. О революционной ситуации в философии / пер. с иврита М.Макаровского; пер. с англ. П. Ханиной. Пермь: Гиле Пресс, 2016. С. 57.

объективного мира никакого отношения иметь не будет³⁸. Но в этом случае по существу также нельзя говорить о действительном познании объективного мира. Философия становится не теорией научного познания мира, а самодостаточной спекулятивной теорией, просто опирающейся на отдельные, разрозненные и не связанные научные факты. Она «абсорбирует» эти отдельные факты, но не опирается на целостное представление о научном познании. Она превращается в конструирование возможных онтологий и размышления о возможностях познания³⁹, но уже не является *действительным познанием* сущности мира.

В отличие от этого теория единого закономерного мирового процесса содержит в себе всеобщие и сущностные критерии определения онтологического статуса явлений. Развитие является объективным процессом причинной взаимосвязи модусов, а потому не просто выражает их единство, но именно их объективное материальное единство. Онтологический статус явлений определяется не их фактичностью, а объективным характером их возникновения и развития. Экзистенциальным индексом является не контингентность, а всеобщая связанность явлений в объективной реальности. Не конечные и индивидуальные особенности, а всеобщие характеристики становятся основанием определения конкретности любого явления. Развитие мира становится условием для определения (познания) конкретного сущего.

Такое развитие представляет собой единство трех основных направлений: магистрального, «подчиненного» направления развития и направления развития «невключенного» низшего⁴⁰. Магистраль развития всегда «опирается» на две другие линии, и в известном смысле сохраняется благодаря тому, что сохраняется этот фонд нереализованных потенциальных возможностей развития⁴¹.

---

³⁸ Ветушинский А. Там же. С. 125–129.

³⁹ См., напр.: Ревев Й. Введение в исчисление сред // Логос. 2020. № 5. С. 1–22. Из констатации четверичного базового кода (соединения – разъединения, проникновения и прилегания) определяются возможные состояния жестовых сред и возможностей их исчисления.

⁴⁰ Орлов В.В. Человек, мир, мировоззрение. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 93–95.

⁴¹ Область потенциального больше области действительного и актуализированного возможного. Возникновение высшего всего происходит из не из высшего предыдущей ступени, а из «оптимального». Но четкого ответа о характере этой оптимальности мы в теории философа не находим. Именно эту область потенциально-возможного, выходящую за пределы действительного и предшествующую ей, и рассматривает философ Й. Ревев. Это шаг «алеаторного материализма» выступает, однако, как конструирование возможных состояний сред (ситуаций), когда из констатации базового четверичного кода (соединения и разъединения, проникновения и прилегания) определяются возможные состояния области фактического (См. Там же. С. 15–18). Это действительно *конструируемая онтология*, коль скоро речь идет о том, чтобы «заглянуть» за область действительного, к области «первосцепляемого», которое теперь должно сделаться объектом систематического и исчисляемого анализа. Но все дело в том, что у философа В.В. Орлова «оптимальным» является не потенциально-исчисляемое, а фактически обнаруживаемое во всем ходе научном исследовании, т.е. потенциально-возможное для него открывается не как «фактуальное», но как действительно фактическое (да еще в его сущностном определении). Поэтому, когда

Именно потому, что мир выступает как такой сложный процесс возникновения, сохранения, включения и интеграции, он представляет иерархическую материальную структуру. Развитие разворачивается в многоуровневую структуру, в которой ступени развития откладываются в виде последовательности уровней организации материи. Иначе говоря, процесс разворачивается как структура, а структура презентует этапы этого развития. Вся суть в том, что эта конкретно-всеобщая закономерность развития от низшего к высшему, которая процессуально разворачивается в иерархическую структуру, характеризуется конвергентным, с количественной стороны, и аккумулятивным, с качественной стороны, характером развития. С количественной стороны это означает меньшую распространенность высших форм материи по сравнению с низшими. С качественной стороны это означает постоянное накопление содержания высших форм по сравнению с низшими: высшие формы несут основное содержание низших в себе в обобщенном и интегрированном виде. Всякая высшая форма существования по своему содержанию оказывается больше низшей ступени, а развитие – это не количественное прибавление, а интеграция как непрерывный процесс «уплотнения» и обобщения содержания каждой предыдущей ступени. Но это и означает, что всякое индивидуальное сущее не является только контингентным, случайным и фактическим; своей фактичностью и контингентностью оно выражает всеобщие характеристики той ступени развития, к которой оно принадлежит по своему генезису. Не фактичность определяет статус сущего, а место в структуре мира определяет характеристики его фактического (действительного) существования⁴².

Короче говоря, смысл теории единого закономерного мирового процесса в современных условиях заключается в следующем. Эта теория сохраняет *сущностный*, а не спекулятивный характер постижения мира. Она носит *всеобщий* характер, давая объяснение миру как целому, а не набору случайных и разрозненных явлений. Процесс развития понимается как онтологическая конкретизация всеобщего в единичном контингентном явлении. Эта теория обоснования именно научного познания мира, задающая смысл научному познанию и основание научному предвидению. Наконец, (мы об этом не сказали еще) эта теория отстаивает человека как высший цвет развития объективного мира.

г). «**Два Абсолюта**». В философии В.В. Орлова содержится особенное понимание человека, которое в условиях современного тотального нигилизма, становится чрезвычайно актуальным. Конечность бытия человека, возведенная

Й. Ревев пишет, что «материалистический подход... не может не основываться на «конкретном анализе конкретных обстоятельств» (Там же. С. 19), то он бьется в «открытые ворота».

⁴² Хуэй Ю. Рекурсивность и контингентность. М.: V-A-C Press, 2020. С. 94.

экзистенциализмом в середине XX века в фундаментальную онтологическую характеристику, в пост-метафизике начала XXI века вообще оборачивается потерей его онтологического (и гносеологического) статуса. В самом деле, если вещь становится контингентной и в этом качестве субъектной, то человек изымается из существования⁴³. Субъектность становится не характеристикой высшей формы существования (поскольку все сущие уравниваются в своем онтологическом статусе), но просто характеристикой любого сущего. Фактически, это означает «расчеловечивание» человека – в чем бы конкретно оно не выражалось: в сведении его к чистой фактичности существования, к его существованию в качестве плотского материального существа, к нейробиологическим структурам, к цифровому коду, и т.д. «Иным» конечности человека является не бесконечный мир, а нечеловеческое (unhuman) в самом человеке⁴⁴.

В отличие от этого в философии В.В. Орлова человек рассматривается как вершина материального развития, «цвет материи». Однако это общее положение философии диалектического материализма конкретизировано следующим оригинальным образом. Процесс мирового развития обнаруживает тенденцию сокращения распространенности каждой более высокой ступени развития материи, а количество ступеней развития «вниз», в сторону более простых форм существования, является бесконечным. Философ делает вывод о том, что в некоторый момент развитие должно достигнуть последней, наивысшей ступени, после которой сокращение окажется невозможным. Означает ли это прекращение развития? Ни в коем случае, ибо идея конвергентного развития определяет только его количественную сторону; с качественной стороны развитие представляет собой аккумуляцию содержания. Это означает, что «последняя», наивысшая форма материи должна представлять собой такое *конечное* или *особенное*, которое несет в себе – бесконечное содержание всего бесконечного здания материи. Поэтому *логично предположить*, что с момента возникновения такой наивысшей формы материи развитие резко меняет свой характер⁴⁵. Это логическое предположение опирается на фактически накопленное к настоящему моменту знание о закономерностях развития объективного мира. И все же оно носит парадоксальный характер: более высокая ступень развития осуществляется за счет трагедии других возможностей развития так, что действительность материи меньше, чем ее потенциальность. Разрешение этого противоречия связано именно с тем, как понимается человек как вершина материального развития мира.

---

⁴³ См.: Шавиро С. Вне критериев. Кант, Уайтхед, Делез и эстетика / пер. с англ. О. Мышкина. Пермь, Гиле Пресс, 2018. С. 29–30.

⁴⁴ См.: Тригг Д. Нечто. Феноменология ужаса / Д. Тригг; пер. с англ. Я. Цырлиной и Д. Чулакова. Пермь, Гиле Пресс, 2017. С. 15.

⁴⁵ Орлов В.В. Человек, мир, мировоззрение. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 120.

Человек понимается не просто как «наследник» бесконечного развития материи, а как ее высшее выражение. Это означает, что человек содержит в себе в обобщенном и сокращенном виде все формы «предыдущего» развития. Он не просто «закономерно» возникает как итог всего развития бесконечного мира; аккумулируя в себе потенциально все предыдущее развитие, человек способен его актуально развертывать в своей деятельности. Возвышение человека до осознания себя вершиной материи означает осознание своей не индивидуальной и особенной, а всеобщей сущности. Фактически, это значит, что индивид начинает смотреть на себя *sub aeternum*; это значит, что в его практической деятельности определяющим становится не следование своей индивидуальным потребностям или особым социальным запросам, а следование своей «родовой» сущности. Как бы мы ни относились к этой – весьма спорной! – позиции, это означает преодоление своей биологической природы и социальной ограниченности. В качестве высшей, «всеобщей» и родовой сущности выделяется объективная способность человека жить не конечным, а «бесконечным» интересом. В чем же выражается этот бесконечный интерес человека? В познании окружающего мира и преобразовании его. Это означает, что сам человек понимается как точка объективного развития материи, в которой она «обращается» на самое себя. Посредством познания себя человек постигает существо самого бесконечного мира; понимая себя как вершину развития, он понимает все развитие в его всеобщем, сокращенном и обобщенном виде. Однако самое главное, что на основе познания человек способен к преобразованию материального мира. Он не просто несет в себе бесконечность, он ее реализует; в человеке – в его творческой познавательной и преобразующей деятельности – материя получает свое бесконечное развитие. Он, поэтому, есть универсальное материальное существо, находящееся в универсальных отношениях к материальному миру, в универсальной деятельности которого этот объективный мир получает свое дальнейшее развитие.

Человек постигает и преобразует объективную реальность. Поскольку как универсальное существо человек содержит в себе все «предыдущее» развитие, он является выражением Абсолюта. Поскольку, познавая и преобразуя объективную реальность, человек ее создает, постольку он сам является Абсолютом. В нем «предыдущее количественное (конвергентное) развитие материи переходит в качественное (аккумуляционное) развитие; потенциальное становится актуальным, «предыдущая» бесконечность становится бесконечностью «последующей». В познании и деятельности человека выражаются два Абсолюта – Абсолют объективного развития материи, и Абсолют ее субъективного развития. В абсолютной сущности человека реализуется его абсолютная сущность материи. В этом и выражается субстанциальный аспект сущности человека.

В противовес современным субъективистским концепциям человека философия В.В. Орлова подчеркивает его объективный характер его абсолютности. Человек является универсальным существом как выражение абсолютности развития самой материи. Сам философ связывает эту универсальность с марксовым пониманием человека; но в ней находит выражение вообще вся классическая традиция его понимания – и спинозистское понимание *Amor Dei Intellectualis* как страсти, в которой преодолевается конечность человека и обнаруживается его единство с субстанцией, и кантовский всеобщий разум, и гегелевское единство субъективного и объективного духа. Но марксистское понимание субстанциальной сущности человека отличается тем, что последняя понимается не как мысленная идея (понятие) или процедура спекулятивного «снятия», а как понятие материальной деятельной сущности человека (труда), которая в процессе исторического развития преодолевает свою реляционную – индивидуальную и особенную – форму. В самом историческом развитии объективного мира выражается абсолютность и субстанциальность материальной бесконечной сущности человека в противовес его конечной природе его как биологического и социального существа.

д). **«Материализм с человеческим лицом».** Все современные пост-метафизические концепции оказываются по существу концепциями *материалистическими*⁴⁶. Однако этот новый материализм, как уже отмечалось, характеризуется потерей гуманитарного смысла. Как уже отмечалось, развитие генной медицины, нейробиологии, робототехники, *computersciences*, и т.д., ведут к массе гносеологических и этических проблем, связанных с редукцией человеческого вообще. В отличие от этих новейших учений в философии В.В. Орлова мы сталкиваемся с последовательно отстаиваемым гуманизмом. Это философия есть «материализм с человеческим лицом».

Когда современная философия настаивает на принципиальной конечности человека, она сужает его сущность до простой фактичности. Это противопоставление конечного человека – бесконечному миру, это констатация принципиальной пропасти между человеком и бесконечным миром. Тщета человеческого существования и заключается в бесконечном стремлении к своему подлинному, но не достижимому, бытию; она заключается в неопределенности своего контингентного существования; его суть сводится к простой фактичности данности

---

⁴⁶ См., напр.: Беннет Дж. Пульсирующая материя. Политическая экология вещей / Дж. Беннет; пер. с англ. А.А. Саркисьянца. Пермь, Гиле Пресс, 2018; Мортон Т. Гиперобъекты. Философия и экология после конца мира / Т. Мортон; пер. с англ. В. Абраменко. Пермь, Гиле Пресс, 2019; Bogost I. Alien Phenomenology, or What It's Like to be a Thing. Published by the University of Minnesota Press, 2012. pp. 166; Harman G/ Bells and Whistles. More speculative realism. – Winchester, UK; Washington, USA. Published by the University of Zero Books, 2013. pp. 303.

или чистой случайности. За всем этим стоит отрыв человека от его действительного бытия (от его сущности).

В отличие от этих концепций отечественный философ подчеркивает именно то, что человек в самом себе несет бесконечный мир. Возникая в силу самой природы материи в результате ее бесконечного развития, и реализуя в себе в обобщенном и сокращенном виде все бесконечное многообразие материального мира, человек оказывается в глубоком родстве с бесконечным миром. С этой точки зрения бесконечный мир человечесен. Человек преобразует окружающую его природную и социальную действительность, и эту преобразующую деятельность необходимо понимать не только с ее субъективной, но и с ее объективной стороны. Субъективная сторона человеческой деятельности заключается в том, что в процессе труда человек овладевает предметами объективной реальности. При этом, с одной стороны, он опредмечивает свои сущностные силы, придавая предметам окружающей действительности субъективный смысл, а, с другой стороны, этот процесс есть распределенное опредмечивание объективных свойств этих предметов в формах человеческой деятельности. Или, наоборот, с одной стороны, в процессе труда раскрываются и распределяются живые способности человека, приобретая формы предметов, и опредмечиваются формы предметов в формах человеческих способностей и знаний. Так или иначе, предметы объективной действительности в процессе преобразующей деятельности человека обретают человеческий смысл. А объективная сторона человеческой деятельности заключается в том, что в самом труде выражается сущность человека как универсального материального существа. Человек не просто преобразует окружающий мир в соответствии со своими субъективными потребностями и замыслами. Он осуществляет это только в той мере, в какой это определяется объективными свойствами самих материальных предметов и явлений. Преобразуя мир, человек познает его свойства; преобразуя мир, человек не только реализует самого себя как высшее творение материи; он реализует весь потенциал материи, переводя его из потенциального в актуальное состояние. Человек содержит в себе все бесконечное разнообразие бесконечного мира в «свернутом» виде, а перед собой (для-себя) все это бесконечное многообразие в развернутом виде. Или наоборот, он актуально в себе имеет всю потенциальную бесконечность материального мира, а перед собой (для себя) все актуальное богатство мира как потенциальную возможность своего развития.

Смысл человеческого существования и заключается в овладении этой бесконечности материального мира в своей практической деятельности, и, тем самым, в реализации своей – потенциально бесконечной – сущности. В самом своем существовании человек имеет этот мир в себе потенциально, и актуально реализует эту связь своего конечного существования с бесконечным миром в своей практической деятельности. Смысл человеческого существования именно

в преодолении своей конечности, в преодолении всех препятствий к последовательному и полному развертыванию всех сторон человеческой природы. Человек есть индивидуальное, но его индивидуальность есть, прежде всего, аккумулят его всеобщей и особенной природы. Поэтому его индивидуальное и особенное (социальное) бытие должно стать реализацией этой всеобщей природы, дать возможность развернуться ей из потенциального состояния в живую действительность. Поэтому «индивидуализация бытия – это всеобщая закономерность развития, обусловленная закономерностью аккумуляции результатов предыдущего развития; индивидуализация бытия является прямым, а не побочным продуктом развития всего особенного и всеобщего содержания бытия»⁴⁷.

Поэтому этическая составляющая марксизма в концепции В.В. Орлова связана именно с преобразованием конечности человека, которая в процессе развития перестает быть «конечностью конечного», но становится «конечностью бесконечного», выражением абсолютной сущности человека. В осознании своего смысла существования для человека сведены всеобщее, особенное и индивидуальное, бесконечное и конечное, потенциальное и актуальное. Реализация в своем конечном существовании бесконечности мира означает не просто духовное преобразование человека (на этом спекулятивном схватывании в уме) свое всеобщей природы остановилась предыдущая философия). В духовном мире человека, действительно, мир и общество выступают для индивидуума как непосредственные факторы его жизни; но они должны стать непосредственными предметами его практической деятельности. Только тогда они реализуются в самой действительности, а индивидуальная конечность человека объективно станет выражением всеобщей сущности бесконечного мира.

Это этическое содержание составляет неотъемлемую часть философии В.В. Орлова. Вне такого понимания бесконечной сущности человека сложно что-либо противопоставить новейшим концепциям его конечности.

***

Автор данного предисловия в отличие от других авторов данной монографии не является учеником или последователем философии В.В. Орлова. Моя задача была воздать должное этому выдающемуся отечественному мыслителю, и выделить то, что представляет интерес для решения философских проблем первой трети XXI века и вообще развития философии. Это, конечно, исключительно *субъективный* взгляд на его философию.

Остальное скажут его ученики и последователи.

---

⁴⁷ Орлов В.В. Человек, мир, мировоззрение. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 203.

Л. А. Мусаелян

доктор философских наук, заведующий кафедрой философии
Пермского государственного национального
исследовательского университета

А. А. Осмоловская

старший преподаватель кафедры философии
Пермского государственного национального
исследовательского университета

ГЛАВА 1. ОБ ОДНОЙ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ МАТЕРИИ И ЕЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ РЕШЕНИЯ НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

По оценке многих исследователей, придерживающихся разных методологических

и мировоззренческих позиций, современная эпоха есть эпоха многоаспектного глобального кризиса¹. Кризисы – это время философии. Сегодня человечество остро нуждается в философской концепции, обладающей должным эвристическим потенциалом, необходимым для объективного анализа существующих противоречий и разработки научного обоснования программ их преодоления. Различные концепции антиреализма: конструктивизм, феноменологизм, структурализм, постмодернизм и др., ставшие чрезвычайно модными в последние три десятилетия у нас в стране, отличающиеся мелкотемьем, семантическим и терминологическим волонтаризмом и анархизмом, малопродуктивны для решения указанной сложной задачи. Фундаментальные философские проблемы онтологии, теории познания, философии истории, социальной философии не входят в число актуальных задач этих модных течений. Многие из существующих антиреалистических концепций являются отражением кризиса современной цивилизации. С другой стороны, они выражают кризисное состояние современной философии². Как показала публикация Ж. Брикмона и

---

¹ Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка – глобальный кризис. М., 2015. 288 с.; Гэмбл Э. Кризис без конца? М., 2018. 304 с.; Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация. Пермь, 2016. 228 с.

² Гобозов И.А. Интеллектуальный кризис общества // Философия и общество. №3, 2010. С. 5–21; Мнацаканян М.О. Постмодернизм: происхождение, природа и место в современной социологии. М., 2015. 335 с.; Панфилова Т.В. Проявление постмодернизма в нашей жизни // Философия и общество. № 1, 2017. С. 48–60.

А. Сокала³, под модной философской концепцией часто может подаваться терминологическая абракадабра, демонстрирующая самолюбование автора в возможностях собственной языковой эквилибристики. В этой связи наметившийся в последние годы поворот от антиреалистических концепций к реализму не является случайностью⁴. Нельзя не согласиться с Г.Д. Левиным, что из всех разновидностей современного реализма наибольшими теоретическими возможностями в постановке и решении фундаментальных проблем бытия обладает марксистский материализм⁵. Об исключительных достижениях этой философии в объяснении человека, природы и общества писали и зарубежные исследователи⁶. Теоретические возможности этого материализма не в малой степени обусловлены тем, что он перенял лучшие наработки предшествующей классической философии. Перечислим лишь некоторые из них, имеющих отношение к теме настоящей статьи. Прежде всего, это понимание философии как духовной квинтэссенции эпохи, имеющей исключительное значение в развитии человечества. Диалектическую концепцию развития как методологию мышления и познания окружающей действительности, культуру философствования как предельно абстрактной, высоко профессиональной интеллектуальной деятельности по созданию целостной системы взаимосвязанных учений⁷.

В отличие от предшествующей философии этот материализм ставил своей задачей не просто описание и объяснение мира, а его изменение⁸. Поэтому основоположники марксистской философии отказались рассуждать о человеке вообще и обществе вообще. Они исследовали конкретных социальных индивидов, существующих в конкретном обществе, в конкретную историческую эпоху. Можно сказать, что эта философия является предельно реалистической. Реализм марксистской философии проявляется и в ее практической направленности. «Вопрос о том, – писал Маркс, – обладает ли человеческое мышление предметной истинностью – вовсе не вопрос теории, а практический вопрос»⁹. Среди теоретически значимых идей, унаследованных научной философией из предшествующих учений, следует назвать идею аккумулятивного развития. Ре-

---

³ Брикмон Ж., Сокал А. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2002. 248 с.

⁴ «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 5–38.

⁵ Там же.

⁶ Грэхем Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. 480 с. С. 415.

⁷ Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей: историко-философские очерки и портреты. М., 1991. 464 с. С. 305.

⁸ Маркс К. Тезисы о Фейербахе. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 263.

⁹ Там же. С. 261.

льфовно эта идея была выражена в «Науке логики» Гегеля. «На каждой ступени дальнейшего определения, – писал философ, – всеобщее возвышает всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет от своего диалектического движения вперед, не только ничего не оставляет позади себя, но и несет с собой все приобретенное и обогащается, и сгущается внутри себя»¹⁰. В.И. Ленин, конспектируя «Науку логики», полностью выписывает приведенное положение и замечает: «Этот отрывок недурно подводит своего рода итог тому, что такое диалектика»¹¹.

Надо признать, что у профессора В.В. Орлова, большого любителя и знатока философии Гегеля, было особое теоретическое чутье на продуктивные идеи немецкого мыслителя. К числу таких идей он относил и мысль Гегеля об аккумуляции содержания как закономерности развития. Понимая значимость исследования этой фундаментальной закономерности в решении ряда дискуссионных философских проблем и дальнейшего развития диалектического материализма, профессор В.В. Орлов предложил автору этих строк заняться теоретическим осмыслением названной закономерности. В результате исследования было выявлено, что эта проблема не получила должного освещения в советской и зарубежной философской литературе. В явной, но чаще в неявной форме идея аккумулятивного развития присутствует в трудах Маркса и Энгельса, в работах многих известных ученых XX в.: физиков, химиков, биологов и, конечно философов (Афанасьев В.Г., Волков Г.Н., Карпов М.М., Маркарян Э.С., Минасян А.М., Фаддеев Е.Т. и др.).

С начала 60-х гг. прошлого века в марксистской философии шли активные дискуссии относительно определения понятия развития. Идеи, которыми руководствовались ученые кафедры философии Пермского университета, участвуя в этих дискуссиях, фундировались на принципе реализма. Это значит, что нельзя рассуждать и спорить абстрактно о развитии *вообще*. Корректным является дискурс о развитии *материи*. Опять-таки, нельзя теоретизировать о развитии материи вообще. Принцип реализма требует определения развития на основе той части материального мира, которая нами более или менее изучена, т.е. *четырёх основных форм материи, представляющих магистральную линию развития материи*. Анализ громадного фактологического материала из области физики, химии, биологии, социальной философии, философии культуры, философии техники и науки дал основание автору этих строк прийти к выводу, что развитие есть бесконечное движение материи от низших ступеней к высшим, от простых организаций к сложным. Было выявлено что *аккумуляция содержания*

¹⁰ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3. М., 1972. С. 306–307.

¹¹ Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 29. М.: Издательство политической литературы. 1969. С. 212.

есть универсальная закономерность развития, заключающаяся в накоплении и обогащении содержания систем при их движении от низшего к высшему, от простого к сложному. Дискуссионный вопрос о критерии развития при осознании аккумулятивного характера эволюции материи приобретает определенность. Таким индикатором развития является рост богатства содержания развивающихся систем, как результат и выражение аккумулятивного развития. Рост богатства содержания материи проявляется в трех аспектах: в плане всеобщего – в возрастании многообразия форм материи, в аспекте особенного – в возрастании внутреннего многообразия содержания каждой вышестоящей формы материи, в плане единичного – в большем многообразии содержания отдельных объектов, представляющих каждую последующую форму материи¹². Рост богатства содержания развивающихся систем дает о себе знать в возрастании многообразия их элементного состава (содержания), связей между элементами (структуры) и функций. Эти изменения сопровождаются возрастанием информационной емкости развивающихся систем¹³. Функциональным выражением аккумулятивного развития материи является ускорение темпов ее развития, что отмечалось еще Ф. Энгельсом¹⁴. Как было выявлено нами, в силу аккумулятивного развития материи и роста богатства содержания эволюционирующих систем, законы функционирования и развития на высших ступенях материи приобретают более выраженный характер.

Аккумуляция содержания как закономерность развития материи не является особым, скажем, четвертым законом диалектики. Как сторона развития она проявляется через известные законы диалектики, выступая их интегрирующим фактором. В то же время указанная закономерность включает в себя в качестве своих компонентов такие тенденции развития как преемственность и отрицание (понимаемые в диалектическом смысле), обобщение, интеграцию (как синтез содержания низшего в высшем), конкретизацию, универсализацию, «уплотнение» («сгущение») содержания развивающихся систем. Некоторые из перечисленных тенденций развития (обобщение и универсализация) были исследованы учеными кафедры философии Пермского университета В.В. Орловым, Н.Б. Оконской, А.В. Нецветаевым¹⁵. Важным моментом аккумулятивного разви-

---

¹² Мусаелян Л.А. Аккумуляция содержания как закономерность развития материи. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Свердловск, 1980. С. 8.

¹³ Равен Х. Оогенез. Накопление морфогенетической информации. М., 1964. С. 256. Урсул А.Д. О природе информации // Вопросы философии. 1965. № 3. С. 137. Ефремов И.А. Космос и палеонтология // Населенный космос. М., 1972. С. 91–106.

¹⁴ Энгельс Ф. Диалектика природы. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 620.

¹⁵ Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974. 398 с.; Оконская Н.Б. Диалектика социального и биологического в историческом процессе. Пермь, 1976. 198 с.; Нецветаев А.В.

тия материи, который проявляется через механизм преемственности, отрицания, обобщения, интеграции и универсализации, является процесс отбора в эволюции неживых, живых и социальных систем. Этот феномен, проявляющийся в развитии материальных систем, исследовался в нулевые годы учеником профессора В.В. Орлова, ныне профессором кафедры философии А.Ю. Внутских¹⁶.

Выше нами отмечалось эвристическое значение идеи аккумулятивного развития материи для понимания дискуссионной проблемы развития. Размышляя на эту тему, необходимо отметить, что, руководствуясь идеей аккумулятивного развития абсолютной идеи, Гегель в «Науке логики» сформулировал основополагающие философские методы познания: исторический и логический, восхождение от абстрактного к конкретному, принцип единство диалектики, логики и теории познания. Впоследствии они были применены К. Марксом при написании «Капитала»¹⁷. Проблема систематизации категорий диалектики была и остается в научной философии дискуссионной темой. Автором этих строк была предложена идея, согласно которой аккумулятивность развития материи должна рассматриваться как объективная основа систематизации категорий диалектики¹⁸. Такое решение дискуссионной проблемы вытекает из принципа единства диалектики, логики и теории познания, а также из требования, что категории должны выводиться одна из другой и, в то же время находиться в определенной субординации друг с другом. Подобная связь категорий объективно обусловлена аккумулятивным характером развития материи.

Как отмечалось ранее, идея об аккумулятивном характере развития материи была перенята основоположниками научной философии и получила отражение в их трактовке развития природы и общества. Для настоящего времени представляются особенно ценными их воззрения на социальные и политические институты, определяемые пониманием аккумулятивного характера исторического процесса. Согласно основоположникам диалектического и исторического материализма, «люди сами делают свою историю, но делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются на лицо, даны им и перешли от прошлого»¹⁹. «...Эти обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства. Та сумма производительных сил, капиталов и социальных форм общения,

---

К вопросу об универсализации в развитии живого // Философия пограничных проблем науки. 1974. № 6.

¹⁶ Внутских А.Ю. Отбор в природе и отбор в обществе: опыт конкретно-всеобщей теории. Пермь, 2006. 335 с.

¹⁷ Мусаелян Л.А. Научная теория исторического процесса. Пермь, 2005. 390 с.

¹⁸ Мусаелян Л.А. Аккумулятивность развития как объективная основа систематизации категорий диалектики. Диалектический материализм как система. Пермь, 1980. С. 37–44.

¹⁹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 119.

которую каждый индивид и каждое поколение застает как нечто данное, есть реальная основа истории, что философы представляли в виде «субстанции» и в виде «сущности человека»²⁰. Каждое новое поколение, опираясь на эту основу, создает еще нечто новое, дополняя и обогащая ее, передает эту субстанцию последующим поколениям. Поэтому при поступательном движении общества от поколения к поколению, от одной исторической эпохи к другой происходит рост богатства содержания реальной основы истории. Эта реальная основа истории – определяемая как совокупность производительных сил, капиталов, социальных форм общения, институтов, духовных и материальных ценностей и т.д. – от эпохи к эпохе, словно снежная лавина, движущаяся с горы, набирает массу и скорость. Идея аккумулятивного характера развития общества дала основание Марксу и Энгельсу сделать вывод о существовании объективного закона роста основательности исторического процесса. «Вместе с основательностью исторического действия, – писали мыслители, – будет, следовательно, расти и объем массы, делом которого оно является»²¹. Много позже В.И. Ленин, опираясь на идеи своих великих предшественников, напишет: «По мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрасти и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем»²². Исторические процессы развернувшиеся в конце XIX и в XX столетии подтвердили идеи основоположников марксизма и вождя российских революционеров, что дало основание впоследствии ученым писать о существовании объективного закона возрастающей роли народных масс в истории²³. Указанная закономерность исторического процесса фактически признавалась и З. Бжезинским, который писал о глобальном политическом пробуждении народов²⁴. Но это «пробуждение» народов Запад и, прежде всего, США, не в силах остановить, попытались инструментализировать для осуществления цветных революций в странах Восточной Европы, а затем и Северной Африки²⁵.

Размышляя о законе роста основательности истории, можно задаваться вопросом, является ли он объективным. Если да, то как понимать историческую

---

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 37.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 90.

²² Ленин В.И. Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 2. М.: Издательство политической литературы. 1967. С. 39–40.

²³ Семенов В.Л. Закон возрастающей роли народных масс в истории: механизм действия и использования. Пермь: Пермское книжное издательство, 1990. 190 с.

²⁴ Бжезинский З. Америка потеряла чувство меры во внешней политике. URL: <https://topwar.ru/11314-zbigne-v-bzhezinskiy-amerika-poteryala-chuvstvo-mery-vo-vneshney-politike.html> (дата обращения: 12.09.2023); Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М., 2015. 288 с.

²⁵ Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация. Пермь, 2016. 128 с.

эпоху в нашей стране в конце XX – начале XXI веков? Нет роста основательности и нет ускорения темпов социального прогресса. Да, это действительно так. Но ведь люди делают свою историю. Если люди в угоду экономических и политических интересов геополитического противника не просто осуществляют цветную революцию, меняют тип государства и общества, но и сознательно разрушают их реальную основу, превращая разновидность постиндустриального общества в доиндустриальное, конечно, ни о каком ускорении не может быть и речи. Заметим, разрушая реальную основу (достижения) своей страны, реформаторы не забывают и свои шкурные интересы. Маркс описывая действие закона роста основательности истории помимо понятия «реальная основа истории», применяет еще одну философскую категорию – «субстанция» истории, как выражение «сущности человека»²⁶. Поэтому разрушение реальной основы истории (производительных сил, технологий, социальных институтов, общественных отношений и т.д.) не могло не обернуться депопуляцией страны. В результате реформ произошла демографическая катастрофа, последствия которой будут долго сказываться в общественной жизни страны и на ее национальной безопасности. Необходимо отметить, что в результате реализации американских геополитических доктрин («Нового мирового порядка» Дж. Буша и «Расчистки площадей» Б. Клинтона) произошла смена политических режимов и в странах Восточной Европы. Но нигде новая политическая элита так рьяно и предательски не уничтожала реальную основу государства, «субстанцию» истории, как это сделали российские реформаторы. Поэтому уровень жизни во многих странах Восточной Европы выше чем у нас в России, несмотря на несметные богатства последней. Между тем, немало единомышленников тех реформаторов сегодня входят во властную элиту страны. Стоит ли в этой связи удивляться, что Россия по ключевым показателям социально-экономического развития за тридцать постсоветских лет достигла уровня Советской России кризисного 1991 года.

Принципиально важными представляются некоторые выводы Маркса и Энгельса, касающиеся политических проблем и политических институтов. «Класс, – писали основоположники научной политической философии, – совершающий революцию, уже по одному тому, что он противостоит другому классу – с самого начала выступает не как класс, а как представитель всего общества»²⁷. Этот класс, как отмечает Маркс, создает у народа иллюзию, что он выражает общие интересы, хотя вначале эта иллюзия отчасти правдива²⁸. И далее Маркс указывает на очень важную закономерность в политической истории: «Основа, на которой каждый новый класс устанавливает свое господство, шире

---

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 37.

²⁷ Там же. С. 47.

²⁸ Там же.

той основы, на которую опирался класс, господствовавший до него»²⁹. Из этого вытекает теоретически и политически значимый вывод, что социальная база каждого нового класса, пришедшего к власти, должна быть шире социальной базы класса, господствовавшей до него. Следовательно, демократизация политических систем является общей исторической тенденцией развития человечества. Этот вывод, вытекающий из аккумулятивного понимания истории Марксом, подтверждается современными исследователями³⁰. Тенденция расширения социальной базы государственной власти, представляющую более высокую степень развития общества, дает основание ученым внести определенные коррективы в трактовке демократии. Помимо легитимности, которая определяется по формальным основаниям проведенных выборов, она должна быть еще репрезентативной. Но об этом несколько позже.

Здесь же необходимо отметить, что приведенные идеи К. Маркса во многом диалогичны воззрениям И.Г. Гердера, немецкого философа и просветителя. Он считался учеником И. Канта и в то же время его оппонентом в области философии истории. Идея об аккумулятивном развитии природы и общества впервые была представлена не Гегелем, а Гердером в его фундаментальной работе «Идеи к философии истории человечества» (1784 г.). Хотя сама идея аккумулятивного развития у него не выражена столь рельефно как у Гегеля, тем не менее она явно присутствует в его воззрениях на развитие природы и общества³¹. Человек (общество), согласно Гердеру, есть результат закономерного развития природы от низших ступеней к высшим. Между последовательностью ступеней природы существует преемственность. Поэтому высшее возникает из низшего и включает в себя его содержание. Человек есть результат аккумулятивного развития природы, ее «венец». «Бесчисленные силы объединились в человеке и обрели некий максимум – разумение, материя тела, в котором воплощены эти силы обрели центр тяжести по законам порядка и самой прекрасной симметрии. В характере человека заложена и основа прочности его существования, и основа его счастья, и печать его призвания, и вся судьба человечества на Земле»³². Согласно Гердеру, общество, возникнув в результате аккумулятивного развития природы, само развивается по тем же законам. Историю человечества мыслитель сравнивает с нарастающим снежным комом, который неодолимо катится вперед³³. Это образное сравнение затем появится у Гегеля, правда в предельно абстрактной форме.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. С. 48.

³⁰ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. 632 с.; Крауч К. Постдемократия. М, 2010. 192 с.

³¹ Мусаелян Л.А. Научная теория исторического процесса (гл. 3, §1). Пермь, 2004. 391 с.

³² Гердер И.Г. Идеи к философии и истории человечества. М., 1977. С. 452.

³³ Там же. С. 447.

Философ имел богословское образование и был первым духовным лицом в стране, но разработал фактически материалистическую концепцию развития природы и общества. Он безусловно оказал влияние на Гегеля. Во всяком случае идея аккумулятивного развития абсолютной идеи – это, на наш взгляд, идеалистическая интерпретация концепции развития Гердера. Но Гегель нигде в своих работах, даже в своих «Лекциях по истории философии», не упомянул имя предшественника. И дело здесь, думается, не в отсутствии таких традиций, а в материалистических воззрениях И. Гердера. Гегель – идеалист, описывающий развитие абсолютной идеи, не мог себе позволить снизить до имени материалиста, у которого он заимствовал важную диалектическую идею. Высокомерие многих представителей идеалистической философии к материалистам – это почти что историческая традиция.

Гердер оказал влияние на Фейербаха, на Маркса и Энгельса. Во всяком случае, их представления о человеке как универсальном природном существе, как «венце» природы перекликаются с представлениями немецкого просветителя. Это же следует сказать об идее отмирания государства, которая по принятой традиции в марксизме почему-то приписывается исключительно Марксу и Энгельсу. Гердер выдвинул идею конвергентного характера развития природы³⁴. Поэтому, согласно мыслителю, человек и человеческое общество стоят на широком и прочном основании. Прочность существования государства, по мысли философа, подчиняются тем же законам, что и развитие природы и общества. «Здоровье и долговечность государства опирается не на точку высшего развития его культуры, а на мудрое и счастливое равновесие его главных творческих сил. Чем ниже располагается центр тяжести в этом живом стремлении, тем тверже и долговечнее государство»³⁵. По мнению философа, быстрое падение Греции в период Персидских войн, и империи Александра Македонского (после его смерти) было определено тем, что пирамида стояла на своем острие, а не на основании. Отсюда актуальные для нашего времени и нашего государства выводы. Прочность власти зависит от основательности ее социальной базы, а крепость и стабильность государства, его благополучие определяется глубиной его исторических истоков, крепостью его корней. Особенно это важно, если власть и политическая система носят персоналистический характер. В этих условиях у первого лица и его ближайшего окружения может возникнуть соблазн перевернуть пирамиду политической системы с широкого основания на ее вершину, на острие. При таком состоянии политической системы борьба с высшим должностным лицом и его устранение в эпоху геополитического противостояния

---

³⁴ Идея конвергентного развития (пирамидального строения) разрабатывалась в работах Свидерского В.И. (1959), Фаддеева Е.Т. (1964), Орлова В.В. (1974).

³⁵ Гердер И.Г. Идеи к философии и истории человечества. М., 1957. С. 389.

может обернуться разрушением всей политической пирамиды (государства), стоящей на острие. Таким образом, мы подошли к выводу об эвристическом значении фундаментальной закономерности развития материи для понимания политических институтов и критериев демократического общества.

Вести дискурс об исторических и современных проблемах политических институтов невозможно без понимания марксовской концепции человека³⁶, которая в немалой степени сформировалась под влиянием идеи аккумулятивного развития материи, перенятой из предшествующей философии. Человек, согласно Марксу, есть действительное телесное существо, «стоящее на хорошо округлой земле, вбирающей в себя и излучающей из себя все природные силы»³⁷. «В качестве природного существа он наделен *природными силами, жизненными силами*, являясь *дейтельным* природным существом, эти силы существуют в нем в виде задатков, в виде влечений»³⁸. Нетрудно увидеть, что эти мысли молодого Маркса диалогичны с идеями Гердера о человеке как результате аккумулятивного развития природы. Но в отличие от Гердера и Фейербаха, человек у Маркса – это не только природное родовое существо, но родовое социальное («человеческое») существо. В чем же родовой признак человека как социального существа? «Производственная жизнь, – пишет Маркс, – есть родовая жизнь»³⁹. Являясь высшей ступенью аккумулятивного развития материи, человек обладает универсальной природой, позволяющей ему вступать в универсальные отношения с окружающим миром и превращать природу в свое «неорганическое тело»⁴⁰. Вся история человечества, согласно материалистической философии немецкого мыслителя, есть выражение развития человеческой сущности, что проявляется в совершенствовании его природных задатков, развертывания его сущностных сил. С этой точки зрения история развития промышленности представляет «раскрытую книгу человеческих сущностных сил»⁴¹. На начальных этапах истории универсальная природа человека имела характер потенциальной универсальности, заключающей в себе неразвитые природные задатки, неразвернутые социальные силы. Носителем этой абстрактной, неразвитой универсальной природы человека был первобытный род – коллективный индивид. В силу неразвитости сущностных сил человека его индивидуальная и родовая сущность фактически совпадали. Поэтому человеческая сущность но-

---

³⁶ Мусаелян Л.А. Концепция исторического процесса К. Маркса: человеческий контекст // Мусаелян Л.А. Актуальные проблемы научной философии. Сборник научных трудов. Пермь, 2014. 306 с.

³⁷ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 162.

³⁸ Там же. С. 162–163.

³⁹ Там же. С. 93.

⁴⁰ Там же. С. 92.

⁴¹ Там же. С. 123.

сила целостный характер. В последующем общественное разделение труда и совершенствование орудий труда способствовали возрастанию эффективности человеческой деятельности и появлению частной собственности. Общество раскололось на бедных и богатых, затем (во многих странах) рабов и рабовладельцев.

Проблема свободы была центральной в концепциях мыслителей классической немецкой философии. У Маркса человеческая свобода является фокусом созданного им нового мировоззрения, а гуманизм – его мировоззренческим мотивом. Как представитель реалистической философии, Маркс задается вопросом, почему человек как высшее творение природы в современном обществе оказывается существом «униженным, поработанным, беспомощным, презренным»⁴². Задачу своей философии он видел в разрешении противоречия между существованием и сущностью, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом⁴³. Когда же возникло это противоречие? Социально-экономическая дифференциация общества сопровождалась возникновением зависимости одних социальных индивидов, представляющих большую часть общества, от других. Человек является свободным существом, когда стоит на собственных ногах, когда «обязан своим существованием самому себе. Человек, живущий милостью другого, считает себя зависимым существом»⁴⁴. Между тем, сознательная свободная деятельность человека есть выражение его родовой социальной сущности. Поэтому деятельность человека в условиях зависимости, ограниченной свободы неизбежно порождает отчуждение результата этой деятельности. Отчуждение результата труда, по Марксу, есть не только отчуждение труда от самого человека, но и отчуждение его родовой социальной сущности, которая превращается в способ поддержания его индивидуальной жизни. Иначе, единая целостная универсальная сущность человека расщепляется на родовую и индивидуальную. Поскольку в обществе нет ничего, что не бы результатом реализации сущностных сил человека, то отчужденное бытие родовой и индивидуальной сущности человека пронизывает все сферы общественной жизни: экономическую, социальную, политическую и духовную. Подробный анализ отчуждения в различных сферах жизни не входит в задачи данной статьи. Ограничимся лишь кратким описанием тех форм отчуждения, которые позволяют понять природу кризиса современных политических институтов.

В духовной сфере первой и значимой формой отчужденного сознания выступает религия, являющаяся фантастическим отражением в головах людей тех

---

⁴² Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 402.

⁴³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 116.

⁴⁴ Там же. С. 125.

внешних сил, которые господствуют над ними в повседневной жизни⁴⁵. Бог, согласно богословам, выступает носителем всех мыслимых совершенств. Но, если руководствоваться идеями Фейербаха и Маркса, Бог есть отчужденная форма бытия универсальной природы человека. «Религия, – по мысли Маркса, – превращает в фантастическую действительность человеческую сущность, потому что человеческая сущность не обладает истинной действительностью»⁴⁶. Задачу своей философии Маркс видел не только в том, чтобы «разоблачить священный образ человеческого самоотчуждения», что отчасти уже было сделано Фейербахом, но и «разоблачить самоотчуждение в его не священных образах»⁴⁷, иначе, критику неба превратить в критику экономики, политики, права.

Анализ материального производства для Маркса был важен для решения его главной научной задачи – исследование буржуазного способа производства и выявления тайны возникновения и развития капитала. Раскрыв сущность капитала как отчужденной формы бытия родовой сущности человека, Марксу удалось показать природу необъяснимых универсальных возможностей денег. «То, что существует для меня благодаря деньгам, то, что я могу оплатить, т.е. то, что могут купить деньги, это – я сам, владелец денег. Сколь велика сила денег, столь велика и моя сила. Свойства денег суть мои – владельца – свойства и сущностные силы»⁴⁸. «И разве я, который с помощью денег способен получить все, чего жаждет человеческое сердце, разве я не обладаю всеми человеческими способностями?»⁴⁹. Очевидно, что возможности собственника капитала определяются величиной отчужденного труда.

В любом классовом обществе, тем более в современном буржуазном, власть денег легко конвертируется в реальные политические, правовые и иные способности их владельца. Очевидно, что универсальные возможности крупного капитала есть выражение отчужденной формы бытия *универсальной* природы человека. Экономическая власть порождает власть политическую⁵⁰. Отчуждение родовой сущности человека от индивидуальной в сфере базиса определяет подобное отчуждение в главных компонентах надстройки – в политических и правовых институтах. Энгельс имел все основания определять сущность государства как публичную власть, отчужденную от народа⁵¹. Народ выступает но-

---

⁴⁵ Энгельс Ф. Анти-Дюринг //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 328.

⁴⁶ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 414.

⁴⁷ Там же. С. 415.

⁴⁸ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 148.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Маркс К. Беспорядки в Константинополе. – Столоверчение в Германии. – Бюджет. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 72.

⁵¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 328.

сителем родовой сущности человека, поэтому государство есть политическая форма отчужденного бытия родовой сущности человека.

Демократия формально – это народовластие, но демократический режим правления принципиально не меняет указанную сущность такого государства. Анализ истории развития демократий в Европе дает основание согласиться с двумя выводами, сделанными Марксом из открытого им роста основательности истории. Социальная база демократической власти каждого нового типа государства оказывается более широкой, нежели власти из предшествующей фармации. Каждый новый класс, борясь за власть, создает у населения иллюзию, что он выражает и защищает интересы всего народа, за исключение тех, кто стоит у власти. Эта иллюзия иногда, в начале правления новой власти, действительно реализуется. Эти тенденции демократизации политической системы обусловлены объективными законами развития общества. В последние десятилетия в аналитике отмечается кризис демократических институтов⁵². В чем этот кризис проявляется? Прежде всего вырождением важнейшего института демократии – выборов. Выборы очень часто сводятся к состязанию «денежных мешков». Поскольку капитал есть экономическая форма отчуждения родовой сущности человека, и возможности владельца денег определяются величиной его счета в банке, то понятно, что политическая власть оказывается, как правило, в руках представителя крупного капитала. Фактически это означает возврат к эпохе рабовладельческой демократии и введение экономического ценза в реализации политических прав. Существование технологии проведения выборов (особенно претендентов на высшую власть) таковы, что нередко побеждает кандидат, получивший 10–15% голосов избирателей. За Бориса Ельцина на второй срок в России проголосовало в два раза меньше. Говорить в таких случаях о народовластии не приходится. Понимая предопределенность результатов выборов, обусловленных участием в них крупного капитала, избиратели нередко голосуют ногами. В этой связи власти во многих странах отменили обязательное участие граждан в выборах или упразднили показатель минимальной явки избирателей, при которой выборы признались бы состоявшимися. Словом, происходит сужение социальной базы политической власти, что противоречит общей объективной тенденции развития человечества – демократизации политической системы. В последние десятилетия появилась еще одна тенденция в развитых буржуазных странах. В большинстве из них, в том числе и в России, происходит

---

⁵² Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. 2003. № 4–5. С. 100–145. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. 632 с. Баталов Э.Я. Глобальный кризис демократии? // Свободная мысль. 2005. № 2. С. 13–24. Делягин М.Г. Непубличный аспект кризиса демократии // Свободная мысль. 2009. № 7–8. С. 115–130. Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М. 2011. 544 с. Хелд Д. Модели демократии. М., 2014. 544 с.

капитализация политической власти и политизация капитала. Это проявляется не только в том, что экономическая власть крупного капитала легко конвертируется во власть политическую, но и в том, что представители власти своими интересами связаны с крупными промышленными или финансовыми компаниями, откуда они, как правило, пришли (или делегировали) во власть и куда затем вернутся. Словом, власть в современных буржуазных демократиях является своеобразным симбиозом экономической и политической формы отчуждения родовой сущности человека. Возникновение подобного симбиоза сопровождается возрастанием экономических, политических и правовых возможностей этой гибридной власти, что приводит к эрозии демократических принципов: справедливости, равенства всех перед законом, уважение Конституции и, конечно, народовластия. По своим возможностям эта гибридная форма власти крупного капитала скорее напоминает монархию, нежели демократию. Если Маркс в свое время определил государство как организацию политической власти господствующего класса, то сегодня это организация власти узкой группы лиц экономически господствующего класса, интересы которого не всегда совпадают даже с интересами всего класса буржуазии. Соответственно и право меняет свою сущность. Сегодня оно чаще всего выражает волю крупного капитала, стоящего у власти. Право, как свидетельствует история последних десятилетий, используется правящей элитой для борьбы с политическими конкурентами из своего же класса.

Изложенное дает основание для вывода о глубоком кризисе демократии, обусловленным расколом общества, отчуждением власти от народа и народа от власти. А ведь демократии возникли как символ единства общества. Поэтому известный немецкий теоретик государства и права Карл Шмитт считает необходимым признаком государства особый «статус политического единства народа»⁵³. Власть, если она избрана в результате проведенных выборов, и не нарушены юридические процедуры, считается легитимной, если даже за нее проголосовало незначительное количество избирателей. Но насколько справедливо такую власть считать народовластием? Упомянутый нами Карл Шмитт в качестве кризиса демократии отметил кризис политической репрезентации. Он считает, что репрезентация должна быть неотъемлемым принципом государства: «без репрезентации не существует никакого государства»⁵⁴. Другой западный философ Франклин Рудольф Анкерсмит считает неотъемлемым признаком современной демократии репрезентацию интересов населения⁵⁵. Можно сказать, что современные исследователи сознают кризис современной буржуазной демократии и предлагают разные способы превращения формальные признаки

---

⁵³ Шмитт К. Государство и политическая форма. М. 2010. 260 с. С. 40.

⁵⁴ Там же. С. 42.

⁵⁵ Осмоловская А.А. Политическая репрезентация и кризис демократии // Новые идеи в философии. №11, 2023. С. 104–111.

демократии в реальные. Так, Колин Крауч считает, что демократия должна предоставлять большинству народа не только возможность активно участвовать в формировании повестки дня общественной жизни, но и в ее реализации.

Возвращаясь к концепции исторического процесса как выражения развития сущности человека можно сформулировать представление о демократии как режиме правления, который обеспечивает условия развития сущностных сил наибольшего числа индивидов с целью постепенного преодоления отчуждения между родовой и индивидуальной сущностью человека. Анализ эволюции демократии в последние десятилетия дает основание для вывода о том, что кризисные тенденции в них вызваны критическим уменьшением реальной социальной базы политической власти. Это свидетельствует не только о кризисе репрезентативности, но и что принципиально важна легитимность политической власти⁵⁶. Демократические институты государства должны иметь свои онтологические основания в существующей социальной реальности и объективных законах её развития. Тенденция изменений современных демократий противоречит логике развития человечества, что свидетельствует о кризисе современного капитализма. Рост основательности исторического процесса диктует необходимость реальной демократизации и гуманизации политических систем.

Ряд исследователей полагают, что демократия не должна сводиться к всеобщему избирательному праву, но должна обеспечивать возможность большинства граждан активно участвовать «в формировании повестки дня общественной жизни»⁵⁷. Иначе говоря, подлинная демократия представляет собой воплощение идеи о человеке как наивысшей ценности: «политическая свобода всегда воспринимается как свобода субъекта, который сам себя определяет и сам себя осуществляет. *Автономия и самоосуществление* – ключевые понятия для практики, которая сама заключает в себе свою цель, а именно: производство и воспроизводство жизни, достойной человека»⁵⁸.

В связи с этим важнейшим принципом демократии как политического режима должен выступать принцип гуманизма. Критерием демократии должно выступать не народовластие как формальный признак, а степень реализации прав и свобод человека, что оказывается важным условием развития человеческой сущности и реализации его сущностных сил. Гуманизация должна обеспечивать легитимность государственной власти, которая обнаруживает свои онтологические основания в существующей социальной реальности. Гуманизм является, с одной стороны, показателем степени развития демократии, с другой

---

⁵⁶ Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.

⁵⁷ Крауч К. Постдемократия. М., 2010. С. 17.

⁵⁸ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992. С. 65.

стороны, «средством повышения эффективности деятельности власти»⁵⁹, которая, расширяя свою социальную базу, получает большую легитимность. Демократизация жизни общества, являясь необходимым следствием закона роста основательности исторического процесса, предполагает «движение человечества к идеалу путем расширения социальных и юридических механизмов, обеспечивающих реальные права и свободы граждан»⁶⁰. Поскольку права и свободы есть средства самореализации и саморазвития индивидов, то можно сказать, что демократизация общественной жизни и ведет к ее гуманизации. Кроме того, важной задачей в этом отношении выступает контроль со стороны общества над реализацией основных функций государства. Исходное положение демократии должно состоять в представлении «основополагающей концепции людей как свободных и равных, активных нравственных агентов, обладающих способностью к самоопределению и политическому выбору»⁶¹.

Таким образом, демократия как политический режим, предоставляющий механизм для коллективного принятия решений, оказывается неразрывно связанной со свободой, являясь условием ее реализации. Для марксизма свобода всегда трактовалась как сущностная сила, которая «возможна для человека только в обществе, посредством общества, из чего однако, никак не следует, что любое общество делает человека свободным»⁶². Независимо от конкретно-исторических условий, свобода всегда «предполагает присвоение индивидом своей “родовой сущности” – общественно развитых сил и отношений, как они представлены во всем богатстве уже созданной материальной и духовной природы»⁶³.

Марксистский гуманизм выступает как единство революционно-критической практики, направленной на снятие отчуждения и гуманизацию действительности, и теоретико-философскими представлениями о сущности человека. Марксизм не обращается к абстрактным нравственным постулатам, не пытается обнаружить источник гуманизации человеческого бытия вне самого человека, в результате чего он становится действительно реальным гуманизмом, а не гуманизмом должностования. Применяя указанную методологию к анализу кризисных явлений в политической сфере, мы приходим к выводу, что рост основательности истории как проявление закономерности аккумуляции содержания возвращает человеческое измерение в политическую реальность.

---

⁵⁹ Мусаелян Л.А. О законах истории, цветных революциях и возможности белой революции в России // Вестник Пермского университета. Серия «Философия. Психология. Социология». 2012. Вып. 3(11). С. 5–16. С. 6.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Хелд Д. Модели демократии. М., 2014. С. 9.

⁶² Межуев В. Идея всемирной истории в учении Карла Маркса // Логос. № 2, 2011. С. 3–36. С. 23.

⁶³ Там же. С. 24.

В. В. Корякин

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Пермского государственного национального
исследовательского университета

ГЛАВА 2. ОБ УНИВЕРСАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ КОНКРЕТНО-ВСЕОБЩИХ ЗАКОНОВ РАЗВИТИЯ. ВСЕОБЩИЙ, ОСОБЕННЫЙ (ОБЩЕСТВЕННЫЙ) И ЕДИНИЧНЫЙ (ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ) АСПЕКТЫ

Современная диалектическая теория представлена двумя взаимосвязанными уровнями – абстрактно-всеобщим и конкретно-всеобщим. Абстрактно-всеобщая диалектика описывает общее в развитии, оставляя вне поля зрения особенное и единичное. Конкретно-всеобщая диалектика раскрывает как общее, так и в сжатом, обобщенном виде все многообразие особенного и единичного в развитии. Первый уровень диалектики зародился в момент становления классической философии еще в античности и достиг своего оформления на базе идеализма в немецкой классике (особенно в философии Г. Гегеля), на основе материализма – в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Второй уровень диалектики первоначально проявился в рамках гегельянства, был отрефлексирован и значительной мере раскрыт в классическом марксизме (особенно в «Капитале» К. Маркса), но последовательно начал выстраиваться в первую очередь в советской философской науке лишь с середины XX века.

Уровни диалектики различаются как в теоретическом (по предмету описываемой реальности), так и методологическом (по способу описания) плане. Абстрактно-всеобщий метод предполагает последовательное восхождение от конкретного к абстрактному, от явления к сущности. Он направлен на выявление главного и общего в реальности в целом, в отдельных ее формах и областях, в частности. При этом все многообразие особенного отождествляется с выявленным общим, нивелируется в нем. Абстрактно-всеобщая теория обнаружила, что все предметы (включая человека) материальны (объективны), что все феномены сознания идеальны и субъективны, что все физические явления обладают массой, а все живое стремится к самосохранению, что все люди способны к труду, а всякий труд есть предметная преобразовательная деятельность. При этом внутренние различия материального, идеального, физического, живого, социального, труда (особенные их состояния) оказываются не учтенными. Абстрактно-всеобщий метод выводит общее из многообразия особенного и единичного, обнаруживает их тождество без различия.

Конкретно-всеобщий метод, основываясь на абстрактно-всеобщем, позволяет раскрыть как тождество, так и многообразие общего, особенного и единичного с учетом их различий. Он заключается в последовательном восхождении от конкретного к абстрактному (абстрактно-всеобщему), а затем от абстрактного к конкретному (конкретно-всеобщему). В процессе реализации конкретно-всеобщего метода происходит движение от описания многообразия явлений к обнаружению их сущности, и от обнаруженной сущности к многообразию описанных явлений. При этом всякое явление предстает как существенное, относящееся к сущности, но не лишенное своей конкретной определенности, многообразное, но и сущность при этом начинает выглядеть как абсолютно тождественная себе, а как тождественная и не тождественная себе одновременно, т.е. внутренне многообразная. В «Экономических рукописях 1857–1859 гг.» К. Маркс отмечал, что плодотворным может быть только тот путь исследования, который идет от поверхности явления вглубь его, к его сущности. Только с определения самого главного в предмете, его общей сущности, возможным становится обратный путь восхождения к конкретному явлению, которое теперь может быть раскрыто во всем своем богатстве отношений, отражено в совокупности многочисленных определений¹. Конкретно-всеобщая диалектика обнаруживает не только единство многообразных предметов и явлений, но и связанное их различие.

Понимание единства многообразия заостряет вопрос о том, чем собственно предметы отличаются друг от друга, будучи при этом тождественными? Предмет равен другому, но при этом отличен от него. Отличие это заключается, видимо, в том, что один предмет обладает как минимум одним дополнительным признаком по сравнению с другим предметом. Иными словами, один предмет оказывается сложнее другого. Сложность есть единство многообразия, интегрированное многообразие. Поскольку предметы тождественны, то они тождественны и в плане собственного многообразия. Предмет, относясь к другому предмету как простой к сложному, аналогичным образом относится и к себе: он в себе есть простое и сложное в их единстве. Предмет является собой и другим одновременно, т.е. развивается. Построение конкретно-всеобщей диалектики, таким образом, напрямую вытекает из идеи развития мира в целом. Не случайно становление нового уровня диалектики во второй половине прошлого века происходило на основе выработанной Ф. Энгельсом концепции единого закономерного мирового процесса как последовательного восхождения от простых форм движения материи к сложным. Особый вклад в развитие конкретно-всеобщей теории внесли В.В. Орлов и его ученики. В.В. Орлов при этом пред-

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 46. Ч. 1. С. 37.

ложил существенным образом уточнить общую формулировку концепции Ф. Энгельса, отметив, что речь должна идти о развитии как смене не столько форм движения, сколько форм материи.

В 50–60-е гг. XX в. особое внимание ряда отечественных философов (В.И. Свидерского, С.Т. Мелюхина, В.А. Штоффа, М.В. Мостепаненко и других) привлекла проблема отношения высших (сложных) и низших (простых) форм движения материи. Опираясь на общие соображения Г. Гегеля, Ф. Энгельса и частные обобщения отмеченного ряда советских авторов о диалектике простого и сложного, В.В. Орлов применил ее при решении психофизиологической проблемы. Особое место в работе В.В. Орлова было отведено формулировке основных закономерностей отношения высшего и низшего². Впоследствии автор продемонстрировал, что данные закономерности проявляются в движении материального мира в целом³, а его ученики подтвердили их наличие в развитии отдельных форм материи⁴. Первоначально концептуальные соображения пермских философов получили название теории уровней, с 90-е гг. прошлого века – конкретно-всеобщей теории развития.

В общем виде В.В. Орлов и его ученики выделили следующие конкретно-всеобщие закономерности мирового процесса. 1. Мировой процесс представляет собой последовательное восхождение от низших форм материи к высшим. В данный момент науке достоверно известны последние четыре формы (этапа развития) материи: физическая, химическая, биологическая и социальная. Последовательность восхождения означает, что никакое «перескакивание» через этапы развития невозможно. Например, живое не может возникнуть на основе физического, а социальное – на основе химического. 2. В процессе развития низшее никуда не исчезает, а сохраняется в высшем в качестве его необходимого основания, т. е. во включенном в него состоянии. 3. При возникновении высшего низшее сохраняется также в качестве необходимой среды его существования, т. е. в не включенном в него состоянии. 4. Высшее, возникая из низшего, в онтологическом плане не сводится к нему, поскольку обладает собственными содержанием, свойствами и отношениями (в т. ч. законами развития), однако зависит от низшего. Будучи включенным в высшее и составляя

---

² Орлов В.В. Психофизиологическая проблема. Философский очерк. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1966. С. 210–285.

³ Орлов В.В. Материя. Развитие. Человек. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1974. 397 с.

⁴ Коблов А.Н. Диалектико-материалистическая концепция развития и современная физика. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1987. 203 с.; Васильева Т.С. Химическая форма материи и закономерный мировой процесс. Красноярск: Изд-во красноярского ун-та, 1984. 136 с.; Барг О.А. Живое в едином мировом процессе. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1993. 225 с.; Барг О.А. Философские проблемы химии: конкретно-всеобщий подход. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2006. 165 с.; Ласточкин А.В. Социальная форма материи (основы марксистской онтологии). Свердловск: Изд-во уральского ун-та, 1990. 177 с.

непосредственную среду его существования, низшее, в свою очередь, оказывается подчинено высшему, развито сообразно его сложности без потери своей определенности. Наличие четвертой закономерности позволяет взглянуть на развитие нетривиальным образом как на многоплановый процесс, в котором обще можно выделить три стороны: движение от простых форм материи к сложным, развития «включенного» и «не включенного» низшего. 5. Высшая форма материи имеет интегративную природу: все нижележащие уровни материальной организации представлены в ней в соподчиненном, иерархизированном виде и не различаются с ней в пространстве и времени. Вместе с тем данная интеграция имеет и свое внешнее выражение: не включенные формы также соподчинены высшей, но уже не совпадают с ней в пространственно-временном плане. Развитие, таким образом, представляет собой процесс внутренней и внешней интеграции различных по сложности форм материи. 6. Развитие есть аккумулятивный процесс. Все положительное содержание предыдущих форм материи в обобщенном и измененном виде сохраняется в последующих. Положительным содержанием обладает такое содержание предмета, которое с необходимостью обеспечивает ему дальнейшее бесконечное развитие. 7. Развитие имеет конвергентный характер. Высшее возникает на основе не всего объема низшего, а только его части. По мере развития, другими словами, объем вещества резко сокращается. Химическое, например, возникает на основе не всего многообразия элементарных частиц, а только малой их части – нуклонов и электронов. Прочие элементарные частицы не принимают прямого участия в формировании и функционировании химического. Социальная форма материи формируется на основе видов Homo, а не всего многообразия видов высших животных и тем более всей биоты. 8. Высшая форма материи возникает на основе не предельно, а оптимально (недостаточно) развитой части низшей формы. Химическое формируется на основе нуклонов и электронов, а не гиперонов, например. Живое возникает на основе углерода и прочих элементов-органогенов, а не урана. Предки человека, будучи падальщиками, во многом уступали своим животным конкурентам в возможностях самосохранения и адаптации. Кроме отмеченных закономерностей пермские авторы гипотетически выделяли и другие (всеобщий генетический закон, закономерность «настройки-отбора» и прочие), которые не нашли необходимого эмпирического обоснования и не стали предметом большого специального исследования.

Обнаруженные конкретно-всеобщей диалектикой закономерности мирового процесса позволяют учесть его конкретное содержание, что никогда не было доступно абстрактно-всеобщей теории. Абстрактная диалектика открыла три основных закона, доказала, что они действуют в мире в целом, в различных формах реальности (материи и сознании), на всех этапах мирового и историче-

ского процесса, но не смогла вывести из них ничего определенного, конкретно-го. Закон единства и борьбы противоположностей, например, одинаково себя проявляет хоть в физике, хоть в обществе, нивелируя их реальное содержание. Конкретно-всеобщие закономерности имеют смысл исключительно только в связи с богатством реального содержания действительности.

Конкретно-всеобщие закономерности обнаруживаются не только в рамках мирового процесса, но и исторического⁵. Социальная форма материи (люди) во многом тождественна миру. Человек несет в себе все положительное содержание материальной эволюции, в нем с необходимостью интегрированы все формы материи, благодаря чему он оказывается способен относиться к бесконечному миру в целом, к любым его объектам в частности. Однако само это отношение имеет производящий (практический) характер. Преобразуя бесконечный мир, человек одновременно создает его и свою собственную бесконечность, постоянно усложняет мир и себя. Человек ведет себя как субстанция, будучи ее частью, но и сам является субстанцией своего бытия. Законы материального мира одновременно являются законами общественного существования, но оказываясь общественными законами, они наполняются человеческим содержанием, обретают специфический вид.

История представляет собой бесконечный процесс восхождение от простых общественных формаций к сложным. Каждая формация – это определенный конкретно-исторический тип общества, тип единства универсальной, родовой и индивидуальной сущности человека, выражающийся в системе определенных базисно-надстроечных отношений. Каждой формации присущ свой определенный способ развития, или способ производства с его особыми законами. На данный момент в истории можно выделить несколько последовательно сменяющих друг друга этапов общественного развития, вычленение которых, впрочем, требует дополнительного обоснования. Поэтому пока что весьма предварительно представляется возможным выделить следующие формации: первобытнообщинную с «присваивающим» способом производства, первобытнообщинную с производящим способом производства (неолитическую), формацию с «азиатским» способом производства, рабовладельческую (античную), феодальную, капиталистическую и коммунистическую (если в качестве первого ее этапа рассматривать социализм, начало которому было положено в 1917 году). В истории отдельных народов, как показывает опыт современной исторической науки, можно наблюдать частый феномен перескакивания в развитии через целые формации. Однако бесспорным является тот факт, что во всемирно-

---

⁵ Корякин В.В. Труд и единый закономерный исторический процесс. Пермь: изд-во пермского ун-та, 2002. Ч. 2. С. 303–337; Наш современник Маркс. Пермь: Изд-во пермского ун-та, 2018. С. 70–93.

исторических масштабах все перечисленные формации имели место, и сменяли друг друга последовательно.

При возникновении высшей формации низшая никуда не исчезает. Она сохраняется в качестве общественного уклада в сложной формации, то есть во включенном в нее состоянии, и в качестве так называемой «формационной периферии», то есть наряду с нею, в не включенном в нее виде. При этом ни уклад, ни формационная периферия не являются в точности воспроизводством старой формации. Обладая архаической формационной определенностью, они трансформируются сообразно господствующему, сложному типу общественного устройства.

Понятие общественно-экономический уклад впервые было введено в гуманитарной науке В.И. Лениным при анализе общественного развития России начала XX века⁶. Впоследствии проблема многоукладности общественного развития прочно вошла в отечественную историческую литературу. Уклады, впрочем, рассматривались отечественными исследователями исключительно с абстрактно-всеобщих диалектико-материалистических позиций. Архаические уклады трактовались как временные общественные явления, которые разрушаются под действием нарождающейся формации и при утверждении нового способа производства должны бесследно исчезнуть. Впрочем, в советской исторической литературе можно обнаружить мнение, отличное от устоявшегося. Б.Ф. Поршнев еще в 1975 году высказал замечание, что в развитии периферии капитализма, в так называемых развивающихся странах многоукладность присутствует как непреходящее явление⁷.

Многоукладность – это продукт постоянного воспроизводства старых производительных сил и соответствующих им производственных отношений, которые реализуются также в исторически определенном типе мировоззрения и определенных социальных, политических и духовных отношениях. Учитывая диалектику производства и воспроизводства, стоит отметить, что воспроизводство старых форм общественной жизни всегда происходит в связи с производством, то есть становлением и развитием качественно нового типа общественного устройства, сообразно с ним. Уклад, по сути, – это «включенное низшее» формации, качественно определенный уровень организации общества. Многоукладность свидетельствует об интегративной природе формации.

По мере исторического развития простые формации не только сохраняются в сложной в качестве ее укладов, но и наряду с нею в качестве ее периферии.

---

⁶ Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В.И. Избр. соч.: в 10 т. М.: Политиздат, 1987. Т. 8. С. 174–181.

⁷ Поршнев Б.Ф. Роль социальных революций в смене формаций // Проблемы социально-экономических формаций / отв. ред. акад. М. Жуков. М.: Наука, 1975. С. 38–39.

Данный феномен давно зафиксирован в научной литературе и традиционно рассматривается в контексте проблемы неравномерности исторического процесса. Закон неравномерного развития обществ был впервые раскрыт В.И. Лениным при анализе современной ему системы капитализма⁸, а впоследствии обнаружен советскими авторами и в предшествующих исторических эпохах⁹. Однако анализ данного закона в отечественной литературе осуществлялся главным образом с абстрактно-всеобщих позиций, в результате чего утвердилось мнение, что все народы проходят в своем развитии одни и те же этапы, особенности же исторического пути каждого народа сводятся лишь к формальным различиям – темпам его прохождения. Как следствие, неравномерность общественного развития стала трактоваться как явление переходящее: рано или поздно все общества должны прийти к одному и тому же типу исторической жизни.

Однако эмпирические данные свидетельствуют, что отставание целого ряда народов в своем развитии было характерно для всех исторических эпох. Многие общества вообще не знали некоторых этапов формационного развития. Отстающие народы в своем становлении обнаруживают как архаические формы общественной жизни, так и передовые, зачастую идентичные тем формам, которые присущи наиболее развитым народам. Данный факт свидетельствует о том, что, во-первых, в этапах исторической эволюции отдельные народы не тождественны друг другу, а во-вторых, что темпы их развития существенно синхронизированы. Какой бы специфической формой общественной организации отдельные народы не обладали, все они живут в одном и том же историческом времени. И как живущие в одном историческом времени, они не только отличны друг от друга, но и тождественны друг другу. Формационная периферия сохраняет свою определенность, но при этом продолжает развитие в рамках данной определенности сообразно с новой формацией. Народы, находящиеся на формационной периферии, оказываются внешним образом интегрированы с передовыми обществами, являются необходимым образом сопричастны их развитию и в этом смысле принадлежащими новой формации.

Процесс смены основных формаций, отношение формации и ее укладов и периферии, демонстрирует одну из фундаментальных закономерностей исторического процесса – интеграции общественной жизни. Процесс интеграции выступает в двух планах – внутреннем и внешнем. Внутренняя интеграция реализуется в соподчинении укладов, в связи с чем можно говорить о формации как

---

⁸ Ленин В.И. О лозунге Соединенных штатов Европы // Ленин В.И. Избр. соч.: в 10 т. М.: Политиздат, 1985. Т. 6. С. 308.

⁹ Хазанов А.М. Природно-хозяйственные различия в каменном веке и проблема первичного материнского рода // Советская этнография. 1973. № 1. С. 114–121; Массон В.М. Ленинские идеи о неравномерности исторического процесса и проблемы истории древнего мира // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983. С. 7–15.

интегральном образовании. Внешняя интеграция реализуется в соподчинении обществ, находящихся на разных стадиях развития, в связи с чем можно говорить о формации как комплексном интегральном образовании.

История – это аккумулятивный процесс, в сложных этапах в обобщенном виде накапливается все положительное, то есть обеспечивающее дальнейшее развитие, содержание предыдущих ступеней социальной эволюции. Данная закономерность была обнаружена еще Г. Гегелем, и на материалистических основаниях подтверждена К. Марксом. Аккумулятивный характер истории не стоит толковать буквально как процесс, в котором все старые формы общественной жизни попросту накаливаются без всяких изменений. Простое в сложном, хотя и не лишается собственной определенности, все же воспроизводится в нем в некоем «снятом» виде, то есть оно не является в точности таким, каким оно было до появления новой сложности.

Общественное развитие обнаруживает также конвергентный характер. Новая формация первоначально складывается не во всех обществах предыдущей, а только в одном из них. Эмпирически данный феномен давно зафиксирован в исторической литературе. Терминологически многие историки определяют общество, в котором первоначально складывается новая формация, как «формационный центр» или «всемирно-исторический центр». Впрочем, стоит отметить, что еще задолго до появления исторического материализма тот же, по сути, исторический феномен был зафиксирован в представлении о так называемых исторических народах. Многие сторонники неклассической философии истории также фиксируют данное явление, говоря, например, о центрах цивилизации.

Если обратиться к фактам, то обнаружится, что переход к неолиту (IX–XI тыс. до н.э.) начался не во всех обществах первобытно-присваивающего способа производства, а лишь в очень небольшой их части (в зоне т.н. Аридного полумесца). Переход к «азиатскому» способу производства начался в IV тыс. до н.э. по одной версии в Южном Двуречии, по другой – также и в долине Нила, то есть не затронул сразу всех неолитических племен. Переход к рабовладению начался в Греции (VII – VI вв. до н.э.), которая до сих пор была лишь отдаленным уголком «азиатской» цивилизации. Переход к феодализму начался в IV–V вв. в Северо-Восточной Галлии – провинции Римской империи. Многие рабовладельческие общества еще длительный период времени оставались вне поля воздействия феодального способа производства. Капитализм как система первоначально сложился в Англии – одном из феодальных обществ (XVI–XVII вв.). Переход к социализму начался в России – на окраине капиталистического мира. Появление новой формации, таким образом, не затрагивает сразу всех обществ, что и позволяет заключить о конвергентном характере исторического процесса.

Новая формация первоначально вызревает не в максимально, а в оптимально (недостаточно) развитом обществе старой формации. В Южном Двуречии, в котором, судя по всему, впервые сложилось общество «азиатского» типа, в неолитический период можно зафиксировать как формы общественной жизни, присущие собственно неолиту, так и более архаические формы, характерные для первобытного общества с присваивающим типом хозяйства. По сравнению с зоной «Аридного полумесяца», Южная Месопотамия явно отставала в развитии. Переход к рабовладению начался в Греции, которая в Крито-Микенский период представляла собой общество с неразвитым «азиатским» способом производства и существенными пережитками первобытности. Родиной феодализма стала Северо-Восточная Галлия – провинция Римской империи, в которой наряду с рабовладельческими формами общественной жизни сохранялись и трансформированные первобытные формы. Англия – первая страна, в которой капитализм сложился как система, в период Средневековья существенно уступала в развитии Северо-Восточной Франции. В период раннего, и даже классического Средневековья в Англии сохранялись существенные пережитки дофеодальных форм общественной жизни. Переход к социализму начался в России – стране, в которой с наиболее передовыми формами капитализма (монополистическим капитализмом) присутствовали уклады, генетически восходящие даже к первобытности (общинные формы жизни).

Как итог мирового процесса, высшая форма материи, человек представляет собой социальное материальное интегральное существо, в котором представлены в соподчиненном виде все уровни материальной организации. В данной связи можно отметить, что каждая формация имеет определенные природные основания и связана с определенными средовыми природными условиями. Каждый общественный уклад и периферийное общество, стало быть, также имеют определенные природные основания и существуют в определенном природном окружении. Конкретно-всеобщие закономерности мирового процесса, таким образом, специфически реализуются в аналогичных закономерностях истории.

Идея о том, что каждая формация связана с определенной географической средой, влияющей на характер технологических способов производства, развитие общественного разделения труда, социально-экономический строй, была высказана еще родоначальниками исторического материализма¹⁰. История человечества – это вершина и одновременно продолжение материальной эволюции в целом. В общественном развитии реализуется единство истории человечества и природы. Данная мысль получила свое развитие в советской науке.

---

¹⁰ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 21. С. 30; Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. С. 522.

Например, А.М. Ковалев пришел к выводу, что между производительными силами, производственными отношениями, базисом и надстройкой, народонаселением, географической средой существует соответствие, они находятся в единстве, представляют собой единый, целостный социально-природный комплекс¹¹. По мнению многих авторов всемирно-исторический процесс имеет свою географическую направленность¹². Общественная формация предстает одновременно как социально-географическая формация, единство общества и преобразуемой им природы. Возможным представляется также выделение социально-географического уклада.

Формация как исторический тип общества существует не только в определенных природных географических условиях, она имеет и определенные природные основания. Социальный субстрат включает в себя помимо собственно социального биологический, химический, физический уровни организации. В отечественной науке особенно пристальному изучению был подвергнут характер изменений человеческой биологии в процессе общественного развития. В процессе дискуссий о соотношении социального и биологического в человеке В.В. Орлов пришел к выводу, что вовлеченная в исторический процесс общественной жизни биология человека принимает исторические формы, определяемые характером ступени общественного развития¹³, что позволило Н.Б. Оконской высказать и обосновать идею о наличии так называемых социально-биологических формаций¹⁴. Впрочем, стоит учесть, что помимо биологического уровня организации человек и общество имеют свои химические и физические основания, в связи с чем резонно предположить о наличии не только социально-биологической формации, но и о социально-химической, социально-физической и в целом социально-природной интегральной формациях.

По уровню сложности различаются не только формы материи и общественные формации, но и этапы развития отдельного индивида (онтогенеза в широком смысле). В 60–80-е гг. прошлого века в отечественной литературе шла широкая дискуссия о так называемых исторических закономерностях. Зачинщиками дискуссии выступили историки, которые заявили о чрезмерной абстрактности господствовавшей в стране формационной теории и ее методологической ограниченности в плане применения к анализу развития отдельных обществ и отдельных крупных исторических событий. В ходе обсуждения про-

---

¹¹ Ковалев А.М. Диалектика способа производства общественной жизни. М.: Мысль, 1982. С. 48.

¹² Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества. М.: Мысль, 1982. С. 34; Ершов Ю.Г. Человек, социум, история. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 54–55.

¹³ Орлов В.В. Социальная биология, предмет, статус, проблемы // Философия пограничных проблем науки. Пермь, 1974. Вып. 7. С. 3–26.

¹⁴ Оконская Н.Б. История и биология. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. С. 129–140.

явилось несколько точек зрения. Ряд авторов (преимущественно философов) пришел к выводу, что историческая наука в силу своего частного научного инструментария способна лишь описывать историческую действительность, не раскрывая ее сущности и законов развития. В связи с этим был сделан вывод о том, что существуют только социологические законы, выражающие общее в историческом процессе, которые способна выявить только социальная философия¹⁵. Обратную точку зрения высказали некоторые методологи истории. В частности, А.Я. Гуревич заявил, что существуют особые конкретные (отличающиеся от общих) исторические закономерности, доступные частному научному описанию историка¹⁶. Вскоре появилась компромиссная точка зрения. Известный историк и методолог истории Е.М. Жуков высказал мнение, что историческая наука исследует конкретный путь проявления общих закономерностей. Исторический материализм открывает законы общественного развития, историческая наука исследует их конкретное воплощение¹⁷. Исторические законы, существование которых автор признавал, вскрывают механизм действия социологических законов в определенных конкретно-исторических условиях. Они подчинены социологическим законам, находятся с ними в генетической связи, но при этом автономны. Согласно автору, исторический закон, в отличие от социологического, не жесток, он есть своего рода тенденция¹⁸.

Мнение Е.М. Жукова получило свое развитие в работах М.А. Барга и Е.Б. Черняка. Авторы пришли к выводу, что социологический закон един во всех странах, но вместе с тем, на его основе нельзя объяснить отклонений в общественном развитии, которые, стало быть, могут быть объяснены при обнаружении исторических законов¹⁹. Социологические законы, согласно авторам, – необходимое условие возникновения и действия исторических законов, отправной механизм их функционирования, их содержание и сущность, границы их

---

¹⁵ Гулыга А.В. О предмете исторической науки // Вопросы истории. 1964. № 4. С. 20–31; Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история. М.: Политиздат, 1981. С. 112, 269; Марксистско-ленинская философия. М., 1964. С. 294; Рожин В.П. Введение в марксистскую социологию. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. С. 36–37.

¹⁶ Гуревич А.Я. Общий закон и конкретная закономерность в истории // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 14–30.

¹⁷ Жуков Е.М. Историческая наука и общая методология // Методологические проблемы науки. М.: Наука, 1964. С. 221.

¹⁸ Жуков Е.М. Социологические и исторические законы // Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М.: Наука, 1979. С. 15–17.

¹⁹ Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. С. 188–190, 193–196; Барг М.А., Черняк Е.Б. Исторические структуры и исторические законы // Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М.: Наука, 1979. С. 55.

приложения²⁰. Исторический закон позволяет объяснить особенное, в котором проявляется общее, поэтому он – форма проявления социологического закона в пространственно-временном континууме. Исторические законы автономны, являются принципом движения конкретно-исторических форм социальной действительности, верхняя граница их действия – всемирно-исторический процесс, нижняя – этнополитическая общность²¹. По сути, историческими законами согласно М.А. Баргу и Е.Б. Черняку оказываются социологические законы, лишённые жесткости²².

Подавляющее большинство участников дискуссии связывали действие исторических законов с развитием отдельных обществ. Однако в отечественной литературе было высказано мнение и о наличии законов, определяющих реализацию конкретных исторических событий. Л.Е. Кертман предположил, что наряду с социологическими законами действуют некие законы исторической ситуации, суть которых раскрывается в расстановке классовых сил. Они, в свою очередь, обладая вариативным характером, накладывают отпечаток на действие общего закона²³.

Если в 60 – 70-е гг. в споре об исторических закономерностях многие методологи истории стремились согласовать социально-философскую методологию с частно-научной, то в 80-е гг. среди историков-теоретиков вновь возобладала тенденция к отмежеванию от общей методологии исторического материализма. Б.Г. Могильницкий в частности, обращая внимание на то, что социологические законы не позволяют объяснить конкретного исторического многообразия, высказал ставшее впоследствии типичным для отечественной исторической науки мнение, что конкретное в принципе не выводимо из абстрактного. В результате автор пришел к выводу о необходимости создания независимой от социологической типологии, ориентированной на многообразие исторической эмпирии²⁴. Согласно Б.Г. Могильницкому, социологические законы имеют генерализирующий, общий характер, безусловны в действии, исторические же законы – в большей степени индивидуальны, конкретны, тесно связаны с человеческой деятельностью, условны, вероятностны, указывают на случайность, носят в целом индивидуализирующе-генерализирующий характер²⁵.

---

²⁰ Барг М.А., Черняк Е.Б. Указ. соч. С.150–151.

²¹ Барг М.А. Указ. Соч. С. 24–25, 183–184, 190–191.

²² Барг М.А., Черняк Е.Б. Указ. соч. С. 74-144.

²³ Кертман Л.Е. Законы исторических ситуаций // Вопросы истории. 1971. № 1. С. 55, 58–59, 62.

²⁴ Могильницкий Б.Г. О специфических исторических законах// Методологические и исторические вопросы исторической науки. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986. С. 10–13.

²⁵ Там же. С. 15–17; Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М.: Высшая школа, 1989. С. 33, 41.

Стремление представить исторический закон как вариативный социологический, по сути, привело к размыванию ключевых положений исторического материализма и постепенному отказу от него. Показательны, к примеру, выводы М.А. Барга и Е.Б. Черняка о том, что жесткая зависимость надстройки от базиса на социологическом (общем) уровне может оказаться относительной, а порою и обратной на историческом (особенном). Общественное развитие на историческом уровне может оказаться не всегда поступательным, роль географической среды – не всегда подчиненной и т.п.²⁶ Под сомнение были поставлены и основные диалектические принципы анализа отношения первичного и вторичного, сущности и явления, содержания и формы, необходимости и случайности и т.д. Но примечательнее всего то, что в ходе дискуссии под удар попало само понятие закона как внутренней существенной необходимой связи. Как следствие, возникло сомнение в объективном существовании как социологических, так и исторических законов. Примечательно, что основные участники спора, признававшие наличие исторических законов, так и не сформулировали ни одного из них: исторические законы были представлены лишь как вариативные социологические законы.

Спор об исторических законах по сути имел цель объяснить многообразие исторических изменений (событий) в их единстве с учетом общего содержания и направленности исторического процесса. Камнем преткновения в достижении этой цели стало весьма упрощенное понимание не столько общественного закона как устойчивой связи между людьми, сколько человека, который эту связь производит. В 60–80-е гг. прошлого века в отечественной литературе сформировалось и утвердилось понимание человека как биосоциального существа, социальная сущность которого заключается лишь в совокупности его социальных атрибутов (труде, сознании, общении и т.д.), а не в человеческом субстрате. Крайней формой подобного понимания стал так называемый реляционный подход, согласно которому социальная сущность человека сводится к совокупности общественных отношений. Сущность человека, таким образом, заключается не в нем самом, а в его отношениях, она находится не в людях, а между ними. Особое распространение реляционный подход получил среди отечественных историков-марксистов, которые отталкивались в историческом исследовании от анализа производственных отношений, не углубляясь в сущность производительных сил (прежде всего, человека и его труда).

Понимая социальную сущность внешней человеку (его непосредственному субстрату) легко и законы развития этой сущности счесть внешними по отношению к людям, чем-то довлеющим над ними, ограничивающим их свободу.

---

²⁶ Барг М.А., Черняк Е.Б. Указ. соч. С. 75–139.

Весьма распространенное в современной, в т. ч. отечественной науке неприятие идеи законов общественного развития обуславливается именно этим обстоятельством. Однако отрицание законов общественной жизни превращает человека не в свободное, а слабое, подверженное ударам общественной стихии, хаотически реагирующее на обстоятельства, лишенное цельности, расколотое существо. Ключевой ошибкой является полагание, что законы истории осуществляются помимо человека, вне его. Напротив, они есть законы самого человека, заключены в нем и им производятся.

Закон есть повторяющаяся, внутренняя, существенная, необходимая, причинная связь между предметами. Как связь он есть форма предметов, предметы составляют его содержание. Свои основания закон, стало быть, имеет в предметах, в их сущности. Общественный закон – выражение сущности человека, а сама сущность человека заключается в нем самом, в его субстрате. В атрибутах (труде, сознании, общении) эта сущность лишь проявляется. Поскольку сущность человека раскрывается в его способности производить собственную жизнь, общественный закон также является продуктом и стороной производственной деятельности человека и одновременно законом этого производства. Наличие социальных атрибутов, выражающих социальную сущность человека, заключенную в нем, свидетельствует о социальном характере и субстрата человека. Человек – не биосоциальное существо (животное, наделенное социальными свойствами), он – социальное материальное интегральное существо. Поскольку человек сам производит законы собственного существования, резонно предположить наличие законов развития не только материального мира и общества, но и самого индивида. Причем законы индивидуальной жизни должны быть, с одной стороны, тождественны законам материи и общества, т.к. человек производит себя в мире и обществе, и одновременно отличны от них.

Человек – социальное материальное существо (социальная форма материи), сущностью которого является производство собственного бытия посредством преобразования материального мира в целом. Как существо способное к преобразованию любых материальных объектов, он обладает универсальной материальной сущностью. Как существо способное вставать в практическое отношение к любым индивидам, он обладает родовой материальной сущностью. Как существо преобразующее собственную жизнь, способное вставать в объективное отношение к себе, любым своим состояниям, он обнаруживает свою индивидуальную материальную сущность. В любой момент своей жизни человек находится в тройственном практическом отношении к действительности (к миру, к обществу и к себе). Универсальное, родовое, индивидуальное в человеке находятся в многоплановой и многоуровневой диалектической связи. Каждая сторона его сущности «преломляется» в другой и несет на себе ее «отпечаток».

Универсальное, родовое и индивидуальное тождественны. Человек относится к бесконечному миру в целом, который им преобразуется и может быть преобразован. Он относится к миру, который преобразуется человеческим родом в целом на данном этапе общественного развития, и к миру, который он преобразует непосредственно сам (конкретному кругу вещей). Человек относится к человеческому роду в целом, каким он есть и каким был в прошлом и станет в будущем. Он относится к обществу на конкретном этапе его развития и обществу, с которым он связан непосредственно (конкретному кругу лиц). Одновременно человек относится и к самому себе как целостному индивиду (всему многообразию своих возможных и действительных собственных состояний), как индивиду, находящемуся на определенном этапе своего развития, и индивиду, раскрывающемуся в конкретном моменте своего существования.

Универсальное, родовое и индивидуальное различны. Они не совпадают по масштабам и глубине (стало быть, сложности) своей практической реализации. Преобразование мира в целом предполагает большее многообразие действий в их единстве, нежели преобразование освоенной человечеством в данных исторических условиях части объективной реальности. Преобразование освоенного обществом мира, в свою очередь, многообразнее, чем преобразовательная деятельность, которую осуществляет отдельный индивид. Преобразовательная деятельность индивида как цельного существа сложнее, нежели та, что осуществляется им в конкретном моменте.

В своем диалектическом единстве универсальное, родовое и индивидуальное не равнозначны: более содержательное (и общее) в человеческой сущности определяет движение менее содержательного (и особенного). Человек не может стать сложнее (т.е. реализовать свою сущность), не освоив и не превзойдя сложности более широкого круга лиц и преобразуемых ими предметов. В своем конкретном действии он стремится выразить себя целиком, сформировать такое умение, которое бы интегрировало в себе реализацию большего многообразия присущих ему способностей. В своей непосредственной жизни здесь и сейчас он стремится быть тождественен себе, быть целостным существом. Одновременно он стремится к тождеству с человеческим родом (как непосредственным своим окружением, так и с человечеством в целом). В своей деятельности он интегрирует действия, присущие другим людям, делает их своими. В результате этой интеграции деятельность человека становится сложнее и по отношению к исходным его собственным навыкам и навыкам прочих людей, с которыми он вступает во взаимодействие. Производство собственной жизни обнаруживает также стремление индивида к тождеству с миром. Человек, преобразуя доступные другим людям вещи, стремится включить в оборот своей деятельности новые предметы. Развитие человека представляет собой процесс углубления в

собственную сущность, производства тождества индивидуального, родового и универсального содержания в ней. Интеграция наличного многообразия есть усложнение. Добавляя сложности себе, индивид добавляет ее одновременно обществу и миру.

Производя собственную универсальную, родовую и индивидуальную сущность, человек производит и соответствующие ей сущностные отношения – законы. Человек живет по законам природы (физического, химического, биологического) и общества, подчиняется им только потому, что их постоянно производит (воспроизводит и добавляет им содержания, сложности). И поскольку он производит данные законы самостоятельно (хоть и в необходимой связи с другими материальными объектами, в т. ч. прочими людьми), они являются законами не только мира и общества, но и его собственного индивидуального существования.

Обнаруженные конкретно-всеобщей диалектикой закономерности реализуются в индивидуальном бытии человека. Индивид развивается по мере формирования и реализации своих навыков и способностей, производя тем самым свое социальное бытие. Чем больше способностей индивид реализует, тем сложнее он становится. Индивидуальное бытие, таким образом, движется от простого к сложному. В процессе появления новых производственных действий, старые действия никуда не исчезают. Они сохраняются посредством обобщения и интеграции в новых действиях и наряду с ними, т.е. во включенном и не включенном в них состоянии, соответственно. Человек способен реализовывать старые навыки одновременно с новыми и попеременно с ними. Новые действия становятся сложными, если они обеспечивают человеку более полное и целостное развитие, по сравнению с прочими. Как сложные они включают в себя некоторые простые действия в качестве своего необходимого основания. Они становятся своего рода «центром», основным способом развития индивида, тогда как прочие формы деятельности, если они осуществляются отдельно, оказываются своего рода его «периферией». Сложные производственные действия зависят от простых, но вместе с тем, простые действия, будучи интегрированы со сложными, меняются под воздействием последних.

В развитии производственных навыков индивида по мимо интеграции можно также обнаружить процесс аккумуляции: в обобщенном виде в сложных действиях сохраняется все положительное содержание простых. Можно заметить и процесс конвергенции: новые способности формируются на основании не всех имеющихся навыков индивида, а только их части. В определенной мере можно допустить и наличие перехода к новым действиям на основе оптимально развитых старых (узкая специализация препятствует обретению качественно новых способностей).

Законы индивидуального развития тождественны всеобщим и общественным законам, но одновременно отличны от них. Отличие это связано с содержанием жизни конкретного человека. Индивид непосредственно не преобразует мира в целом, не преобразует той его части, которую освоило к данному моменту исторического развития человечество или конкретное общество, представителем которого он является. Своим преобразованием он касается лишь весьма локальных условий объективной действительности. Поэтому в конкретных обстоятельствах законы материального мира будут реализовываться в деятельности человека всегда особым образом, иметь особое наполнение (человек может пахать землю, синтезировать полимеры, обрабатывать металлическую деталь).

Индивид непосредственно не вступает в отношение со всем человечеством или с обществом в целом, которому принадлежит, и не обладает всем набором их навыков. Он всегда находится в некотором определенном социальном окружении и развивает свои способности сообразно способностям непосредственно окружающих его людей. Проявление законов общественного развития, по сути, будет определяться местом индивида в системе общественного производства, в системе разделения труда, т.е. характером и содержанием его непосредственной общественно значимой деятельности (человек может заниматься наукой или инженерной деятельностью, и от фундаментальности его открытий или революционности изобретений будет зависеть дальнейшее развитие как его самого, так и его непосредственного окружения, и общества в целом). Человек может находиться на периферии развития или в самом его эпицентре и от этого будет зависеть, как именно происходит его собственное усложнение.

Конкретно-всеобщие законы развития одинаковым образом раскрываются на всех уровнях организации материи и во всех ее масштабах. Многообразный характер их реализации является прямым следствием многообразия их содержания.

ГЛАВА 3. КОНЦЕПЦИЯ УРОВНЕЙ И СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Одним из главных направлений исследований В.В. Орлова и школы научной философии Пермского университета в целом стала концепция уровней, то есть изучение взаимодействия основных форм материи, постоянно осуществляющегося в процессе развития. Эта концепция была изложена в известной серии ученых записок ПГУ «Философия пограничных проблем науки» (вып. 1–8), в многочисленных сборниках статей и монографиях сотрудников кафедры, в монографиях В.В. Орлова – от его первой книги «Диалектический материализм и психофизиологическая проблема»¹ до последней монографической работы «Проблема системы категорий философии»².

Концепция уровней в своей простейшей форме берет начало в философии начала XIX века. В это время Г.В.Ф. Гегель впервые в мировой науке попытался описать мир как единую саморазвивающуюся систему, проходящую в процессе развития ряд качественно различающихся ступеней. Конечно, эти ступени трактуются у великого диалектика идеалистически, как этапы эволюции абсолютной идеи. Но даже в этой идеалистической форме Гегель сумел зафиксировать те основные формы материи, которые исследует современная наука. При описании развертывания абсолютной идеи он выделяет в природе такие ступени как механизм, химизм и организм. После них следует третий из основных этапов ее развития – дух. В этой последовательности легко просматривается аналогия с современными материалистическими взглядами на основные формы материи, существующие в Метагалактике и современной иерархией фундаментальных наук – физика, химия, биология, социология (последняя – в широком смысле, как наука об обществе вообще). После Гегеля концепцию уровней разрабатывал Ф. Энгельс, а затем ряд российских философов советского периода (Б.М. Кедров, В.И. Свидерский, А.А. Бугаков, В.И. Кремянский и др.).

В многолетних исследованиях школы научной философии Пермского университета была показана глубокая связь концепции уровней с конкретно-всеобщей интерпретацией диалектики, с философской идеей единого законо-

¹ См.: Орлов В.В. Диалектический материализм и психофизиологическая проблема. Пермь: Пермское книжное издательство, 1960, С. 157–181.

² См.: Орлов В.В. Проблема системы категорий философии. Пермь: ПГНИУ, 2012, С. 173–211.

мерного мирового процесса и с концепцией развития, которую разрабатывает современное естествознание. Были сформулированы главные закономерности соотношения низших и высших форм материи, которые по существу являются необходимой для современной науки ступенью конкретизации трех основных законов диалектики. В последних работах В.В. Орлова выделяется пять таких закономерностей³. Основные законы диалектики являются ее необходимым фундаментом, однако они явно недостаточны для современного исследования механизмов развития. Можно заметить, что уже в работах Гегеля и Энгельса схемы изложения диалектики больше опираются на концепцию уровней и конкретно-всеобщую концепцию развития, чем на представление о структуре диалектики, использованное позже в учебниках философии советского периода. Принятая в последних несколько упрощенная абстрактно-всеобщая концепция диалектики в основном сводилась к системе всеобщих принципов, законов и категорий, не доходя при этом до рассмотрения конкретных исторически возникших ступеней единого закономерного мирового процесса развития. А ведь, согласно известному высказыванию К. Маркса, не может быть развития, не связанного с прохождением конкретных качественно различающихся ступеней. Отсутствие концепции уровней и конкретно-всеобщего изложения теории развития в традиционных версиях диалектики в российской философии советского периода не соответствовало главным тенденциям исследований в области естественных наук и остается не до конца объяснимым.

В области социальной философии наиболее масштабным приложением концепции уровней является знаменитое марксово учение об общественно-экономических формациях. Следует отметить, что сейчас оно широко признано и используется социальными философами, социологами и экономистами различных научных школ. Так, Д. Белл полагает, что популярное в западной науке разделение социальных систем на доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общество осуществляется не на тех основаниях, что выделение общественно-экономических формаций, и эти две классификации удачно дополняют друг друга. Они затрагивают две разных «оси» социального развития: классификация Маркса дается по оси общественных отношений (отношения собственности), а вторая – по технологической оси (производство и разновидность используемого знания)⁴.

В информационном (постиндустриальном) обществе происходит усложнение как материальных процессов в технике и общественной жизни, так и научных концепций, которые в состоянии адекватно отразить эти объективно суще-

³ См.: Орлов В.В. Проблема системы категорий философии. С. 178–182.

⁴ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Перевод с английского. М.: Academia, 1999. С. XCIX, 14.

ствующие изменения. Представляется, что перспективным направлением развития учения об общественно-экономических формациях может стать более детальная разработка концепции уровней, примененной к социальной форме материи. Какие проблемы информационного общества целесообразно рассматривать с использованием методологических принципов концепции уровней?

Анализ философских трудов по теории постиндустриального, информационного, цифрового общества убедительно показывает: на современном материале философы и социологи заново переоткрывают те пять закономерностей взаимодействия низшего и высшего, которые ранее были сформулированы школой научной философии Пермского университета преимущественно на основе материала современной физики, химии и биологии, а также философских исследований XIX–XX веков. Попробуем проследить, с какими идеями философии информационного общества эти закономерности связаны.

Первая закономерность: возникновение высшего из низшего

Простой факт возникновения высшего из низшего скрывает за собой так называемый парадокс развития, сформулированный В.В. Орловым и обсуждавшийся полвека назад в отечественной философской литературе⁵. Откуда появляется приращение содержания, которое отличает высшее от низшего, если в низшем его не было и прийти извне оно не могло, поскольку вне материального мира ничего нет? Это реально существующее противоречие развития, которое оказывается «предельно широким, всеобщим противоречием материи, т. е. имеет изначальный и невыводимый (из каких-либо более общих свойств) характер»⁶. В применении к социальной форме материи противоречие развития разрешается благодаря неустранимой способности человека и общества к познанию и преобразованию мира и самих себя, созданию новых технологий, форм социальной организации, научных идей, художественных представлений и т.п. Д. Белл более детально описывает механизм возникновения нового в обществе, вступая при этом в полемику с К. Марксом (хотя его интерпретация марксистского подхода в данном случае может вызвать возражения): «Новая социальная система, в отличие от того, что утверждает К. Маркс, не всегда зарождается в недрах старой, но в ряде случаев вне ее. Основу феодального общества составляли дворяне, земледельцы, военные и священнослужители, чье богатство было связано с собственностью на землю. Буржуазное общество... зародилось вне феодальной землевладельческой структуры, в свободных общинах или городах, которые к тому времени уже освободились от вассальной зависимости. И эти маленькие самоуправляющиеся общины стали основой европейского торгового

---

⁵ Орлов В.В. Материя, развитие, человек / Пермский гос. ун-т. Пермь, 1974, С. 101–114.

⁶ Там же. С. 110.

и индустриального общества»⁷. Идея индустриализма не возникла из аграрного способа производства. «В равной степени, стратегическая роль теоретического знания как нового базиса технологического развития или роль информации в преобразовании социальных процессов никак не связаны с ролью энергии в создании промышленного или производящего общества. Короче говоря, это *аналитически независимые принципы*»⁸. В настоящее время, согласно Беллу, формирование постиндустриального общества определяется не индустриальными факторами (энергия, вещество и т.п.), а беспрецедентным влиянием науки на производство. Поэтому именно научное сословие «является монадой, содержащей в себе прообраз будущего общества»⁹. Тут по существу поставлен глубокий вопрос о факторах и стимулах, вызывающих переход общества в новые состояния, и об их взаимодействии. Эти стимулы образуют не до конца изученную систему, включающую в себя изменения человеческой личности, информационные технологии, изменения биосферы и ноосферы и т.п. Материалистическое понимание истории рассматривает механизм формирования нового в историческом процессе не так, как идеалистическое, отдельные моменты которого воспринял Д. Белл.

Вторая закономерность: включение и сохранение низшего в высшем

В самом общем виде идею сохранения предыдущих, низших состояний общества в новых, высших, Д. Белл передает с помощью наглядного художественного образа. «Постиндустриальные тенденции, – отмечает он, – не заменяют прежние социальные формы как некие “стадии” общественного развития. Они часто сосуществуют (как порой сосуществуют на пергаменте старые полустертые письма и нанесенные поверх них новые), усложняя общество и природу его социальной структуры»¹⁰. Такую закономерность отмечают и российские исследователи, обращая внимание, например, на наличие «способов производства, сохранившихся с прежних времен, которые сосуществуют наряду с господствующим способом производства и каким-то образом уживаются с ним, модифицируясь и трансформируясь, встраиваются в новые для них структуры»¹¹. Это усложнение социальной структуры и общества в целом не просто становится какой-то абстрактно-теоретической характеристикой, выявляемой только научным анализом, а прямо и непосредственно выражается в повседневной жизни. Так, в современном мегаполисе взаимодействие различных жизнен-

⁷ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. С. 504.

⁸ Там же. С. CL–CLI.

⁹ Там же. С. 505.

¹⁰ Там же. С. CIX.

¹¹ Кондрашов П. Н., Любутин К. Н. Диалектика повседневности: Попытка марксистского анализа. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2015, С. 59.

ных укладов происходит на всех уровнях. Существуют не только предприятия и организации, применяющие доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные технологии, но и люди, занятые соответствующими типами труда. В одной и той же коммунальной квартире буквально в соседних комнатах могут жить люди, работающие на уровне доиндустриальных технологий (грузчик, дворник, разнорабочий), индустриальных технологий (рабочий-станочник, водитель автотранспорта) и информационных технологий (IT-специалист, программист, оператор сложных электронных систем). Они взаимодействуют, представляя при этом разные технологии, разную культуру труда и художественную культуру, разный образ жизни, стиль мышления и поведения.

Возникновение новых, «высших» технологий – в наше время это технологии информационные – приводит к постановке проблемы их взаимодействия с более простыми. Понятно, что никакой Интернет не может заменить производство продовольствия, капитальное строительство, перевозку грузов, основанные на традиционных потребностях в физической переработке и перемещении вещества. В этой связи Мануэль Кастельс так определяет важное условие эффективности новейших технологий: «Я выдвигаю идею, что обработка информации является наиболее продуктивной тогда, когда она встроена в материальное производство или в сферу товарных операций, вместо того чтобы выделиться в отдельный вид деятельности в ускоряющемся разделении труда»¹². Технологии высшего уровня не могут успешно развиваться сами по себе, в отрыве от технологий низшего уровня, от которых общество тоже не может отказаться. В то же время в информационную эпоху сложилась в чем-то противоречащая этой закономерности ситуация, которую М. Кастельс охарактеризовал как «новое индустриальное пространство» и «международное пространственное разделение труда»¹³. Разные стадии производственного процесса – проектирование, конструирование, управление с участием квалифицированных операторов, рутинная сборка и вспомогательные операции – стало экономически выгодно осуществлять не только на разных предприятиях, но и на разных континентах, в разных странах. Кастельс достаточно откровенно излагает ход мыслей инвесторов и топ-менеджеров: «Хотя автоматизация все чаще позволяла компаниям устранять нижний слой рабочих, потрясающее увеличение объема производства еще требует и будет некоторое время требовать значительного количества неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих, размещение которых на тех же территориях, на которых живут ученые и инженеры, в господствующей

---

¹² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. / под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000, С. 208.

¹³ Там же. С. 363, 364.

щем социальном контексте экономически невыгодно и социально неуместно»¹⁴. Но спустя некоторое время такое разделение людей и предприятий, использующих или примитивные, или высокие технологии, привело к кризисным ситуациям. Дешевая рабочая сила, занятая «отверточной» сборкой в бывших колониях, лишила работы многих людей в странах-лидерах информационных технологий. Опора технологий высшего уровня на свою низшую основу выразилась далее в том, что высокие технологии вместе с соответствующими специалистами и организационными структурами не смогли нормально работать в отрыве от более простых промышленных производств и по технической необходимости стали «уходить» из метрополий в слаборазвитые страны, куда были вынесены простые производства («отверточная» сборка и т.п.). США во время правления президента Д. Трампа пришлось начать возвращать на свою национальную территорию «отверточные» и другие простые производства из бедных стран.

Австрийский социолог Христиан Фукс предлагает интересную точку зрения: современный цифровой труд в мировом разделении труда – это не просто операции на компьютере. В снятом виде он включает в себя все более простые виды труда, делающие возможным существование информационных технологий. «Цифровой труд, – пишет Х. Фукс, – это термин, описывающий не только создание цифрового контента. Это категория скорее охватывает весь способ цифрового производства, который содержит сеть сельскохозяйственных, промышленных и информационных видов труда, обеспечивающих существование и использование цифровых медиа»¹⁵.

Можно сделать вывод, что в информационном обществе существует сложная и постепенно меняющаяся связь между технологиями высшего уровня, работающими с ними людьми и организациями, с одной стороны, и технологиями, работниками, учреждениями, реализующими более примитивные («низшие» по сложности) технологии. Низшее сохраняется после возникновения высшего и служит ему необходимой основой.

Третья закономерность: высшее включает в себя только часть низшего, остальная его масса сохраняется вне высшего

В информационном обществе эта закономерность выражается, в частности, в тревожных тенденциях по формированию целых социальных групп и государств, которые не входят в глобализованную информационную экономику и замедляют свое развитие. Они могут стать источником дешевых ресурсов или – еще хуже – быть вообще исключенными – как, например, Африка – из новой глобальной экономики¹⁶. Кастельс приводит замечание Ф.Э. Кардозо, что «мно-

¹⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. С. 364.

¹⁵ Fuchs Christian. Digital Capitalism. Volume 3. London, New York: Routledge, 2022. P. 263.

¹⁶ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. С. 142.

гие люди могут оказаться... не стоящими даже эксплуатации, не имеющими значения, не представляющими интереса для развивающейся глобализированной экономики»¹⁷. «При новой системе производства есть значительное число людей (чья доля, возможно, увеличивается), которые ничего не значат и как производители, и как потребители с точки зрения логики системы»¹⁸. Природа, как известно, образует широкую внешнюю среду общества, отношения последнего с этой внешней средой изучает экология¹⁹. Аналогичным образом новая социальная система (выделяемая или по признаку типа общественных отношений, или по технологическим признакам) оказывается окружена широкой социальной средой, которая является по отношению к ней более примитивной, «низшей» по уровню организации. В обществе такое отношение высшего и низшего, вызванное неравномерностью общественного прогресса, ведет к ряду сложных социальных последствий – разделению народов на передовые и сравнительно отсталые, колониализму и неоколониализму, неравномерности как экономического, так и политического, культурного, социального развития. Данная закономерность взаимосвязи низшего и высшего, таким образом, тоже прослеживается при анализе социальных процессов и показывает как элементы сходства общества с природой, так и большую сложность социальных процессов по сравнению с природными.

Четвертая закономерность: подчинение включенного низшего высшему при сохранении общей природы и законов низшего

Эта закономерность наглядно проявляется в общей природе человека. Для того, чтобы оставаться социальным существом, он должен быть живым организмом (низший по отношению к социальному, биологический уровень организации). Однако биологические черты человека подчинены социальным целям и задачам: «Человеческая жизнь направляется прежде всего социальными, человеческими, а не биологическими ценностями»²⁰. Технические устройства, применяемые в производстве, работают по законам природы, но смысл конструирования таких устройств состоит в том, чтобы, опираясь на эти законы, решать задачи социального, высшего по отношению к природе уровня. Специалисты по информационному обществу в настоящее время не обращают особого внимания на проявления этой закономерности в экономической или технической сферах и обычно не формулируют связанных с ней проблем. Однако в будущем они могут обозначиться.

---

¹⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. С. 141.

¹⁸ Там же. С. 499.

¹⁹ Орлов В.В. Проблема системы категорий философии: монография. С. 180.

²⁰ Там же. С. 181.

Сейчас подчинение технологий низшего, более простого уровня технологиям высшего уровня можно проследить, например, во взаимодействии господствующих в разные эпохи энергетических процессов. Так, механическое движение, связанное с древнейшими формами ручного труда, используется в машинной технике, однако оно теперь организовано по-другому исходя из возможностей машинного производства. Компьютерная техника современного общества не может функционировать без электричества, но электрические технологии подчинены информационным, как бы «подстраиваются» под них, создают возможности решения задач информационных технологий.

Своеобразный сложный круг проблем, отсутствовавший в философии природы, возникает при замещении человека компьютером в сфере управления. Подчинены социальным целям и задачам не только традиционные составляющие «второй природы» – разнообразные создаваемые человеком предметы, но и виртуальные компоненты – например, компьютерные программы. А программа, хоть и создается человеком, функционирует в информационной системе по законам физики, которые порождают ограничения для поля ее возможностей. Физические объекты не обладают эмоциями и субъективными переживаниями, которые зарождаются только у биологической формы материи. Поэтому человек, как бы он ни конструировал искусственный интеллект, не сможет добиться от него повторения человеческого поведения во всей его сложности, то есть на основе не только объективной информации, но и эмоций, субъективных переживаний. При создании искусственного интеллекта можно, конечно, разрабатывать технологии имитации человеческого поведения и эмоций, но самостоятельно испытывать субъективные переживания и воспроизводить их физическая система в принципе не в состоянии – низшая, физическая форма материи функционирует по своим законам и не может действовать по законам высшей, социальной. Это порождает сложные задачи, например, для автоматического разрешения ситуаций, требующих совершать выбор. И.Г. Шестакова рассматривает случай, когда из-за недостатка времени на размышление приходится поручать компьютеру моральный выбор, который традиционно делал человек²¹. Например, попадает в аварию автомобиль, управляемый автопилотом, который способен имитировать моральный выбор только на основе заложенной в него программы. Как должен быть запрограммирован автопилот – на действия в интересах сохранения жизни водителя, пассажиров автомобиля, людей, находящихся на дороге, пассажиров других транспортных средств, на сохранение самого транспортного средства?²². Здесь обнаруживается, что компьютерная техника не

---

²¹ См.: Шестакова И.Г. Человек и социум в темпоральности цифрового мира: дис. ... д-ра филос. наук. Воронеж, 2020. С. 248–268.

²² Там же. С. 261.

может быть запрограммирована исходя из общечеловеческой морали, так как объединяющей всех людей морали пока не существует. Следовательно, техника, заменяющая человека в сложных производственных процессах (например, управление транспортом), оказывается вовлеченной в нравственный, а иногда также политический и экономический выбор и конфликт – конфликт интересов, возникающий между людьми, человеческими сообществами, корпорациями, классами, социальными группами. В этих условиях появляется возможность маскировать интересы групп и корпораций, объясняя их свойствами техники (как уже на заре компьютеризации было популярно рассуждение: данный результат выдал компьютер, поэтому он безусловно истинен). Современные компьютеры, построенные на физических носителях и процессах, не могут иметь потребности и испытывать эмоции, однако могут использоваться для создания иллюзии машинного выбора и моделирования этих человеческих качеств ради реализации интересов и достижения целей тех или иных человеческих сообществ и социальных групп. Следовательно, подчинение природной, физической формы материи социальному и ее обратное воздействие на социальное, во-первых, имеет ограничения, заданные законами низшего, во-вторых, распространяется не только на вещество, но и на виртуальную реальность, в-третьих, происходит в рамках сложной системы социальных отношений и интересов, вовлекаясь в реализацию существующих в этой системе целей и задач.

Пятая закономерность: интеграция в высшем в единое целое всех включенных в него низших уровней

Как неоднократно отмечали классики постиндустриализма (см. выше), в различных сферах информационного общества присутствуют элементы, структуры и отношения, остающиеся от доиндустриального и индустриального этапов общественного развития. Пользуясь классификацией общественно-экономических формаций К. Маркса, можно легко найти и в общественных отношениях, и в технологиях, и в традициях нашей эпохи элементы и структуры, пришедшие из первобытного, рабовладельческого и феодального общества. Но все они объединяются в единое целое и контролируются процессами и законами современного капиталистического, информационного общества. Как отмечает Л.А. Мусаелян, «исторический процесс в понимании основоположников марксизма характеризуется аккумулятивным развитием человеческой родовой и индивидуальной сущности, феноменологическим выражением которого является рост богатства содержания материальной и духовной культуры, создаваемой людьми»²³. М. Кастельс несколько другим языком формулирует похожие пред-

---

²³ Мусаелян Л.А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность: учебное пособие. 3-е изд., испр. Пермь: ПГНИУ, 2015, С. 298.

ставления, описывая интегрирующую, аккумулятивную роль механизмов сетевого общества по отношению к более ранним социальным институтам: «Не все социальные изменения и институты следуют логике сетевого общества, подобно тому как индустриальные общества в течение долгого времени включали многочисленные предындустриальные формы человеческого существования. Но все общества информационной эпохи действительно пронизаны – с различной интенсивностью – повсеместной логикой сетевого общества, чья динамичная экспансия постепенно абсорбирует и подчиняет предсуществовавшие социальные формы»²⁴. Как более сложная форма материи в природе, так и новая ступень общественного развития интегрируют, объединяют основные черты уже существовавших ступеней на основе своего собственного качественно нового, «высшего» содержания.

На основе краткого обзора ряда узловых проблем, возникающих при исследовании современного общества, можно сделать вывод: сложная система отношений, складывающаяся между низшим и высшим, во многом определяет механизмы развития не только материального мира в целом, но и социальной формы материи в отдельности. Законы взаимодействия низшего и высшего проявляются в природе и обществе несколько по-разному. В обществе их специфика связана прежде всего с развитием труда и мышления как главных родовых свойств человека. Сама трудовая деятельность – это новая система воздействия высшего (социального) на низшее (природное). Отношения низшего и высшего теперь по-разному строятся в нескольких сферах. В качестве низшего и высшего можно рассматривать типы человеческой личности, возникающие в разные эпохи (1); уровни развития технологий материального производства (2); уровни развития знаний, существующие в разные периоды человеческой истории (3); уровни развития культуры и искусства (4). Эта многоплановость приводит к большому многообразию механизмов включения низшего в высшее в обществе. Так, в природе всегда имеет место простое включение субстрата низшего в субстрат высшего: химические вещества в буквальном смысле слова состоят из физических частиц, живой организм – из химических элементов, человеческое тело – из клеток, как все другие многоклеточные животные. В обществе механизм включения (и, значит, весь механизм перехода от низшего к высшему) намного разнообразнее. Новая техника не обязательно состоит из элементов старой, и может вообще строиться на других принципах; новые общественные отношения включают старые не буквально, а в переносном смысле и частично. Особенно сложно выглядит развитие в сфере искусства: художественный стиль или художественное произведение не могут субстратно включать в себя другие сти-

---

²⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. С. 505.

ли и произведения. Для идей, мыслей, субъективных переживаний субстратное включение предыдущих состояний в последующие вообще невозможно. Но в мышлении, в науке высшее состояние (например, научная теория) может включать в себя содержание низшего.

Таким образом, опубликованные за последние десятилетия исследования по социальной философии, по проблемам информационного общества уже фактически включают в себя некоторый анализ отношений низшего и высшего, законов их взаимодействия. С другой стороны, опыт социальной философии позволит глубже понять и концепцию уровней, сформулировать ее наиболее сложные закономерности, появляющиеся в высшей форме материи – социальной. Методология, разработанная школой научной философии Пермского университета, оказывается важным и актуальным инструментом, позволяющим строить философию информационного общества как неотъемлемую составную часть современной философии.

Ю. В. Лоскутов

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Пермского государственного национального
исследовательского университета

ГЛАВА 4. ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СУБСТАНЦИИ – ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Когда я, только закончив исторический факультет, пришел в 1996 г. в аспирантуру кафедры философии Пермского государственного университета, я был, по сути, еще начинающим философом, неискушенным в фундаментальной философской проблематике. Мой учитель Владимир Вячеславович Орлов предложил мне для кандидатской диссертации, казалось бы, очень абстрактную проблему – вопрос о субстанции исторического процесса (о социальной субстанции). Однако именно на таких фундаментальных проблемах особенно хорошо оттачивается философское мышление. Так или иначе, я в феврале 2000 г. успешно защитил диссертацию на тему «Категория субстанции и концепция исторического процесса» и доныне продолжаю работать по данной проблематике. Предварительным результатом этой работы стала моя монография «Введение в теорию социальной субстанции»¹.

Традицией пермской университетской философской школы является соединение общефилософских вопросов с социально-философскими. Проблема социальной субстанции – яркий пример такого соединения. Решение этой проблемы способствует укреплению и развитию эвристического взаимодействия между онтологией и гносеологией – с одной стороны, и социальной философией – с другой. Кроме того, теория социальной субстанции способна укреплять связи между исторической наукой и философией. Ведь только опираясь на философию истории, предполагающую признание субстанциальной основы исторического процесса, историк и философ могут избежать «дурной бесконечности» причин-следствий при объяснении исторических событий. Анализ исторического процесса, плодотворный для решения задач исторического объяснения, предполагает не признание множества равноправных причин-следствий, а признание того или иного исторического фактора в качестве причины самого себя (субстанции). Адекватное реальности субстанциальное объяснение не может быть чуждым для исторической науки еще и в силу того, что тождество соци-

---

¹ Лоскутов Ю.В. Введение в теорию социальной субстанции: монография / Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2021. 4,73 Мб ; 277 с. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/loskutov-vvedenie-v-teoriyu-socialnoj-substancii.pdf>

альной субстанции включает в себя как синхронические, так и диахронические различия, столь любимые историками – это не абстрактное, а конкретное тождество. В своей диссертации я показал то, как, с одной стороны, внутренняя логика развертывания философии истории приводит к рассмотрению субстанции исторического процесса, и то, как, с другой стороны, к этому же рассмотрению приводит внутренняя логика становления субстанциальной онтологии.

Единый, закономерный мировой процесс развития всеобщей материальной субстанции состоит из особенных этапов, каждый из которых является возникновением и становлением той или иной особенной субстанции. С каждым таким возникновением развивается, усложняется содержание материи как всеобщей субстанции². Понятие «социальная форма материи» имеет широкий (включающий общественное сознание) и узкий (исключающий общественное сознание) смыслы. Если понятие «общественное бытие» эквивалентно узкому смыслу, то понятие «социальная субстанция» выступает конкретизацией широкого.

Тем не менее, первым в истории философии понятие субстанции исторического процесса вводит отнюдь не материалист, а именно – Г. Гегель, у которого, как мне удалось это реконструировать, данное понятие развертывается, проходя через три последовательных этапа. Сначала в качестве субстанции истории у Гегеля выступает дух³, субстанция духа затем раскрывается как свобода⁴ и, наконец, субстанцией свободы является разум⁵. Гегель понял, что субстанция не поддается однозначному определению, что ее содержание должно быть раскрыто с помощью последовательного ряда категорий, однако Гегель не смог найти подлинную, эмпирически достоверную и потенциально бесконечную субстанцию исторического процесса. Указанные гегелевские категории отражали точку зрения идеалистического понимания истории, они были подвергнуты аргументированной критике со стороны исторического материализма. Проблема, однако, состоит в том, что основоположники последнего – К. Маркс и Ф.Энгельс – хотя фактически и открыли подлинную субстанцию исторического процесса, но не оставили прямого указания на то, какую именно реальность они рассматривают в качестве социальной субстанции. В силу этого философам-марксистам приходится ориентироваться на косвенные указания классиков по данному вопросу – как и в случае с Гегелем, многоуровневое содержание субстанции чело-

---

² Широков Д.И. Диалектика познания и категория субстанции. Минск: Наука и техника, 1974. С. 5.; Орынбеков М.С. Субстанция как внутреннее единство развивающихся целостных систем и принцип их познания // Развитие как регулятивный принцип. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1991. С. 74.

³ Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. С. 63,70.

⁴ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М.: Мысль, 1977. С. 25.

⁵ Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. С. 64.

веческой истории реконструируется из текстов основоположников марксизма. Кроме того, К. Маркс продемонстрировал в «Капитале» возможность применения понятия субстанции не только в философии, но и в частных науках – благодаря наличию достоверной эмпирической базы субстанциального объяснения.

В марксовской эпистемологии гегелевский метод восхождения от абстрактного к конкретному дополняется логически предшествующим ему методом восхождения от конкретного к абстрактному: «Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление подверглось испарению путём превращения его в абстрактные определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления»⁶. Процесс восхождения от конкретного к абстрактному на эмпирическом этапе исследования приводит к наиболее абстрактному понятию, отражающему эпистемологически исходную реальность исследуемого круга явлений. Это понятие принято в отечественной философии называть «клеточкой». Последняя служит переходом между двумя этапами субстанциального объяснения – между восхождением от конкретного к абстрактному и восхождением от абстрактного к конкретному. Будучи своеобразным «резюме» первого этапа, «клеточка» должна быть эмпирически достоверной, предметной, безусловно познаваемой. Грубо говоря, на нее можно указать пальцем. Вместе с тем, «клеточка» должна быть максимально абстрактным выражением сущности исследуемого круга явлений, должна быть выражением сущности каждого явления из этого круга. Особая эпистемологическая функция «клеточки» существует не случайно – «клеточка» является отражением в голове исследователя наиболее абстрактного уровня материальной системы⁷ – по сути, наиболее абстрактного уровня субстанции рассматриваемого круга явлений. Объединяющая функция «клеточки» по отношению к прошлым, настоящим и будущим модусам субстанции обуславливает применение принципа единства исторического и логического, проявляемого при исследовании этой субстанции. Однако не во всяком модусе субстанции имеется возможность теоретически выделить «клеточку», а только в относительно сложном модусе, которому предшествует достаточно длительная история развития рассматриваемой субстанции. (Например, научная теория социальной субстанции

---

⁶ Маркс К. Экономические рукописи 1857–59 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 37.

⁷ Кайдалов В.А. Диалектико-материалистическая концепция самодвижения и ее современные проблемы. Томск: Издательство Томского университета, 1982. С. 128.

возникает только при капитализме). На теоретическом этапе исследования в процессе восхождения от абстрактного к конкретному скрытое содержание «клеточки» раскрывается через развертывание и снятие ее внутренних противоречий в строящейся системе категорий.

Для успеха субстанциального объяснения чрезвычайно важен правильный выбор «клеточки». Ошибка в определении «клеточки» не приводит к достижению научной теорией состояния самообоснованности, то есть не приводит к отражению научной теорией фундаментального свойства субстанции – быть причиной самой себя. Научный успех «Капитала» Маркса был во многом обусловлен правильным выбором товара в качестве исходной «клеточки» теоретического объяснения капиталистической экономики. Но какова же «клеточка» социально-философского рассмотрения человеческой истории в целом?

В.В. Орлов подсказал мне верный ответ на этот вопрос: в «Немецкой идеологии» при рассмотрении исходного пункта материалистического понимания истории К. Маркс и Ф. Энгельс указывают на то, что «предпосылки, с которых мы начинаем, – не произвольны, они – не догмы; это – действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это – действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем»⁸. (Позже, во Введении к «Экономическим рукописям 1857–1859 гг.», Маркс подтверждает свою точку зрения: «Индивиды, производящие в обществе ... – таков, естественно, исходный пункт»⁹). Перечисленные в «Немецкой идеологии» предпосылки исторического процесса Маркс и Энгельс не считают равноценными: «Первая предпосылка всякой человеческой истории – это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, – телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе»¹⁰. Данная мысль выражает субстратный подход к историческому процессу¹¹. При этом понятие «социальный субстрат» относится не только к обществу как

---

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1955. 2-е изд. Т. 3. С. 18.

⁹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–59 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 17.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1955. 2-е изд. Т. 3. С. 19.

¹¹ Ласточкин А.В., Орлов В.В. О специфике социального субстрата // Философия пограничных проблем науки. Вып. 6. Пермь. 1974. С. 102.

целому, но и к отдельному человеческому индивиду¹². (В обыденном языке социальный субстрат очень точно обозначается местоимениями «я», «ты», «мы», «вы», «он», «она», «они»).

Вещественные условия существования человеческих индивидов также субстратны, но они всё же не являются первой предпосылкой человеческой истории. Дело в том, что степень социальности живых человеческих индивидов и вещей различна. Качество собственно социальной субстратности присуще только людям (чья телесность носит интегральный социальный характер¹³), в то время как вещи обладают лишь тем или иным природным субстратом: «Вещь социальна по форме и функциям, человек – по сущности и субстрату. Поэтому социальным субстратом в собственном смысле слова является человек, а вещи включены в общество в качестве преобразованных природных (низших) элементов»¹⁴. В строгом смысле социальной субстанции являются только действительные индивиды, ибо только они обладают социальным субстратом, в нестрогом смысле к социальной субстанции принадлежат еще и те вещи, которые индивидами используются. Социальность вещи в некотором смысле условна постольку, поскольку источник этой социальности остается вне вещи, ее субстрата¹⁵.

Уже после защиты диссертации я пришел к выводу о том, что единственной реальной характеристикой, с необходимостью конституирующей принадлежность к человеческому роду, является обладание социальным субстратом. Последний, в отличие от тех или иных отдельных сущностных сил и отдельных человеческих отношений, имеется у всех без исключения человеческих индивидов – включая детей-маугли и детей в материнской утробе, которые обладают (или, как минимум, обладали) множеством потенциальных человеческих сущностных сил, которые во многих случаях могут (или хотя бы могли) стать актуальными при благоприятных условиях. Если человеческий индивид утрачивает те или иные свои сущностные силы или свои существенные отношения, он все равно остается человеком, членом человеческого рода.

И в отечественной, и в западной философии неоднократно предпринимались попытки проигнорировать субстрат, сведя описание и объяснение предме-

---

¹² Ласточкин А.В. Субстратная сторона развития как способа существования материи // Низшее и высшее, системы и элементы в процессе развития. Челябинск: Издательство ЧГПИ, 1988. С. 9.

¹³ Ласточкин А.В. Социальная форма материи. Свердловск: Издательство Уральского университета. 1990. С. 63.

¹⁴ Ласточкин А.В. Субстратная сторона развития как способа существования материи // Низшее и высшее, системы и элементы в процессе развития. Челябинск: Издательство ЧГПИ, 1988. С. 9.

¹⁵ Ласточкин А.В. Социальная форма материи. Свердловск: Издательство Уральского университета. 1990. С. 37.

та к системе его атрибутов¹⁶. «Камнем преткновения» для такого подхода выступает ситуация, когда два предмета тождественны, идентичны друг другу по всем своим существенным свойствам, но при этом всё же являются двумя разными предметами – только потому, что они являются двумя разными субстратами. Примерами такой ситуации служат однотипные изделия на конвейере или даже однояйцевые близнецы: «Ничто никогда не может быть индивидуализировано только посредством спецификации его свойств, какой бы подробной или полной она ни была – как в случае с ДНК эмбриона. Всегда, по крайней мере логически, возможно существование двух или более особей, отвечающих одной и той же спецификации; любой чертеж может быть использован более одного раза. ... В случае с людьми возможность существования двух индивидуумов, отвечающих одной и той же спецификации, – это не просто логическая возможность: эта возможность реализуется в случае однояйцевых близнецов»¹⁷. Кроме того, А.В. Ласточкин верно указывает на следующее обстоятельство: «Субстрат никогда нельзя полностью, до конца разложить на свои свойства. В силу неисчерпаемости материи и каждого материального объекта ... субстрат бесконечен в своих проявлениях. Субстрат существует через свойства, но свойства не могут выразить его целиком, всего, не могут проявиться сразу все. Субстрат “является” всегда лишь какой-то определенной стороной своих свойств, обнаруживающихся в определенном отношении данной вещи к другим вещам»¹⁸.

Субстрат детерминирует свои свойства, функции и отношения, поэтому он является ведущей стороной реальности: «Изменение связей, отношений обусловлено изменениями субстрата, его элементов. Структура зависит от элементов, определяется их природой. Их связь есть взаимосвязь содержания и формы и выражается она в общем плане в соответствии формы (структуры) содержанию (элементам субстрата)»¹⁹. Данный тезис конкретизируется в социальной философии как закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил²⁰.

---

¹⁶ Бранский В.П., Ильин В.В., Кармин А.С. Дialeктическое понимание материи и его методологическая роль // Методологические аспекты материалистической диалектики. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1974. С. 14-17; Ильин В.В., Кармин А.С. Проблемы диалектико-материалистической концепции материи // Понятие материи в марксистской философии. Пермь: Издательство ПГУ, 1977. С. 98–102; Робинсон Г. Субстанция // Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей / под ред. Д.Б. Волкова, В.В. Васильева, М.О. Кедровой. URL: <http://philosophy.ru/substance/>.

¹⁷ Stem Cells, Human Embryos and Ethics: Interdisciplinary Perspectives, edited by Lars Østnor, Springer Netherlands, 2008. P. 172.

¹⁸ Ласточкин А.В. Категория «субстрат» в марксистской философии // Диалектический материализм как система. Пермь: Издательство Пермского университета, 1980. С. 141.

¹⁹ Там же. С. 142.

²⁰ Ласточкин А.В. Социальная форма материи. Свердловск: Издательство Уральского университета. 1990. С. 63.

Атрибут без субстрата никак не может считаться субстанцией (более того, такой атрибут не может существовать). Вместе с тем, и субстрат не может существовать (и не может быть выявлен познанием) без своих атрибутов. Особенно это касается сверхчувственного социального субстрата – живых человеческих индивидов, так как социальный субстрат «не может быть “схвачен” эмпирическим созерцанием, подобно тому как мы созерцаем определенные физические и химические субстраты. Впрочем, уже существование биологического субстрата может быть установлено только посредством вывода, так как для его восприятия нет никаких специальных органов чувств. Природа социального субстрата может быть изучена через посредство тех специфических свойств и отношений, в которых она полностью проявляется»²¹. Действительно, социальное качество индивида не сводится ни к его внешнему физическому облику, ни к химическим выделениям его организма – то есть к тому, что непосредственно фиксируется нашими органами чувств.

Таким образом, элементарным уровнем социальной субстанции являются действительные индивиды, рассматриваемые в единстве с их деятельностью и с материальными условиями их существования. В самом деле, какой бы фрагмент человеческой истории (прошлый, настоящий или даже будущий) мы бы ни взяли, мы всегда найдем там действительных индивидов, которые заняты той или иной деятельностью в определенных материальных условиях. Однако никакую субстанцию нельзя определить однозначно – это интеллектуальное открытие Гегеля не всегда принимается во внимание даже философами-марксистами. В процессе восхождения от абстрактного к конкретному требуется раскрыть содержание субстанции в несколько этапов.

В понятии действительных индивидов (живых человеческих индивидов) имплицитно содержится указание на их единство между собой, на то, что эти индивиды составляют нечто целостное. В указанном понятии имплицитно содержится конкретно-всеобщее понятие человеческого рода как следующего уровня логического раскрытия субстанции человеческой истории. Родовое – это то, что «свойственно каждому отдельному человеку, человеку вообще, а также человечеству в целом»²². С точки зрения Маркса, «индивид есть общественное существо. Поэтому ... индивидуальная и родовая жизнь человека не являются чем-то различным, хотя по необходимости способ существования индивидуальной жизни бывает либо более особенным, либо более всеобщим проявлением

---

²¹ Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь: Издательство Пермского государственного университета, 1974. С. 311.

²² Васильева Т.С. Всеобщий исторический закон // Новые идеи в философии. Пермь. 1999. Вып. 8. С. 23–24.

родовой жизни, а родовая жизнь бывает либо более особенной, либо всеобщей индивидуальной жизнью»²³.

Личность обладает самопричинностью, самодетерминацией. Кроме того, зависимость родового от индивидуального очевидна для всякого философа, испытавшего влияние аристотелевской традиции (марксисты здесь – не исключение). Маркс указывает на то, что «общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это, или нет»²⁴. З.М. Какабадзе так конкретизирует эту мысль: «Конечно, человек как личность формируется в обществе. Но общественная организация не есть некая самоцель, спускающаяся к человеку сверху и наделенная соответствующей энергией, чтобы навязать себя. Она, со своей стороны, основана на специфических устремлениях и возможностях людей как личностей»²⁵. В таком контексте выглядит искусственным, надуманным популярное противопоставление личности народным массам, так как народные массы (как бы ни понимать содержание данного понятия) состоят только из личностей. Однако все мои попытки указать на субстанциальность отдельно взятой личности встречали возражения В.В. Орлова, и потому не вошли в диссертацию. Тем не менее, следует признать то, что человеческий род как субстанция (общее) должен пониматься не только как единство социальных организмов (особенного), но и как единство личностей (единичных). Последние по отдельности также субстанциальны – но субстанциальны не сами по себе, не как абстрактные отдельные индивиды, а только как составляющие человеческого рода.

Единство индивида и рода – это не случайное, а необходимое, сущностное единство. Поскольку родовая и индивидуальная человеческая сущность в единстве с ее существованием (движением, развитием) выступает в качестве сущности человеческой истории, постольку она выступает по отношению к историческому процессу и в качестве его субстанции (вместе со своими атрибутами – сущностными силами человека). «Вся история есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы»²⁶. В марксистской философии наиболее емкое (и притом субстанциальное) определение сущности человека дано В.В. Орловым и Т.С. Васильевой: «Сущность человека заключается в том, что

---

²³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Издательство политической литературы, 1974. 2 изд. Т. 42. С. 119.

²⁴ Маркс К. Маркс – Павлу Васильевичу Анненкову, 28 декабря 1847 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. М.: Госполитиздат, 1962. С. 402–403.

²⁵ Какабадзе З.М. Человек как философская проблема // Какабадзе З.М. Проблема человеческого бытия. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 226.

²⁶ Маркс К. Ницше философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1955. 2-е изд. Т. 4. С. 162.

это существо, производящее свое собственное бытие и сущность»²⁷. (Термин «производящее» здесь нужно понимать в контексте того содержания понятия «производство», которое было выработано применительно к человеку К. Марксом и Ф. Энгельсом). Производство – это социальная форма развития²⁸. В ходе производства происходит приспособление окружающей среды к человеческим потребностям. Через включение в себя низшего («второй природы») в процессе материального производства социальная субстанция воспроизводит единство мира²⁹. При этом важно отметить то, что субстанциальна не экономическая сфера жизни общества как таковая, а целостная материальная производящая человеческая сущность: «Следует исходить из конституирующей роли человека в отношении всех процессов и явлений, происходящих в экономике, равно как и во всей общественной жизни ... Неверно и не приведет к полезным результатам распространенное мнение о том, что определяющим фактором в жизни человека является экономика, все происходящее в обществе зависит от нее. Это преувеличение роли экономики. Таким фактором может быть лишь человек, для кого и кем в социуме создается всё»³⁰. Также уместно вспомнить и о том, что, согласно шестому «Тезису о Фейербахе» К. Маркса, сущность человека не есть сущность отдельного абстрактного индивида как такового, но включает в себя все общественные отношения³¹. Эти общественные отношения складываются для индивида и общества исторически, они не заданы заранее в виде некоего списка отношений, соответствие которому выступало бы условием обладания человеческой сущностью. Понятие родовой и индивидуальной сущности человека является третьим шагом на пути раскрытия содержания подлинной социальной субстанции.

Три обозначенные этапа раскрытия содержания социальной субстанции имеют абстрактно-всеобщий характер, однако абстрактно-всеобщий аспект рассмотрения той или иной субстанции всегда является недостаточным. Дело в том, что любая субстанция обладает атрибутом развития в той или иной его форме – всеобщей или особенной. Процесс развития порождает единство многообразия, и потому завершающий этап рассмотрения той или иной субстанции (в ходе восхождения от абстрактного к конкретному) должен иметь конкретно-

---

²⁷ Орлов В.В., Васильева Т.С. Антропология как система наук о человеке // Три точки зрения на философскую антропологию. Вып. 2. Севастополь: СевГТУ, 1996. С. 47.

²⁸ Ласточкин А.В. Социальная форма материи. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1990. С. 75.

²⁹ Мусаелян Л.А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. 3-е изд. Пермь: Издательство ПГНИУ, 2015. С. 320.

³⁰ Малашкя Г.М. Тенденции гуманизации и дегуманизации экономики // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Выпуск 1. СПб: Петрополис, 2001. С. 164.

³¹ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 3.

всеобщую природу. К. Маркс заметил в «Капитале»: «Мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху»³². Иными словами, мы должны знать не только то, каковы: человеческая сущность вообще, труд вообще, мышление вообще и т.д., но и то, как они изменяются от эпохи к эпохе. Степень развития родовой и индивидуальной человеческой сущности уместно рассматривать в качестве основного критерия периодизации человеческой истории³³. Поскольку К. Маркс и Ф. Энгельс усматривали специфику человеческой сущности (являющейся субстанцией истории) в производстве, постольку за основу понимания действительного исторического процесса ими было взято понятие способа производства. Каждый исторически определённый (конкретно-исторический) способ производства выступает субстанцией той соответствующей исторической эпохи (общественно-экономической формации), в которой он господствует³⁴. Таким образом, конкретно-исторический (феодальный, капиталистический и т.д.) способ производства выступает в качестве конкретной формы существования социальной субстанции (действительных индивидов, человеческого рода, родовой и индивидуальной человеческой сущности) на том или ином этапе ее исторического саморазвития. Конкретно-исторический способ производства – это четвертый и заключительный этап раскрытия содержания социальной субстанции. К. Маркс в «Капитале», рассматривая с помощью субстанциального объяснения ключевые характеристики капиталистического способа производства, возвращается к понятию действительных индивидов (живых человеческих индивидов), с которого он начинал рассмотрение материалистического понимания истории в «Немецкой идеологии»³⁵. Следовательно, в «Капитале» материалистическое понимание истории вернулось на новом уровне к своему исходному пункту, и тем самым получило самообоснование.

За двадцать с лишним лет после того, как мною была сформулирована эта схема развертывания содержания социальной субстанции, состоящая из четырех этапов, она не была опровергнута. Впрочем, нельзя сказать, что за это время проблема социальной субстанции вызывала пристальное внимание многих философов. Общая философская атмосфера, пронизанная неклассическими философскими идеями (прежде всего – постмодернистскими и феноменологически-

---

³² Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1960. 2-е изд. Т. 23. С. 623.

³³ Мусаелян Л.А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. 3-е изд. Пермь: Издательство ПГНИУ, 2015. С. 362; Лоскутов Ю.В. О месте формаций и цивилизаций в человеческой истории // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2001. Вып. 1. С. 5–11.

³⁴ Черненко А.К. Причинность в истории. М.: Мысль, 1983. С. 40–41.

³⁵ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1960. 2-е изд. Т. 23. С. 178, 181.

ми), не способствовала пристальному вниманию к проблематике сущности исторического процесса и его субстанции.

Тогда, когда этой проблематике всё же уделяют внимание, нередко подменяют социальную субстанцию как таковую ее процессуальным аспектом – в качестве социальной субстанции провозглашают всего лишь ее отдельный процессуальный атрибут: деятельность³⁶, труд³⁷ или производство³⁸. Однако воспринимать всё это в качестве субстанции можно только тогда, когда мы полностью абстрагируемся от субстрата, что онтологически не отражает полноту содержания объективной реальности. Еще с античных времен субстанция понимается как предмет – как субстрат, обладающий теми или иными неотъемлемыми свойствами (атрибутами). С точки зрения понимания субстанции в современном материализме, среди этих атрибутов особо выделяется развитие, включающее в себя движение³⁹. Для материалистической философии нет движения без материи – когда мы говорим о движении, мы всегда должны задавать вопрос «что движется?» или «кто движется?». Поскольку атрибуты принадлежат субстрату, постольку деятельность принадлежит индивидам, а не наоборот. Деятельность не может быть оторвана от ее носителей – живых человеческих индивидов. Если в понятиях труда и производства, пусть и неявно, но присутствует определенное субстратное содержание, то понятие деятельности выступает как всего лишь наиболее абстрактное обозначение атрибутивного аспекта субстанции исторического процесса, которое, будучи рассмотренным отдельно, максимально абстрагируется от субстрата как такового.

Тем не менее труд, не будучи субстанцией, может быть обозначен в качестве особого, субстанциального атрибута (или, что то же самое, в качестве основания субстанциальности). Данный атрибут выражает процесс, без которого субстанция не могла бы являться причиной самой себя, то есть субстанцией. Определение конкретного субстанциального атрибута как интегрального процесса, охватывающего определенный круг явлений, имеет конкретно-всеобщий

---

³⁶ Момджян К.Х. Социум. Общество. История. М.: Наука, 1994. С. 167–168; Момджян К.Х. Субстанциальный подход в теоретическом обществознании, его необходимость и принципы // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 78–80; Кондрашов П.Н. Наслаждение как принцип историчности в философии К. Маркса // Маркс утраченный и Маркс обретенный. М.: Екатеринбург: ИФиП УрО РАН: Кабинетный ученый, 2021. С. 185; Коряковцев А.А. Диалектический синтез в социальной теории Маркса // Маркс утраченный и Маркс обретенный. М.: Екатеринбург: ИФиП УрО РАН: Кабинетный ученый, 2021. С. 282.

³⁷ Майданский А.Д. Реальность как деятельность: понятие практики в советской философии. URL: <http://caute.ru/am/text/realact.html>

³⁸ Худякова Н.Л. Производство как субстанция общества // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 38 (329). Философия. Социология. Культурология. Вып. 31. С. 25.

³⁹ Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь: Издательство Пермского государственного университета, 1974. С. 88–90.

характер, оно не может быть произведено с помощью популярной индукции. Субстанциальный атрибут – это не тот процесс, который непосредственно встречается в субстанции как системе везде и всегда, но это тот самоподдерживающийся процесс, который производит условия существования субстанции как системы и ее дальнейшего развития. Для бесконечной материальной субстанции таким атрибутом выступает саморазвитие, но в каждой особенной материальной субстанции саморазвитие обладает конкретной спецификой, соответствующей уровню сложности той или иной особенной субстанции. Труд является особой формой саморазвития – саморазвитием социальной субстанции. Согласно Марксу, «вся так называемая всемирная история есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом»⁴⁰, хотя отдельный человек может и не трудиться. Субстратной основой того или иного субстанциального атрибута выступает система, состоящая из высшего и низшего. Соответственно, элементарный процесс труда по самой своей природе включает в себя субстратную основу в виде предмета труда, становящегося продуктом труда (низшее), в виде средства труда (низшее) и в виде самого трудящегося человека (высшее). Таким образом, труд как таковой, будучи не предметом, а процессом, с необходимостью включает в себя различные субстраты.

Вообще сугубый акцент на процессуальности в ущерб субстратному подходу, в ущерб целостному субстанциальному объяснению выглядит странно в рамках марксистской (и вообще европейской) социальной философии. Процессуальное мышление характерно для арабской культуры⁴¹, попытки создания процессуальной онтологии предпринимались и на Западе (А. Бергсон, А. Уайтхед), однако процессуальная онтология всё же не получила преимущества в популярности перед субстанциальной онтологией ни в мировой философии в целом, ни в европейской философии в частности. При этом западная мысль далеко не всегда противопоставляет субстанцию процессу. Впервые на Западе их сознательно объединил Гегель. В марксизме также ставится задача соединения принципа единства мира с принципом развития⁴² – субстанциальное единство предполагает и соответствующее ему процессуальное единство⁴³.

Можно долго спорить о преимуществах и недостатках процессуальной онтологии по сравнению с онтологией субстанциальной, но этот онтологический

---

⁴⁰ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Издательство политической литературы, 1974. 2-е изд. Т. 42. С. 126.

⁴¹ Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. С. 51–61.

⁴² Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 29. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 229.

⁴³ Орлов В.В., Мусаелян Л.А. Материальное единство мира и принцип развития // Понятие материи в марксистской философии. Пермь. Издательство Пермского университета. 1977. С. 122–123.

спор может разрешить этика. Ведь, если та или иная картина мира становится руководством к действию, то она приобретает практическую силу, тем или иным образом влияющую на человеческие жизни. Когда сторонник процессуальной онтологии А.Д. Майданский с упоением пишет о том, что «все материальные условия труда, включая и живые тела людей, суть лишь предпосылки и “исчезающие моменты” процесса труда»⁴⁴, мне становится страшно от нарисованной им картины исчезновения, уничтожения живых человеческих индивидов в отчужденном от них трудовом процессе. Хотя А.Д. Майданский утверждает, что его точка зрения соответствует точке зрения К. Маркса, мне представляется, что последняя всё же прямо противоположна идее принесения людей «в жертву» труду (как вариант – накопленному труду в виде капитала). Гуманист Маркс начинает рассмотрение своей социальной теории в «Немецкой идеологии» не с процесса труда, а с социального субстрата – живых человеческих индивидов. С самого начала развертывания материалистического понимания истории в центре внимания Маркса и Энгельса оказывается не процесс как таковой, а предметы (живые человеческие индивиды), осуществляющие этот процесс.

Всеобщие сущностные моменты мира выступают в качестве сущностных моментов самого человека⁴⁵. Сущностные силы человека, будучи атрибутами социальной субстанции, являются также высшими проявлениями атрибутов всеобщей материальной субстанции⁴⁶. Будучи наиболее сложным материальным субстратом, человек обладает и наиболее сложными формами атрибутов материи постольку, поскольку уровень сложности атрибутов соотносителен с уровнем сложности их субстрата. Например, социальное пространство – это высшая, интегральная форма пространства вообще, отличная от физического пространства, а социальное время – это высшая, интегральная форма времени вообще, отличная от физического времени⁴⁷. Я полагаю, что двумя основными и взаимодополняющими формами социального времени выступают проект и игра, на что указывает популярное философское противопоставление *Homo faber* и *Homo ludens*. Единицей темпорального измерения деятельности *Homo faber* является проект. Единицей темпорального измерения деятельности *Homo ludens*

---

⁴⁴ Майданский А.Д. Реальность как деятельность: понятие практики в советской философии. URL: <http://caute.ru/am/text/realact.html>

⁴⁵ Орлов В.В. Научная философия в начале XXI века // Новые идеи в философии. 2000. Вып. 9. С. 118–123.

⁴⁶ Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь: Издательство Пермского государственного университета, 1974. С. 135.

⁴⁷ Обзор взглядов на социальное пространство и социальное время приведен здесь: Лоскутов Ю.В. Введение в теорию социальной субстанции: монография / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2021. 4,73 Мб; 277 с. С. 136–144. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/loskutov-vvedenie-v-teoriyu-socialnoj-substancii.pdf>

является игра. Производство – с помощью различных проектов – как средств к жизни, так и самого человека составляет необходимое содержание социальной деятельности, а различные игры составляют ее случайное содержание. В силу преобладания необходимости над случайностью в структуре мироздания проекты занимают центральное место в человеческой культуре, а игры – второстепенное. Игра отличается от проекта следующими особенностями. 1) В игре правила определяют результат, в проекте требуемый результат определяет правила. 2) Результат игры может быть разным, он не определен. Результат проекта должен быть строго определен. 3) Игра не утилитарна, она совершается ради себя самой. Проект утилитарен, он имеет внешнюю цель. 4) Продуктивный характер игры не является ее необходимой чертой. Эта черта постепенно утрачивается по мере взросления человека, но проект продуктивен по самой своей сути. В качестве темпоральных точек отсчета друг для друга могут выступать как проекты, так и игры: проект для проекта, игра для игры, игра для проекта, проект для игры⁴⁸.

Еще в процессе работы над кандидатской диссертацией мне стало ясно, что социальная субстанция – это сложная саморазвивающаяся система, и потому для ее рассмотрения требуется постнеклассическая рациональность. Только последняя способна адекватным образом концептуализировать социальную субстанцию. Такая концептуализация делает возможной научную (и притом гуманистическую) философскую оценку действительных или планируемых общественных процессов, которая обладает не только теоретической, но и практической значимостью. Условием успеха практической деятельности выступает применение того или иного исторического типа рациональности к соответствующему именно ему типу систем: классической рациональности – к простым системам, неклассической – к сложным саморегулирующимся, постнеклассической – к сложным саморазвивающимся. Тем не менее, В.В. Орлов, будучи приверженцем идеи становления философии в качестве науки, был довольно далек от рассмотрения науки с помощью постпозитивизма, и потому постнеклассические размышления в мою диссертацию не вошли. Когда мы исследуем социальную субстанцию, мы являемся частью объекта нашего исследования, мы (кто-то – в большей, а кто-то – в меньшей степени) управляем им, мы чувствуем «на своей шкуре» все последствия этого управления. Мы не можем рассматривать социальную субстанцию по правилам классического научного исследования – так, как если бы мы находились вне ее. И потому учет человеческих ценностей с необходимостью включается в методологию исследования социальной субстанции (как и в методологию любого другого постнеклассического научного

---

⁴⁸ Лоскутов Ю.В. Сущностные силы человека как высшие проявления атрибутов материи // Новые идеи в философии. 2022. № 10(31). С. 57.

исследования). Это обеспечивает соблюдение наукой объективно-реального подхода в современных условиях⁴⁹. По сути, фактический создатель научной философии К. Маркс, изучавший сложную саморазвивающуюся систему под названием «капиталистическая общественно-экономическая формация», является, наверное, первым постнеклассиком в области частно-научного знания. Учет объективных интересов и ценностей пролетариата, выступление Маркса в науке не с «нейтральной» позиции, а от имени определенного классового субъекта, – это как раз то, что во многом и обеспечило как философское, так и частно-научное отражение в «Капитале» объективной социальной реальности. Вопреки установке классической рациональности, истина серьезно зависит от человека – и прежде всего от человеческой практики. Да, объект науки независим от человеческого сознания, взятого «в чистом виде» (наблюдение, созерцание), но в конечном счёте глубоко зависим от человека как наиболее сложного, универсального материального существа, занятого производством.

Основными характеристиками постнеклассической рациональности применительно к проблематике исследования социальной субстанции являются: научность, человекомерность, диалогичность, ценностный подход, проективность. По-настоящему зрелая наука должна быть творческой – она должна идти преимущественно от познания того, что актуально есть, к проектированию того, чего актуально нет (точнее, к тому, что есть лишь в возможности как вероятная будущая реальность). В постнеклассической рациональности, в отличие от классической, единой познавательной «системы отсчета» нет – познавательные «системы отсчета» рассматриваются как человеческие (или, наоборот, античеловеческие) практические проекты, формирующие соответствующие им особые предметные реальности. Мир овещенной предметности, пронизывая наше существование, противостоит нашей собственной сущности, подлинно человеческой предметности, враждебен ей. Постнеклассика – это территория теоретической и практической «битвы» гуманистических общественных проектов с антигуманными. В частности, для борьбы с антигуманностью в науке требуется преодоление распространенной научной привычки использовать рациональность классического типа за пределами естественных рамок последней, то есть за пределами исследования простых систем. Следует напомнить о том, что создатель концепции постнеклассической рациональности В.С. Стёпин руководствовался идеей научного утверждения гуманистических принципов⁵⁰.

Профессор Орлов завещал мне применять теоретический субстанциальный подход к различным прикладным, практическим проблемам. Хотя и не сразу, но мне удалось развернуть эту научно-исследовательскую программу – в контексте

---

⁴⁹ Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 631.

⁵⁰ Там же. С. 631–632.

теории социальной субстанции я рассматриваю: онтологию морали⁵¹, роль идеологии и онтологии в формировании будущего⁵², проблемы компьютеризации в условиях становления всеобщего труда⁵³, кризис частной интеллектуальной собственности⁵⁴, глобальный экологический кризис⁵⁵ и некоторые другие острые общественные проблемы.

Разумеется, это было только краткое изложение проблемы социальной субстанции. Рамки нашей коллективной монографии не позволяют затронуть здесь множество интеллектуальных нюансов, относящихся к субстанциальной проблематике, которая связывает воедино множество философских и социально-практических «сюжетов».

---

⁵¹ Лоскутов Ю.В. Субстанция морали // Новые идеи в философии. 2019. № 6 (27). С. 93–106; Лоскутов Ю.В. Моральная истина и «довод к человеку» // Философия и общество. 2023. № 1. С. 89–100. DOI: <https://doi.org/10.30884/jfio/2023.01.06>

⁵² Лоскутов Ю.В. Посткапиталистические проекты: онтология против идеологии // Дискурс. 2023. Т. 9, № 1. С. 18–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-18-28

⁵³ Лоскутов Ю.В. Становление всеобщего труда и его субъекта // The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5, № 3. С. 83–102. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-3-83-102

⁵⁴ Лоскутов Ю.В. Кризис частной интеллектуальной собственности и всеобщий интеллект // Вестник Ивановского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 157–166. DOI: 10.46726/И.2023.1.16

⁵⁵ Лоскутов Ю.В. Субстанциальная онтология и решение глобальных экологических проблем // Век глобализации. 2023. № 1(45). С. 17–30. DOI: 10.30884/vglob/2023.01.02

ГЛАВА 5. КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Проблема систематизации категорий наибольшее развитие получила в отечественной философской традиции советского периода (начиная с середины 50-х годов¹).

Прежде чем говорить о проблеме позитивной разработки системы категорий² философии, кратко остановимся на скептических коннотациях этого вопроса³. Такое положение вещей выразительно иллюстрирует цитата М.С. Кагана: «Понятия “система”, “системность” и их производные, завоевавшие высокий авторитет в классической немецкой философии, стали объектом насмешек в иррационалистически ориентированном сознании XIX–XX столетий, отвергавшем какую бы то ни было продуктивность “системосозидания”, нередко отождествлявшегося с “систематизацией” как процедурой формально-педантичного упорядочивания имеющихся знаний; только в середине нашего века понятия эти были “реабилитированы” становлением теории систем и разработкой методологии системных исследований, однако, и поныне данная методология и её теоретическое обоснование встречают непонимание и даже враждебное отношение, особенно в среде гуманитариев». Однако, как верно заметил В.Л. Обухов, «скепсис по отношению к предлагаемым решениям проблемы не должен перерасти в скепсис по отношению к необходимости и возможности её решения»⁴.

В настоящей работе нет надобности подробно останавливаться на аргументах «против». Отметим лишь, что основным доводом является положение о том, будто всякое знание, организованное в систему, должно быть завершённым, а значит, законченным. Однако такая претензия на абсолютную истину, по мнению противников создания системы категорий, по меньшей мере утопична и вызывает иронию. Тем не менее, представление о СК как некой абстрактной

---

¹ Первой работой, посвящённой проблеме СК, можно считать книгу В.П. Тугаринова «Соотношение категорий диалектического материализма». Л., 1956.

² Далее для обозначения устойчивого словосочетания «система категорий» будет использована аббревиатура СК.

³ См., напр.: Солонин Ю.Н. Проблема единства знания: между системностью и целостностью. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000252/index.shtml> (дата обращения: 10.06.2009); Конкин М.И. Проблема формирования и развития философских категорий. М., 1980.

⁴ Обухов В.Л. Системность элементов диалектики. Л., 1985. С. 3.

формуле, в которой выражено всё (а значит, окончательное) знание философской теории, безусловно, не соответствует сути дела, о чём ниже.

Методология науки, эксплицированной в нашем случае проблемой построения СК философии, – это прежде всего «размышление» (рефлексия) философии над собственным содержанием. Содержание категориальной системы то же, что и у самой философии, но оно поднято до уровня самопознания. Если для объяснения конкретно-научного знания существуют мощные средства общенаучной, философской методологии, то для объяснения самой философии не существует более широкой и значительной системы знания. Поэтому научная рефлексия является одним из традиционных предметов философского исследования. Самосознание науки – это область науковедения. Значит, проблема, поставленная внутри науковедения, – проблема СК философии, – является проблемой самой науки.

Саморефлексия поднимает науку до такого уровня, который недоступен науке в её традиционных границах. На этом уровне происходит процесс «разгерметизации» категорий. Последние, выражаясь гегелевым языком, являют собой процесс возвращения в самое себя в своём развитом состоянии как *в себе и для себя*.

На другом полюсе этой проблемы, противоположном идее невозможности построения СК, выделяются варианты СК, носящие ненаучный характер. Примером тому служит категориальная система философии, предложенная Д.В. Пивоваровым⁵. Не представляет большого резона подробно рассматривать её структуру, принципы построения, характер взаимосвязи категорий, поскольку исходный посыл (который с некоторой натяжкой можно было бы назвать программной идеей), на наш взгляд, алогичен, а потому ненаучен. В основу построения СК автор кладёт идею о «диалектической взаимосвязи категорий Бога и материи, идеального и реального, духа, души и тела, отражения и творчества». В некотором смысле схожую позицию занимает З.М. Оруджев. Строя в своё время (1973 г.) СК диалектической логики, автор отмечал относительную самостоятельность последней. Эволюция взглядов философа такова, что он по сути субстанциализирует диалектическую логику, делая её самодостаточной: «Мир человека был создан универсальным фактором...Этот вездесущий фактор есть Слово. Оно создало мир человека ещё до того, как он смог противопоставить себя как субъективный мир объективному»⁶. Однако, как отмечает Э.В. Ильенков, мышление, взятое «само по себе», вне его отношения к действительности, не схватывает своей собственной специфики, подменя логический

---

⁵ См.: Пивоваров Д.В. Основные категории онтологии. Екатеринбург, 2003.

⁶ Оруджев З. Способ мышления эпохи. Философия прошлого. М., 2004. С. 394.

аспект исследования психологическим, феноменологическим или иным неадекватным рассмотрением.

Рассуждая о месте и роли человека в современном мире, Оруджев приходит к выводу: человек будет свободен, если его выбор будет в минимальной степени детерминирован внешним миром. Его личная свобода должна быть обусловлена определённым способом мышления эпохи. А таковым в значительной мере является религиозная вера⁷. Как отмечал академик В.Л. Гинзбург, «...для атеиста здесь нет базы для дискуссии, поскольку он отрицает само существование Бога и возможность исповедовать религию»⁸.

Аналитический обзор достаточно большого количества вариантов построения СК предполагает их классификацию. Здесь за основу взята классификация, предложенная в своё время В.Н. Сагатовским. Автор разделил рассматриваемые варианты СК на три типа: логический, онто-гносеологический и онтологический. Конечно, как и всякую классификационную дистинкцию, это решение не следует трактовать слишком ригористически. Возможно, что предложенная типологизация упрощает процедуру исследования, поскольку во всех рассматриваемых ниже вариантах СК присутствуют все три структурных элемента. Однако, одним присуща интенция на онтологическую универсальность, для других характерно ограничение исследования гносеологической, логической (либо обеими вместе) проблематикой. Мы понимаем, что построение чисто онтологической СК невозможно, поскольку системный объект не даётся исследователю непосредственно в качестве системы. Эксплицитное выражение системности в качестве обязательного условия предполагает переход от феноменалистской фиксации свойств объекта к специальному теоретическому конструированию моделей, наиболее адекватно выявляющих системное строение и сущность объекта. Поэтому верной представляется мысль И.В. Блауберга и Э.Г. Юдина о том, что следует различать исследование *системного (сложного) объекта и системное исследование такого объекта*⁹. В системное исследование кроме онтологии как безусловного основания этого исследования должны быть включены гносео-логико-методологические аспекты. Иными словами, объект будет исследован системно в том и только в том случае, если будет взят за основу принцип единства диалектики, логики и теории познания. Эти, казалось бы, довольно абстрактные выкладки получают достоверное подтверждение применительно к системе отношений «мир-человек». Иначе, процесс познания всеобщих форм

---

⁷ См.: Оруджев З. Способ мышления эпохи. С. 395–396.

⁸ Эти слова были сказаны академиком применительно к вопросу о несовместимости науки с религией, но они вполне применимы и в нашем случае. Гинзбург В.Л. Разум и вера // Вестник РАН. 1999. Т. 69, № 6.

⁹ См.: Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 167.

реальности не может быть абсолютно тождественным объективному проявлению этих форм.

При разборе ниже рассмотренных вариантов классификации категорий мы сконцентрируем свой интерес на трёх моментах: на проблеме начала (исходной категории / категорий), на принципах построения СК, на структуре СК, обусловленной способом её построения. Одним из сложных моментов в понимании структуры является вопрос об отграничении от понятия системы. Так, А.С. Кравец отмечает, что «структура как бы представляет систему, конституирует её, выражает способ существования элементов системы. Познать структуру системы – значит объединить вычлененные её элементы некоторой закономерной связью, вскрыть совокупность отношений, существующих между элементами этой системы»¹⁰.

Разработкой онтологических систем занималась прежде всего философская школа Ленинграда (В.П. Тугаринов, В.П. Бранский, В.В. Ильин, В.И. Свидерский), Е.С. Кузьмин, П.Д. Сеитов.

Беспорным достижением концепции В.И. Свидерского является попытка осознать предмет философии, чётко разделить всеобщий и частный аспекты материи: движения, пространства, времени и т.д. Однако трудно согласиться с тем, что всеобщее начинает выступать у В.И. Свидерского как абсолютное во всех отношениях. То есть принцип конкретности истины не распространяется на философские категории¹¹.

В.П. Тугаринов в качестве определяющих отношений берёт такую взаимосвязь категорий, как «вещь-свойство-отношение». Исходя из этой триады, он распределяет все категории на три группы. В первую включает категории, отражающие предметы (субстратные), во вторую – категории, отражающие свойства предметов (атрибутивные), в третью – категории, касающиеся отношений (релятивные). По мнению Тугаринова, атрибутивные категории выводятся из первой группы, а релятивные – из атрибутивных. За основу такого выведения он берёт положение о том, что предмет определяет свойства, а свойства определяют отношения и проявляются в них¹².

Безусловно, на категориальном уровне данные конструкты выступают как одни из основных и обладают признаками всеобщности и универсальности¹³. Они составляют основу категориального каркаса, на почве которого осуществляется в любой философской системе осмысление человеком окружающего ми-

¹⁰ Кравец А.С. Вероятность и системы. Воронеж, 1970. С. 45.

¹¹ См.: Свидерский В.И. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М., 1965.

¹² См.: Тугаринов В.П. Указ. соч.

¹³ См.: Уёмов А.И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963. С. 3; Райбекас А.Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории. Томск, 1977. С. 3; Чернов В.И. Анализ философских понятий. М., 1966. С. 10.

ра. Как отмечает В.К. Рыбалко: «...всякое познание начинается с фиксирования объекта, выявления его свойств и установления отношений и, пройдя сложный путь эмпирического и теоретического исследования, вновь возвращается к исходному и определяет его в единстве вещных, агрибутивных и релятивных сторон как конкретное единство многообразного»¹⁴.

Однако данный путь исследования имеет ряд недостатков, на которые указывают другие авторы, работающие в рамках этой проблемы¹⁵.

Сразу возникает вопрос, как распределить категории на три указанные группы, если многие из них (необходимое – случайное, единичное – общее, часть – целое, конечное – бесконечное, движение – покой, пространство – время и др.) в одно и то же время отражают и свойства и отношения, а некоторые из них (содержание, сущность, действительность, материя, сознание), наряду со свойствами и отношениями, отражают и природу вещи. А.П. Шептулин замечает, что «автор не сталкивается с этой трудностью только потому, что не соблюдает элементарные правила деления понятия». Кроме того, разработка категориальной системы предполагает установление связи, взаимозависимости не только между группами категорий, но и между всеми категориями внутри каждой группы.

Однако трудно согласиться с А.П. Шептулиным по другому моменту критики В.П. Тугаринова. Так, Шептулин утверждает, что триада «вещь-свойство-отношение» «не отражает действительного положения вещей» на том основании, что составляющие этой триады по сути равноценны. И далее: «В действительности часто не предмет определяет свойства, а свойства – предмет, его природу. Например, природа вещи, её сущность определяется характерной для этой вещи формой движения материи, то есть свойством»¹⁶. Действительно, как и другие категории, эти категории также переходят друг в друга. Однако важно иметь в виду, что условность различения этих категорий имеет далеко не безграничный характер. Её предел определён тем, что в рассматриваемой триаде ведущей является категория вещи. Действительно, «надо сначала знать, что такое данный предмет, чтобы можно было заняться теми изменениями, которые с ним происходят»¹⁷.

Структура СК Д.И. Широканова представима в образе восьмёрки, связывающей воедино рассматриваемые им категории. Продуктивной представляется попытка автора выразить многообразие связей между категориями. Однако

---

¹⁴ Рыбалко В.К. Становление диалектической концепции «вещь-свойство-отношение». Харьков, 1991. С. 59.

¹⁵ См., напр.: Лутай В.С. О методе построения системы диалектического материализма. Киев, 1970. С. 66; Шептулин А.П. Система категорий диалектики. М., 1967. С. 71.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 303.

важнейший аспект любой системы – её самообъяснимость, остался вне поля зрения автора. Иными словами, никак не аргументирован оказался как ввод в систему двадцати пяти рассматриваемых категорий и именно этих категорий, так и выбор в качестве исходной категории – категории субстанции.

Сторонники онтологического подхода к систематизации категорий по сути подходят к тому положению (хотя явно его не выражают), что категории непосредственно описывают бытие без учёта опосредованности нашего познания практикой и становления категорий в истории познания. Не согласившись с В.Н. Сагатовским, считающим, что в бытии нет непосредственной основы субординации категорий, основной недостаток данного подхода видится в том, что оригинал, определяющий соотношение и последовательность категорий системы, отыскивался лишь в окружающей действительности.

Противоположностью онтологического подхода является логико-гносеологический подход. Этот аспект с успехом разрабатывался В.С. Библером, А.М. Минасяном, П.В. Копниным, Э.В. Ильенковым, З.М. Оруджевым, Г.Г. Габриэльяном, философской школой Казахстана и другими.

Необходимо заметить, что в отечественной литературе «чистых» сторонников этого подхода не было, так как ими признавался принцип единства онтологии и гносеологии¹⁸. Иначе говоря, последовательность выведения категорий опосредована для исследователей этого направления онтологической основой. Есть лишь исследователи, которые не проводят онто-гносеологический подход, поскольку работают в чисто логическом аспекте систематизации философского знания и стремятся к получению специальных логических результатов. Нельзя не остановиться на некоторых объективных тенденциях этого подхода, поскольку, несмотря на специальные устремления логиков, некоторые их результаты имеют общеполитическое значение.

Исследования в области логики с необходимостью приводят к анализу роли СК в познании.

Проработанностью в логико-гносеологическом аспекте отличается вариант СК, предложенный В.С. Библером, в котором обосновывается несостоятельность одностороннего онтологизма. Предложена идея обусловленности логической последовательности категорий в системе историй их возникновения в процессе познания (в первую очередь в истории философии).

В.С. Библер справедливо полагает, что «осуществить сведение категорий в единую сеть возможно лишь путём последовательного выведения категорий». Непосредственным аналогом СК является процесс познания, «последовательные ступени познания и преобразования мира». В познании в снятом виде со-

---

¹⁸ См., напр.: Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973. С. 101.

держится объективный аналог – исходное противоречие действительности: мир – отдельный предмет. Гносеологическим принципом субординации категорий является движение от абстрактного к конкретному.

Большое внимание Библер уделяет проблеме начала СК и в связи с этим даёт критику беспредпосылочного начала у Гегеля: «Бытие предметов – это качественная специфика предметов, оно всегда является наличным, конкретным бытием, понятие “чистого бытия” противоречит, по сути дела, самому понятию бытия, является бессодержательной абстракцией». Сам Библер предполагает такое решение проблемы начала: «Именно соотношение, взаимодействие материального мира в целом и отдельного предмета, во всей его специфичности и неповторяемости, и составляет диалектическое содержание любой философской категории». В качестве исходного Библер берёт мир как целое, затем переходит к предмету и его отношениям с окружающим миром, затем он рассматривает мир как процесс, потом процесс объективации человеческих целей и понятий в ходе практической деятельности.

Соответственно этому система Библера проходит четыре «больших круга категорий», которые, по его мнению, отражают историю познания: 1) общая картина мира (категории – мир, движение, пространство, время, отражение); 2) изучение отдельных предметов как законченных вещей, определённости (сюда входят категории, выражающие как определённость предмета, так и его обусловленность: качество, свойство, причина, условие и др.); 3) исследование предметов как процессов (сущность, существование, явление, случайность, необходимость и др.); 4) категории действительности, или категории, характеризующие процесс объективации целей (возможность, действительность, средство, свобода, необходимость и др.). Некоторые категории (движение, закон, закономерность) пронизывают все круги. «Отталкиваясь от познания бытия материального мира как единого целого, наше познание трижды возвращается к этой категории (материальный мир) – как взаимодействию, как субстанции, как действительности. Трижды синтезируется в познании и каждый отдельный предмет – как определённость, как процесс, как деятельность»¹⁹.

Безусловно, ценным приобретением Библера является мысль о спиральном характере СК как о последовательности кругов. Однако движение мысли от общей картины мира к изучению конкретного предмета с точки зрения его устойчивости и изменения, а затем с точки зрения целевого подхода вызывает определённые возражения. Критикуя беспредпосылочность Гегелева начала СК, Библер по существу приходит к такому же выводу, поскольку «мир вообще» являет собой ещё пустую, бессодержательную абстракцию. Кроме того, ориенти-

---

¹⁹ Библер В.С. О системе категорий диалектической логики. Сталинабад, 1958. С. 61.

ровать СК на историю философии, историю познания, значит реконструировать прежние системы, но не создавать ту, которая соответствовала бы современному уровню науки. Логика оказывается ориентиром в прошлое, а не итогом, выводом познания. Подобную позицию занимает и З.М. Оруджев, полагающий, что для изображения контуров системы целесообразно использовать принцип совпадения исторического и логического. При этом история развития предмета (системы категорий логики) покажет из каких ступеней складывается целое, являющееся результатом развития философии и научного познания в целом²⁰.

Из закономерностей процесса познания исходит в построении СК и П.В. Копнин. Он строит свою систему соответственно трём аспектам, связанным с познанием, – природе, познанию человека и форме отражения природы в познании. В связи с этим П.В. Копнин делит категории на три раздела: 1) категории, возникающие в связи с решением основного вопроса философии; 2) категории, отражающие наиболее общие законы движения природы и мышления; 3) категории, отражающие непосредственно процесс познания.

Заслуживает внимания предложение автора распределить категории в той последовательности, которая соответствует движению познания от менее глубоких закономерностей к более глубоким. Однако деление Копниным категорий на три указанные группы вряд ли можно принять в качестве основы построения СК, но не потому, как считает А.П. Шептулин, что группы полностью не исключают друг друга. Последнее обстоятельство как раз указывает на взаимосвязанность категорий не только внутри групп, но и между группами. Другое дело, какими принципами руководствуется Копнин при выявлении последовательности категорий внутри групп. Автор считает, что в первой группе категории должны быть поставлены в такое соотношение, чтобы логика их развития показывала возникновение сознания. Но, являясь продуктом развития сознания, категории не могут в своём соотношении подчиняться процессу его возникновения. В основу субординации категорий третьей группы автор кладёт принцип «объективной истинности мышления». Однако этот принцип не содержит в себе указания на способ выведения категорий, а поэтому не является достаточным. Мы полагаем, что данное положение объясняется непроработанностью понятия «принцип СК» (о чём ниже).

Свой вариант СК В.Н. Сагатовский относит к онто-гносеологическому подходу. Автор выделяет в качестве исходных следующие категории: множество, элемент, бытие, небытие, изменение. Сразу возникают вопросы: почему СК философии начинается с математической категории «множество»? Почему именно эти категории выделены в качестве простейших? Сагатовский аппели-

---

²⁰ См.: Оруджев З.М. Диалектика как система. М., 1973. С. 22.

рует к следующему аргументу: поскольку это исходные категории, постольку они неопределяемы и о них практически ничего нельзя сказать.

Как не являющиеся ступеньками сознания из системы исключаются такие основополагающие категории как «материя», «сознание», «практика». Однако без всяких обоснований вводятся математические понятия множества, функции, величины, суждения из области физики, а также понятия обыденного языка. Таким образом, в СК произвольно собраны термины, суждения, взятые из разных областей научного и ненаучного познания, что по сути лишает систему целостности и концептуальной строгости. Неопределённость, произвольность введения в СК существенно увеличила количество категорий: если в системе Библера 24 категории, в системе Копнина 57 категорий, то Сагатовский насчитывает уже 138 категорий.

Произволен и способ связи категорий. Продуктивный в своей основе принцип выводимости, представляющий каждую последующую категорию как более полную, сложную, конкретную, чем предыдущие, так как в неё входят и их признаки, по сути нивелирует свою эвристичность в рассматриваемой системе. Неужели категория «регресс» – самая богатая в СК, поскольку замыкает её?

Неудача рассматриваемого варианта построения СК, заложена в ложности самого посыла (избранного подхода к исследуемой проблеме): будто можно путём произвольного выбора исходной категории (категорий) и принципов, названных им системообразующими, чисто логически выстроить все остальные категории. В действительности, СК нерасторжимо связана с целостной системой науки.

Категории именно потому и являют собой основополагающие понятия, поскольку в них фиксируется основное содержание науки, тысячелетний опыт развития человеческой мысли, и, кроме того, они являются методологическим средством получения нового знания, совершенствования мировоззрения. Следовательно, *создание СК философии* в определённом смысле *есть создание системы самой философии*. Попытки же всякого изолированного решения не только изначально обречены на неуспех, но и лишены всякого смысла. Философская теория остаётся индифферентной к такого рода системосозидательству, прикрытому псевдоформализацией и псевдострогостью.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой издержек, возникающих в результате широкого развития методологических исследований. Безусловно, весьма важной особенностью методологии является процесс формализации. Однако прогресс абстракций на своём пределе может привести к такой потере прежнего смысла и значения категорий, что в рамках системы оказывается невозможным представление их содержания. В качестве примера можно сослаться на ситуацию в квантовой теории поля, известную под названием «московского нуля».

Суть её сводится к тому, что строгое применение этой физической теории к объяснению сильных взаимодействий приводит к их отрицанию, хотя фактическое их существование не подлежит сомнению. Эту ситуацию Л.Д. Ландау назвал ситуацией «нутификации».

Поэтому формализация, являющая собой процедуру упрощения, становится оправданной лишь тогда, когда движение в формальной плоскости либо способствует получению содержательного результата, либо является средством методологического ускорения решения задачи, а её неоспоримым преимуществом будет то, что она верно отразит объективную логику мира. А это означает, что выбор тех или иных формальных процедур не бесконечен, свобода выбора определяется данными опыта. Формализация имеет смысл лишь в том случае, если она выступает средством, а не целью исследования. Б.М. Кедров полагает, что формальный метод в весьма малой степени подходит для построения СК научной философии и с необходимостью должен быть дополнен неформальными принципами. С большим или меньшим успехом формализация философского знания представлена общей параметрической теорией систем, разрабатываемой группой одесских логиков во главе с А.И. Уёмовым, классификационной моделью, служащей элементарным блоком иерархической классификации (Е.Д. Гражданников) и отчасти предложенным В.Л. Обуховым вариантом СК, элементом которой является категориальный класс, а не отдельная категория.

Невозможно однозначно согласиться с утверждением В.Л. Обухова, И.Я. Лойфмана, что элементарным структурным элементом системы, являющимся пределом её членения, является не отдельная категория, а пары категорий, или их классы, поскольку в таком случае в СК в неадекватной форме были бы представлены одинарные категории, и потом не все парные категории найдутся в контрарных отношениях. Другое дело, когда за одну из важнейших идей систематизации категорий берётся идея объединения категорий в группы («гнезда»). Эта весьма здравая мысль впервые применительно к построению СК была выражена В.П. Тугариновым.

В отличие от онтологов представители онто-гносеологического подхода (А.П. Шептулин, авторы 5-томной работы «Материалистическая диалектика», В.В. Орлов и другие) осознают, что «в сознании человека не просто... фиксируется “мир сам по себе”», но «отражаемая действительность воспроизводится в нём в определённых формах человеческой практической деятельности...Онтология не может строиться в отрыве от гносеологии и методологии...»²¹. Остановимся на системе А.П. Шептулина, в которой хорошо осознаётся необходимость онто-гносеологического подхода. Философ строит систему

---

²¹ Диалектика материального мира (онтологическая функция материалистической диалектики) / под ред. В.В. Ильина, Д.А. Гушина. Л., 1985. С. 19.

(состоящую из 19 категорий) линейного типа, в которой в качестве её элемента выступает пара категорий. Возможность такого упорядочения групп категорий вытекает, по мнению Шептулина, потому, что «категории возникли не все сразу... а в определённой последовательности, каждая на строго определённой стадии познания человеком объективной действительности». Однако, применяя предложенный критерий, нельзя понять, почему категории возникли в таком порядке, что создаёт впечатление их произвольного ввода. Безусловно, как и в других системах в варианте Шептулина присутствуют рациональные моменты. Например, он показывает, что переход к познанию качества совершается после познания общего и отдельного или что процесс познания идёт от причины (взаимообусловленности) к необходимости и затем к закону.

Согласившись в целом с принципами, предложенными А.П. Шептулиным (восхождение от абстрактного к конкретному, единство исторического и логического и тождество диалектики, логики и теории познания), тем не менее, не можем вслед за автором считать их достаточными. Более того, построение СК, которая содержала бы в себе конкретное знание всеобщих свойств и связей материи, в большей степени зависит от уровня развития науки, а не от применения тех или иных принципов, которые в силу своей абстрактности, дают самые различные варианты систем. И.Д. Панцхава, Б.Я. Пахомов предлагают в качестве систематизирующего принципа одну из функций философии, служащая в качестве такового лишь в очень опосредованном смысле. Таким принципом, по их мысли, «должно выступать положение, характеризующее социальную роль или функцию философии...»²². Неудивительно, что ряд исследователей (В.С. Лутай, Ж.Т. Туленов, Д.И. Широканов и др.) к исходным принципам разработки СК, кроме указанных трёх, относят принцип объективности, преемственности и поступательности в развитии, основные законы диалектики, рассмотрение объекта во всех связях и отношениях и т.д. Относительно принципов, предложенных Сагатовским, (принцип выделения предмета исследования, принцип построения исходной модели, идеального предмета системы категорий, принцип выделения исходного минимума категорий, принцип вывода и определения категорий, принцип проверки) можно констатировать, что данные положения не имеют непосредственного системообразующего характера и могут носить лишь характер пропедевтики по отношению к действительному построению СК. Кроме того, эти принципы носят весьма абстрактный характер и поэтому применимы к *любой* системе, обладающей способом проверки собственных положений.

---

²² См.: Панцхава И.Д., Пахомов Б.Я. О принципах построения диалектического материализма как теоретической системы // Философские науки. 1979. № 2. С. 38.

В.С. Лутай видит выход из создавшейся ситуации в необходимости перехода к более совершенному методу построения системы, что означает точную формулировку исходных принципов и правил вывода из них всей системы.

Анализ рассмотренных вариантов СК позволяет отметить, что большинство философов не проводят различия между принципом как наиболее широким и фундаментальным положением науки, определяющим её содержание и структуру, и принципом как методом построения СК.

В этом отношении представляет интерес классификация значений понятия «принцип», данная А.Н. Кобловым. Коблов выделяет три основных значения этого термина: 1) как основа (сущность) философии; 2) как фундамент, начало СК, т.е. исходный принцип; 3) как способ (метод) построения СК. Классификация принципов, предложенная Э.А. Самбуровым, в определённой мере диалогична вышеизложенной. Автор выделяет три уровня принципов: исходный, ключевые, конкретизирующие²³.

Мы убеждены в том, что в основе построения СК должен лежать не один или несколько принципов, а их система, организованная иерархическим образом.

Рассмотрим в качестве примера позицию Э.А. Самбура. Характер системы, по мнению автора, зависит от исходного, т.е. основного, определяющего принципа²⁴. Таковым он полагает принцип, исключающий логическую противоречивость системы. Это принцип единства диалектики, логики и теории познания²⁵. К разряду же ключевых он относит принцип материалистического монизма, развития и отражения (познаваемости)²⁶.

Понятно желание автора включить в систему принципов базовые положения философии²⁷, поскольку именно они обладают наибольшей концептуальной силой; в них эксплицировано основное мировоззренческое и методологическое содержание науки. Однако, как нам представляется, в этом случае происходит подмена цели исследования: создание СК научной философии как теории, носящей уже на первом этапе своего развития во многом системный характер, подменяется развитием философской теории, которая с необходимостью должна быть системной, но во многом, по-видимому, таковой не является. Если бы верно было последнее, то наше исследование было бы в высшей степени незаконным. Построение СК есть выражение саморефлексии философии над своими собственными основаниями. Но как философия может осознавать саму себя,

---

²³ См.: Самбуров Э.А. Взаимосвязь категорий диалектики. Анализ общей структуры и тенденции развития. М., 1987. С. 16.

²⁴ См. там же. С. 254.

²⁵ См. там же.

²⁶ См. там же. С. 16–17.

²⁷ Так, автор отмечает, что «в конечном плане все принципы используются субъектом в ходе познания и преобразования мира». Самбуров Э.А. Указ. соч. С. 26.

если её теория не является самодостаточной, т.е. завершённой, а потому системной (догматические упрёки здесь неуместны). Построение СК является более узкой, носящей преимущественно методологический характер, задачей, но возникающей на определённом, достаточно высоком уровне развития науки. Поэтому, на наш взгляд, было бы уместней использовать для наших целей понятие «принцип» в его третьем значении, предложенном Кобловым. СК в имплицитном виде не может не использовать всю совокупность принципов философии, иначе она бы не была СК.

Причину разнородности, а иногда и сумбурности предложенных перечней принципов следует, на наш взгляд, искать в самой природе принципов. Авторы предлагают определённый их набор, к которому редуцируют (или приспособливают) категории, поскольку именно принципы, по их мнению, упорядочивают категории. Осознано или неосознано, но принципы становятся определяющим фактором по отношению к категориям. Тогда возникает резонный вопрос, что может упорядочивать сами принципы? Новая система принципов? Это напоминает логический аргумент «третьего человека» Аристотеля, который он применил в качестве критики теории идей Платона.

Представляется, что точка зрения В.В. Орлова на природу соотношения категорий и принципов является верной. Философ отмечает, что безусловной концептуальной силой и теоретическим статусом, а, следовательно, системообразующими свойствами обладают сами категории, не нуждаясь при этом в приводных ремнях в виде принципов. Тогда как роль принципов, которые производны от категорий, сводится к исполнению служебной роли: «возникая из содержания категорий, они являются необходимым средством самоупорядочивания категорий».

Мы не имеем возможности проследить механизм работы каждого из ранее предложенных принципов на современном материале философии, что было бы, безусловно, продуктивным делом. Кратко остановимся лишь на одном из принципов – принципе целостности, являющимся в качестве экспликата системности, методологически наиболее эффективным при изучении сложных развивающихся явлений. Однако такая позиция принимается не всеми философами. Так, Ю.Н. Солонин, иронизируя по поводу идеи создания СК, отмечает: «Реальность не системна, а целостна. Системный подход не тождественен взгляду на мир как на целостность. Целое – это то, что не содержит механизмов сочленения своих частей или элементов, где нет “швов” от их соединений»²⁸.

Онтологическим основанием принципа целостности является постоянный процесс развития материи, усложнения её организации. В нашу задачу не вхо-

---

²⁸ Солонин Ю.Н. Указ. соч.

дит рассмотрение процессов возникновения и развития всех ныне известных типов целостности. Следует лишь отметить, что в основе последовательности целостных систем лежит генетический признак: каждый следующий тип целостности включает в себя предыдущий в качестве элемента, части, имеющей подчинённое значение по отношению к системе в целом²⁹. При этом сложная форма возникает не как результат суммирования простых форм того же типа, а как результат прогрессивного внутреннего усложнения этих форм, изменения их структуры. Устойчивое взаимодействие, взаимосвязь, взаимообусловленность частей порождает новые качества, которые характерны для системы в целом, что в свою очередь выражается в специфических для неё закономерностях. Внутри целого свойства и закономерности, присущие частям как изолированным объектам, не уничтожаются, а сохраняются в снятом, преобразованном виде. Это преобразование осуществляется благодаря действию закономерностей более высокого порядка – закономерностей целого, играющих определённую роль в системе.

В философской литературе при анализе проблемы целостности, как правило, выделяли три крупных её типа: неорганизованная совокупность, неорганичные и органичные целостности. Примером первого типа может служить куча камней, случайное скопление людей. Связи между составляющими такую совокупность элементами носят случайный, несущественный характер. Входя в её состав или покидая его, элементы не претерпевают каких-либо изменений, что говорит об отсутствии целостных, интегративных свойств. Свойствам совокупности в целом присуща аддитивность, суммарность, т.е. они совпадают с суммой свойств частей. Неупорядоченная, неорганизованная совокупность любых объектов лишена системного характера. Что касается последних двух типов, то в основе их различия лежат особенности процесса развития³⁰, характеристика которых выходит за рамки статьи. Можно лишь отметить, что признаками любой системы будут являться *целостность, связь и обусловленная ими устойчивая структура*. К миру в целом применителен третий тип целостности. Представляется интересным выявить основные черты этого типа, фундирующего целостность СК философии.

Прежде всего такая система есть *саморазвивающееся целое*, в основе которого лежит процесс *самоусложнения*. Сложность представляет собой интегрированное многообразие элементов данной вещи, всё богатство её содержания,

---

²⁹ См., напр: Кедров Б.М. О соотношении форм движения материи в природе // Вопросы философии. 1959. № 4. С. 44–56.

³⁰ См., напр: Блауберг И.В. Проблема целостности в марксистской философии. М., 1963. С. 65.

определяющее перспективы её развития³¹. Представление о сложности, иерархии, или структурном многообразии материи, значительно углублено в рамках конкретно-всеобщей теории развития материи. На этом уровне выявляется ряд новых закономерностей, остающихся незамеченными абстрактно-всеобщей теорией. Так, в конкретно-всеобщем плане диалектики обнаруживается всеобщий закон развития, определяющий необходимую последовательность этапов мирового процесса, состоящий из ряда закономерностей: возникновения высшего из низшего, включения части низшего в состав высшего, образования феномена среды, возникновения высшего из оптимальной разновидности низшего, подчинения включённого низшего высшему, образования иерархической (уровневой) структуры высшего, интегративного характера сущности каждой формы материи, универсализации содержания на основе интеграции обобщения результатов предшествующего развития, всеобщий генетический закон; законы конвергентного и аккумулятивного развития.

Все эти закономерности мирового развития применительно к категориям можно представить через определённые виды связи. Категории не только сосуществуют одновременно, но и порождают друг друга, выводятся друг из друга. Между ними существует не только координационная связь, обусловленная их взаимодействием в составе целого, но и связь субординации, обусловленная дифференциацией целого в ходе его развития, происхождением одних категорий из других, возникновением новых связей, сторон, отношений. Координация, или связь по горизонтали, выражает только внешние, поверхностные стороны СК, лишь указывает на наличие в ней отдельных категорий, определённым образом связанных друг с другом, тогда как субординация (связь по вертикали) выражает адекватное положение категорий в системе, поскольку представляет их в развитии. Суть не в том, что мы во времени последовательно произносим одно слово за другим, или пишем их на бумаге. На наш взгляд, такая позиция крайне обедняет мышление человека. Призыв «мыслить нелинейно» (С.П.Курдюмов, Е.Н.Князева) всё настойчивее звучит из уст синергетиков³².

---

³¹ См.: Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974. С. 88–240; Он же. Человек, мир, мировоззрение. М., 1985. С. 31–75.; Он же. История человеческого интеллекта. Пермь, 1998. Ч. 1,2. С. 234; Он же. Концепция единого закономерного мирового процесса в научной философии // Новые идеи в философии. Пермь, 2008. Вып. 17. С. 14.

³² См., напр.: Князева Е.Н. Синергетически конструируемый мир. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/KnyazevaElena.htm> (дата обращения: 13.03.2008); Курдюмов С.П. Философия нестабильности. И. Пригожин, лауреат Нобелевской премии. По просьбе редакции «Вопросов философии» статью И. Пригожина комментирует член-корр. АН СССР С.П. Курдюмов; Князева Е.Н. Мыслить синергетически значит мыслить диалектически // <https://spkurdyumov.ru/philosophy/myslit-sinergiticheski-znachit-myslit-dialekticheski/> (дата обращения: 07.10.2023).

Прежде всего линейный способ выведения категорий делает несостоятельным положение о их взаимосвязи, даёт их одномерную структуру. Субординационные и координационные отношения между категориями как выражение взаимосвязей самой действительности означает то, что каждая категория различными гранями своего содержания связана со многими, а опосредованно со всеми другими категориями системы, причём отнюдь не в некоей «ниточной» последовательности. Кроме того, стоит обратить внимание и ещё на одно обстоятельство. У Гегеля чётко проявляется тенденция так излагать философию, чтобы каждая категория имела выводной характер из предшествующих категорий и в определённой мере обуславливалась ими. То есть невозможно излагать категории как рядоположенные, поскольку теоретическая система не может быть редуцирована до уровня эмпирического описания отдельных моментов действительности, она предполагает выявление их сущности и её проявлений, их взаимосвязей. Необходимая обусловленность моментов действительности должна быть выражена в обусловленности категорий, представленных системным образом, и, в частности, так, что при изложении системы категории должны не просто следовать за другими, но с необходимостью вытекать из предыдущих.

Для системы как саморазвивающегося целого характерны как процессы дифференциации, означающие возрастание разнородностей элементов системы, так и процессы интеграции, как усиление связей и зависимостей между элементами и тем самым повышение уровня целостности системы. При этом в процессе развития системы появляются не только новые связи между наличными элементами, но и возникают новые элементы. Следовательно, между элементами системы существуют не только структурные, но и генетические связи, что находится в прямой связи с проблемой завершённости СК. Как это ни парадоксально звучит, СК может быть завершена только тогда, когда она будет принципиально не завершена, т.е. будет функционировать как открытая система. Поскольку СК создаётся не «после», а в процессе развития теории, на достаточно высокой её ступени, то СК носит принципиально открытый характер, что вызвано потребностями самой науки. То есть СК будет относительно завершённой для определённого этапа научного знания, но любая система будет эффективна, т.е. обладать концептуальной продуктивностью в том случае, если она принципиально не завершена, поскольку функционирует как открытая. Онтологическое основание её открытости заключается в том, что она выражает «структуру бесконечного материального мира»³³.

---

³³ См. об этом: Орлов В.В. Концепция единого закономерного мирового процесса в научной философии. С. 9.

Система несёт в себе своё собственное отрицание, понимаемое и как преодоление завершённости, и как отражение подлинной неисчерпаемости мира и человека. Однако трудно согласиться с позицией М.С. Слущкого, полагающего, что, «строя систему, необходимо помнить, что её нужно и разрушать, чтобы создать более динамичную и более всеохватывающую проблему»³⁴, которая тоже будет преодолена в силу бесконечности мира. Исходя из такого понимания открытости системы, возникает и специфические трактовки природы категорий: «Процесс постоянного обогащения категориального аппарата, его структурирования выдвигает проблему унификации понятий, ибо многозначность терминов приводит к их разночтению...»³⁵.

Выше уже упоминалось об аккумулятивном характере природы категорий, которая, по всей видимости, игнорируется автором вышеприведённых строк. Однако если аккумуляция содержания как общая закономерность развития материи выражает сущностную сторону процесса развития как самоусложнения, то категории философии не могут не включать в собственный акт самодвижения этот онтологический момент, схватывающий как субстанциальное, так и процессуальное единство мира. Более того, коль скоро появляется подлинно научная теория, то развитие системы её категорий, неизбежно происходящее по мере обогащения её содержания, совершается в её собственных границах, не меняя её концептуальной структуры в целом. Иными словами, происходит развитие вглубь себя теории философии, что эксплицировано на зрелом её этапе её категориальной системой.

Возвращаясь к пониманию роли и природы принципов следует отметить, что подмена принципов как метода построения СК принципами как основными положениями науки происходит прежде всего потому, что большинство системосоздателей не ставят вопроса о генеральной идее СК (поэтому отчасти в качестве таковой выступают фундаментальные положения науки).

В чётко артикулированной форме такая идея представлена В.В. Орловым. Более того, вариант СК, предложенный этим автором в концентрированном виде, представляется наиболее взвешенным, продуманным и эвристически ценным.

Необходимо отметить, что в неявном, т.е. не вполне осознанном, идея построения СК так или иначе представлена у многих авторов. Например, Свидерский предлагает рассматривать категории поэтапно: первый уровень должен быть онтологическим с центральной категорий «материя», «следующий шаг в

---

³⁴ Слущкий М.С. Проблема завершённости и незавершённости системы категорий диалектики // Принципы систематизации категорий материалистической диалектики. Иркутск, 1980. С. 84.

³⁵ Родионова И.К. К проблеме развития категориальной системы // Принципы систематизации категорий материалистической диалектики. Иркутск, 1980. С.85.

классификации категорий должен быть связан с анализом свойств развития», «последний круг должен быть связан» с категориями, характеризующими «диалектику процесса познания, соотношения материи и сознания, теории и практики...». Несколько иным образом формулирует программную идею М.М. Прохоров. В основе построения СК лежит процесс развёртывания понятия материи, проходящий три уровня. Первый уровень образует определение понятия материи в рамках постановки и решения ОВФ, будучи обобщением обеих его сторон. На этом уровне решается проблема соединения онтологического и гносеологического аспектов³⁶. Второй уровень выражает атрибутивный характер материи. В его рамках разрабатываются модели, характеризующие содержание любого материального объекта как самосогласованной системы атрибутов (движение, пространство, время, качество, количество, закономерность, причинность и т.п.)³⁷. «Выход на третий уровень... есть выход к области *исторической* философии. Он выводит нас из области общего мировоззрения, основанного на противоположном (материалистическом или идеалистическом) абстрактно-идеализирующем понимании отношения бытия и сознания, материи и духа, в область конкретной истории, где философия призвана сконцентрировать внимание на историческом изменении бытия и сознания...».

Исследуя проблему развития СК, В.В. Орлов приходит к выводу, что категории могут быть системно упорядочены только на основе конкретно-всеобщей теории развития мира и человека. Последняя делает очевидно значимыми три основные концепции философии – концепции материи, развития, человека, находящиеся в глубоком единстве³⁸. В связи с этим автор, как мы уже отметили, формулирует программную идею СК, представленную в неразвёрнутой форме Энгельсом: «Мир есть развивающаяся материя, закономерно порождающая свой “высший цвет” – человека, в котором она “приходит к осознанию самой себя”».

Эта идея обуславливает систему принципов построения СК, её структуру и что принципиально важно – её завершённость как самообъяснимости системы. Итогом системы выступает основная (но не исходная) категория материи, включающая в себя всё богатство особенного и единичного. Категория материи, введённая первоначально через своё абстрактное и простое, в результате развёртывания своего содержания выражает себя в полном виде на конкретно-всеобщем уровне.

---

³⁶ См.: Прохоров М.М. К 100-летию книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // Философия и общество. 2009. № 3. С. 38.

³⁷ Там же. С. 39.

³⁸ См.: Орлов В.В. Материя, развитие, человек; Он же. О программе построения системы категорий диалектического материализма. С. 21.

Всеобщее содержание материи не находит своего полного выражения на тех уровнях её развития, которые предшествуют человеку, а сущность низшего раскрывается в высшем. До появления человека как высшей формы материи объекты мира не могут репрезентировать собственную сущность, своё место во всеобщей сущностной шкале сложности, представляя собой вещь-в-себе в гегелевом понимании. Только в отношении к человеку, отмечает В.В. Орлов, адекватным образом проявляется сущность бесконечного мира в целом³⁹. В известном смысле логика развёртывания, углубления идеальной картины мира, эксплицированной СК, повторяет логику развития мира в целом. «Философия, – отмечает Б.Т. Григорьян, – не общая теория мира или человека, она есть общая теория мира и человека в их органичной связи и взаимодействии...»⁴⁰.

Эта мысль подтверждается и на частнонаучном уровне. Известный исследователь синергетики как проблемы сложности Э. Морен отмечает: «...Замыкание петли – это не просто стыковка начала с концом, а трансформация». Такое преобразование, по его мысли, «порождает границы, т.е. принципы организации знания. Уже сейчас мы смутно предвидим, что речь идёт о применении такого способа мышления, который предполагает свою собственную рефлексивность... Отныне мы не можем понять науку, если наука не становится объектом науки, т.е. размышляет о самой себе: наука и тем самым размышляет о своих пределах, об окружающей её среде, о своей практике». Поэтому, философский принцип научного познания звучит следующим образом: *“устраняя самого познающего, никогда нельзя продвинуться в познании сложного”*⁴¹.

Осуществлённый анализ различных вариантов построения СК позволяет констатировать, что советскими философами XX в. была проделана поистине грандиозная работа по проблеме систематизации философского знания. Звучащие ныне скептические коннотации, приобретшие иронический оттенок, относительно предложенных вариантов построения СК, да и самой идеи создания системы как таковой, представляются совершенно неуместными. Указывая на ограниченность (но отнюдь не на поверхностность как видится некоторым) предложенных подходов, следует отметить, что зачастую сами авторы выявляли изъяны собственных проектов и никогда не придавали им статуса полной завершенности. Если подходить к делу без критиканской риторики, то следует заметить, что уязвимость предложенных проектов развития СК находится в прямой зависимости от уровня развития научного знания. Предложенные варианты СК являют собой абстрактный план рассмотрения проблемы, что, безусловно,

---

³⁹ Орлов В.В. Материя, развитие, человек. С. 241–248; Он же. История человеческого интеллекта. С. 271–290; Он же. Концепция человека в диалектическом материализме. С. 25.

⁴⁰ Григорьян Б.Т. Человек. Его положение и призвание в современном мире. М., 1986. С. 94.

⁴¹ Морен Э. Метод. Природа Природы. М., 2005. С. 442.

является недостаточным. Переход науки на более сложный виток своего развития, выраженный конкретно-всеобщей теорией, даст удовлетворительные результаты относительно решения нашей проблемы.

В заключение кратко остановимся на тех ограниченностях прежних проектов, которые, как думается, стали тормозом развития категориальной системы философии даже и на абстрактном уровне.

При известной вариативности решения проблемы систематизации философских категорий должно быть, на наш взгляд, достигнуто построение такой категориальной системы, которая обосновывала бы наличие определённых отклонений и вариантов. Мысль о том, что подобный подход будто бы имеет своей неявной посылкой допущение о замкнутой, закрытой СК теоретически неоснователен, поскольку игнорирует специфику предмета философии. Настаивание на абсолютной поливариантности систематизаций размывает понимание философии как специфической области знания, превращает её лишь в произвольный набор способов манипулирования категориями.

Можно отметить, что наша критика большинства вариантов построения СК сводится к следующему: во-первых, в четкой форме не выражены критериальные основания начала СК; во-вторых, отсутствует субординированная система принципов, которая в определённой степени устанавливает последовательность введения категорий. Это приводит к тому, что многие авторы излагают их в самом различном порядке. В-третьих, не выявлена определённая закономерная связь между категориями. Если парные категории рассматриваются обычно как единство противоположностей, то взаимосвязь между непарными категориями исследована значительно слабее.

Отсутствие чётко выраженной программной идеи, иначе главной фундаментальной идеи, которая кладётся в основу построения категориальной системы и пронизывает последнюю, позволяет говорить о слабой структурированности СК, зачастую представляющей лишь некоторую группировку (разбиение на группы) категорий.

А. Ю. Внутских

доктор философских наук, профессор кафедры философии
Пермского государственного национального
исследовательского университета

ГЛАВА 6. ГЛОБАЛЬНЫЕ КАТАСТРОФИЧЕСКИЕ РИСКИ И КОНЦЕПЦИЯ ЕДИНОГО ЗАКОНОМЕРНОГО МИРОВОГО ПРОЦЕССА

«Развитие... скачкообразное, катастрофическое, революционное; – «перерывы постепенности»; превращение количества в качество... взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь всех сторон каждого явления... связь, дающая единый, закономерный мировой процесс...»¹. Так в начале XX века В.И. Ленин характеризовал *единый закономерный мировой процесс* (ЕЗМП). Как отмечал основоположник и на протяжении многих десятилетий лидер философской школы пермского классического университета В.В. Орлов, основой построения современной формы диалектического материализма в настоящее время является именно «концепция единого закономерного мирового процесса, вокруг которой упорядочивается вся масса категорий философии. Понятие единого закономерного мирового процесса является синтезом понятий материи, материального единства мира и понятия развития. В основу этого синтеза положены данные системы современных наук, прежде всего физики, химии, биологии, социальных наук»².

В свою очередь, в частных науках большое значение скачкообразных, катастрофических событий в эволюционном процессе на протяжении XX – начала XXI вв. признавалось многими авторитетными учеными. Вспомним, например, о таких ключевых естественно-научных концепциях как концепция «Большого Взрыва» Г. Гамова, «хиральной катастрофы» Л.Л. Морозова, «прерывистого равновесия» в эволюционной биологии С. Гулда и Н. Элдриджа. В обобщающей общенаучной концепции самоорганизации – глобальном эволюционизме Э. Янча и Н.Н. Моисеева – значение таких «перерывов постепенности» как нелинейные этапы и точки бифуркации для процесса развития рассматривается как во многом определяющее.

Важнейшей тенденцией современной науки является междисциплинарный характер ее исследований. Одним из существенных проявлений этого стала концепция *глобальных катастрофических рисков (ГКР)*, созданная усилиями

¹ Ленин В.И. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит. 1969. Т. 26. С. 56.

² Орлов В.В. История человеческого интеллекта. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. Ч. 3. С. 71.

естествоиспытателей, философов, экономистов, специалистов по страховому делу, социологов, политологов, специалистов в области международных отношений, социальных психологов, медиков, специалистов в области технических наук. Данная концепция имеет длинную предысторию. Говоря о ней вкратце, упомянем эсхатологические мифы, характерные для многих народов мира и эсхатологические концепции авраамических религий; философские учения об экипозе Гераклита и о разрушении целых миров у Демокрита; идеи Г. Уэллса, в своей лекции в Королевском институте в Лондоне исключившего строгое доказательство невозможности глобальных катастроф, способных уничтожить человечество (1903); замечательную книгу биохимика и фантаста А. Азимова «Выбор катастроф» в которой он одним из первых классифицировал возможные катастрофические события в зависимости от их масштаба и последствий для человечества на пять видов (1979); работы американских и советских ученых, посвященные анализу климатических последствий крупномасштабного ядерного конфликта (1980-е годы).

В настоящее время концепция ГКР не только находит отклик в массовом сознании эпохи «позднего капитализма», отражающем кризисное состояние общества в формах массовой культуры, наполненной апокалиптическими и пост-апокалиптическими элементами. Она имеет немало авторитетных, политически и экономически влиятельных сторонников по всему миру и институционализирована в качестве научного направления. В частности, в Оксфордском университете (Великобритания) во взаимодействии с Oxford Martin School работает возглавляемый в настоящее время Ником Бостромом Институт будущего человечества (Future of Humanity Institute)³. Эксперты Всемирного Экономического Форума в Давосе ежегодно готовят доклад Global Risks Report⁴. В России известным пропагандистом идей концепции ГКР является А.В. Турчин – эксперт Российского Трансгуманистического Движения по глобальным катастрофам⁵.

Наконец, и текущее обострение геополитической ситуации создает объективную предпосылку для повышенного интереса к исследованиям такого рода. Достаточно сказать, что «Часы Судного дня» – многолетний проект ученых-атомщиков, фиксирующий их оценку условного времени, оставшегося до начала ядерной войны – с января 2023 года установлены на 90 секунд до «ядерной полуночи». Президент и главный исполнительный директор Бюллетеня ученых-атомщиков Р. Бронсон в этой связи подчеркнула, что «мы живем во времена беспрецедентной опасности, и Часы Судного дня отражают эту реальность.

---

³ Future of Humanity Institute. URL: <https://www.fhi.ox.ac.uk/> (дата обращения 1.07.2023).

⁴ Global Risks Report. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-risks-report-2023/> (дата обращения: 31.07.2023.)

⁵ Турчин А.В. Структура глобальной катастрофы: риски вымирания человечества в XXI веке. М.: URSS, Издательство ЛКИ, 2011.

90 секунд до полуночи – это самое короткое время до полуночи, на которое когда-либо были установлены Часы Судного дня...»⁶.

В таких условиях философия не может оставаться в стороне от обсуждения проблематики связанной с ГКР. Так, среди вопросов, исследуемых в рамках деятельности Оксфордского Института будущего человечества, немало философских, причем среди ключевых выделяются следующие: когда и как глубинные неопределенности, связанные с антропологией, этикой, теорией принятия решений, вычислительной техникой, невежеством и теорией ценностей, могут повлиять на решения, которые мы можем принимать сегодня? Можем ли мы разрешить какую-либо из этих неопределенностей?⁷

К сожалению, приходится констатировать, что с позиций концепции ЕЗМП философские основания концепции ГКР исследовались нечасто. В качестве исключения можно назвать, пожалуй, только две статьи автора этих строк⁸. Пытаясь восполнить этот пробел научной философии, единственной достойной версией которой В.В. Орлов считал современную форму диалектического материализма, поставим вопрос о научно-философских основаниях концепции ГКР. Такого рода исследование в силу всего изложенного выше, представляется нам высоко актуальным. Проблему можно сформулировать следующим образом: совместимы ли – и если да, то каким конкретно образом совместимы – представления о закономерном, «связанном» характере мирового процесса с одной стороны, и представления о «перерывах постепенности», о рисках глобальных катастроф, способных разрушить плоды интегрального прогресса в виде жизни и человека на Земле – с другой?

Действительно, если глобальные катастрофы являются «разрывами» эволюционного процесса, «перерывами постепенности» в строгом смысле слова, то они не могут быть предсказаны на основе познанных объективных закономерностей. Однако если это действительно так, то в этом случае нельзя исключать, что данный подход вообще выходит за пределы науки, в том числе научной философии – автоматически ставя под вопрос ее научный статус. Действи-

---

⁶ Часы Судного Дня установлены на 90 секунд до полуночи. URL: <https://thebulletin.org/2023/01/press-release-doomsday-clock-set-at-90-seconds-to-midnight-ru/#:~:text=%D0%A7%D0%90%D0%A1%D0%AB%20%D0%A1%D0%A3%D0%94%D0%9D%D0%9E%D0%93%D0%9E%20%D0%94%D0%9D%D0%AF%20%D0%A3%D0%A1%D0%A2%D0%90%D0%9D%D0%9E%D0%92%D0%9B%D0%95%D0%9D%D0%AB%20%D0%9D%D0%90,Bulletin%20of%20the%20Atomic%20Scientists> (дата обращения 01.07.2023).

⁷ Future of Humanity Institute. URL: <https://www.fhi.ox.ac.uk/> (дата обращения 1.07.2023).

⁸ Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса. Часть первая // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 3. С. 328–334. Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса. Часть вторая // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 4. С. 528–536.

тельно, например, по мнению И. Лакатоса, теория настолько адекватно объясняет известные факты, насколько успешно она способна предсказывать еще неизвестные – т.е. насколько она фальсифицируема в принципе⁹. И именно потому, что, по мнению Лакатоса, «марксистская программа тащи́лась в хвосте у фактов», он, несмотря на очевидное влияние марксизма на его собственную концепцию, считал эту исследовательскую программу регрессивной¹⁰. В эпистемологическом ключе проблему можно сформулировать так: насколько адекватно человек может судить о ГКР в силу антропной специфики его знаний о мире? И, соответственно, насколько успешно марксизм в современной его форме может делать предсказания в области ГКР? Ведь очевидно, что мы можем знать лишь то, что в принципе способно знать человеческое существо, опирающееся на определенный социальными и природными обстоятельствами опыт.

Соответственно, основной целью исследования является научно-философский анализ принципов и предпосылок появления концепции ГКР. В качестве основных задач данной работы можно сформулировать следующие:

- определить, из каких онтологических и эпистемологических принципов исходят современные исследователи ГКР;
- обнаружить или исключить совместимость онтологических и эпистемологических принципов концепций ЕЗМП и ГКР;
- оценить возможность «опережающего прогноза» реализации ГКР с позиций современной формы научной философии.

Определение и классификация ГКР

В свое время Ник Бостром и Милан Чиркович определили феномен ГКР следующим образом: это «риск, который мог бы потенциально причинить серьезный урон человеческому благополучию в глобальном масштабе», включая подмножество экзистенциальных рисков («угроз существованию» – *existential risks*), связанных с возможным вымиранием человечества или необратимым ограничением его потенциала¹¹. Исходя из этого определения ГКР, приведем соответствующую классификацию возможных глобальных катастроф. Она включает: 1. риски, исходящие от природы (например, вспышки Сверхновых, всплески гамма-излучения, мощные солнечные вспышки, риск столкновения Земли с крупным астероидом или кометой, земной супервулканизм); 2. риски,

⁹ Lakatos I. Falsification and Methodology of Scientific Research Programmes. Lakatos I. The methodology of Scientific Research Programmes. – N.Y.: Cambridge University Press, 1989. Pp. 8–101. DOI: 10.1017/cbo9780511621123.003

¹⁰ Лакатос И. Наука и псевдонаука. Выступление в радиопрограмме Открытого университета. 1973. Т. 30. URL: <http://vladshaposhnikov.narod.ru/Lakatos/Lakatos.Science.Rus.pdf> (дата обращения: 1.07.2023)

¹¹ Bostrom N., Čirković M. Introduction // *Global Catastrophic Risks*. – Oxford University Press, 2012. Pp. 1, 3.

исходящие от непреднамеренных последствий человеческой деятельности (например, глобальные климатические изменения, пандемии, искусственный интеллект, социально-экономическая катастрофа); 3. риски, исходящие от враждебных действий (например, ядерная война, ядерный и био-терроризм, боевые нанотехнологии).

Разумеется риски, относящиеся к этим трем группам связаны друг с другом. Как отмечают Н. Бостром и М. Чиркович, например, такая антропогенная опасность как конфликт с применением ядерного оружия тесно связана с неконтролируемыми силами природы, поскольку многие разрушительные следствия такого конфликта будут опосредованы климатическими изменениями¹². И наоборот, как отмечает Р. Хансон, все обсуждаемые виды катастроф (в том числе природные по происхождению) опасны не только своими непосредственными следствиями, но и тем, что они могут привести к непропорционально масштабному (в отношении к сравнительно небольшому природному воздействию) коллапсу сложных, глубоко дифференцированных и потому высокоуязвимых «экосистем» современного общества¹³

Следовательно, связь рисков как таковых в концепции ГКР учитывается. Однако этого нельзя сказать относительно понимания сторонниками концепции ГКР связи обнаруживаемых при диалектическом подходе противоположностей, а также относительно связи прошлого и будущего – т.е. относительно процесса развития в целом. Противоположные стороны реальности в представлении сторонников концепции ГКР оказываются изолированными, а процессы изменений этой реальности – фрагментированными, хаотичными и именно потому непредсказуемыми. Постараемся обосновать эту точку зрения, реконструируя онтологические и гносеологические принципы сторонников концепции ГКР.

Онтологические принципы концепции ГКР

1.1.1. Принцип несвязанности прошлого и будущего, приводящей к неопределенному и непредсказуемому характеру развития. Специфика глобальных катастроф по мнению сторонников концепции ГКР состоит именно в том, что они во всех смыслах беспрецедентны. Н. Бостром пишет, что «... наш прошлый успех не дает никаких оснований ожидать успеха в будущем» и «хотя легко думать об эволюции как о жизни, происходящей от простых к более сложным формам, мы не должны некритически предполагать, что это всегда так... здесь, на Земле, простые репликаторы развились в человеческие существа (среди прочего), но по причине эффекта селективности наблюдения, информационная

¹² Bostrom N., Čirković M. // Global Catastrophic Risks. Oxford University Press, 2012. P. 7.

¹³ Hanson R. Catastrophe, Social collapse, and human extinction // Global Catastrophic Risks. Oxford University Press, 2012.

ценность этого одного свидетельства очень ограничена»¹⁴. Прошлое могло бы быть совершенно иным; оно не репрезентативно относительно многих явлений будущего, и «ошибочно веря, что прошлое предсказуемо, люди пришли к выводу, что будущее тоже предсказуемо... Люди удивляются катастрофам, которых они не ожидали, которые лежат за пределами известных им исторически вероятных распределений», также отмечает в этой связи Е. Юдковский¹⁵

1.1.2. Принцип «равноправия» возможностей («в равной степени возможно все») и случайности, как определяющей характер процессов в наблюдаемой Вселенной. Н. Бостром в этой связи отмечал, что «в любой момент мы можем быть сброшены в мусорный ящик космической истории расширяющимся фронтом вакуумного перехода, запущенного в далекой галактике миллиард лет назад»¹⁶.

1.1.3. Принцип конечности человека и ограниченности прогрессивного развития материи в наблюдаемой Вселенной. Н. Бостром и М. Чиркович вслед за астрофизиком Ф. Адамсом подчеркивают, что «не только технологически трудно, но и физически невозможно для разумного информационного процесса продолжаться за пределами некоторого конечного времени в будущем. Если так, то исчезновение (человечества – *A.B.*) – это только вопрос времени»¹⁷. Действительно, согласно расчетам, возрастающая светимость Солнца приведет к гибели сложных форм жизни на Земле уже через 0,9–1,5 млрд лет и полностью «стерилизует» планету через 3,5 млрд лет¹⁸. Авторы оговариваются о возможности более долговременного существования разумной жизни за счет колонизации космического пространства¹⁹. Однако и в этом случае по их мнению «разумный информационный процесс» обречен в силу predetermined degradation сложных форм материи в расширяющейся Вселенной²⁰.

Эпистемологические принципы концепции ГКР

1.2.1. Принцип разделения субъективных и объективных рисков, с выделением первых как основы для принятия решений. Н. Бостром приводит в этой связи такой пример: «Первой созданной человеком экзистенциальной угрозой

¹⁴ Bostrom N. Existential Risks. Analyzing Human Extinction Scenarios and Related Hazards // <https://www.jetpress.org/volume9/risks.html> (дата обращения: 30.07.2023).

¹⁵ Yudkowsky E. Cognitive biases potentially affecting judgment of global risks // *Global Catastrophic Risks*. – Oxford University Press, 2012. P. 94.

¹⁶ Bostrom N., Čirković M. Introduction // *Global Catastrophic Risks*. Oxford University Press, 2012. P. 7.

¹⁷ Ibid. P. 8.

¹⁸ Adams F. Long-term astrophysical processes // *Global Catastrophic Risks*. Oxford University Press, 2012. P. 34.

¹⁹ Bostrom N., Čirković M. Introduction // *Global Catastrophic Risks*. Oxford University Press, 2012. P. 8.

²⁰ Adams F. Long-term astrophysical processes // *Global Catastrophic Risks*. Oxford University Press, 2012. Pp. 41–45.

была... атомная бомба. В то время существовало... беспокойство, что взрыв запустит цепную реакцию посредством «поджигания» атмосферы. Хотя теперь мы знаем, что такой итог был физически невозможен, в то время это предположение соответствовало определению экзистенциальной угрозы. Чтобы нечто было риском, исходя из доступных знания и понимания, достаточно, чтобы была субъективная вероятность неблагоприятного исхода, даже если потом выясняется, что объективно не было ни одного шанса на то, чтобы случилось нечто плохое. Если мы не знаем, является ли что-то объективно рискованным, это является риском в субъективном смысле. Этот субъективный смысл является, конечно, тем, на чем мы должны основывать наши решения. В любой момент мы должны использовать нашу наилучшую субъективную оценку того, каковы объективные факторы риска»²¹.

1.2.2. Когнитивные искажения, характерные для человеческого познания и мышления, препятствуют адекватной оценке ГКР. Так, Е. Юдковски, подытоживая свой обзор различных видов когнитивных искажений, говорит о них следующее: «люди могут быть самоуверены и самоуверены. Они могут быть сосредоточены на каких-то одних сценариях будущего, исключая при этом все остальные. Они могут не помнить ни одного случая всеобщего истребления. Они могут переоценивать предсказуемость прошлого, и за счет этого недооценивать сюрпризы будущего. Они могут не осознавать важность подготовки к чрезвычайным ситуациям без преимуществ знания задним числом... Они могут уравнивать позитивную информацию о преимуществах некой технологии с негативной информацией о ее риске. Они могут быть ослеплены фильмами, в которых мир, в конце концов, обязательно бывает спасен... Или же чрезвычайно неприятная перспектива человеческого вымирания может побудить их искать доводы в пользу того, что человечество не вымрет, без столь же интенсивного поиска причин, по которым это может произойти»²².

1.2.3. Эффекты наблюдательной селекции деформируют представления о месте человека в мире, и препятствуют адекватной оценке ГКР. М. Чиркович, А. Сандберг и Н. Бостром отмечают: «катастрофы, превышающие некий порог тяжести последствий, уничтожают всех наблюдателей и все экологические условия для повторного возникновения наблюдателей, и таким образом, ненаблюдаемы... Это означает, что исторические записи содержат только часть событий, лежащих внутри «границ антропоносимости»... и не отображают всё пространство событий. Часть пространства параметров вовне этих границ,

---

²¹ Bostrom N. Existential Risks. Analyzing Human Extinction Scenarios and Related Hazards // Journal of Evolution and Technology. Vol. 9, No. 1.

²² Yudkowsky E. Cognitive biases potentially affecting judgment of global risks // Global Catastrophic Risks. Oxford University Press, 2012. P. 110–111.

лежит в так называемой *антропной тени*: скрытый эффект наблюдательной селекции не позволяет нам распознавать величину близких нам экстремальных угроз (по временным и эволюционным причинам). Эта тень является источником ошибки, которая должна быть скорректирована, когда мы стремимся вывести объективное распределение шансов на основании эмпирического распределения прошлых событий»²³.

Теперь, применительно к изложенным выше принципам концепции ГКР, переформулируем известные принципы концепции единого закономерного мирового процесса (ЕЗМП)²⁴ для более удобного их сопоставления с онтологическими принципами концепции ГКР. Начнем с принципов онтологических.

2.1.1. ЕЗМП имеет характер необходимого и в общем смысле предсказуемого интегрального прогресса. Он реализуется как восхождение мира в целом от более простых состояний к более сложным благодаря его структурированию на три связанных направления развития: магистральное (его результат – необходимая последовательность основных форм материи) и два обуславливающих его подчиненных – включенного низшего (результат – теневые системы) и не включенного низшего (результат – комплексные формы материи).

2.1.2. Интегральный характер прогресса подразумевает определенную связанность единичных возможностей ЕЗМП и случайных событий, происходящих в его ходе (принцип всеобщей связи); возможности представляют собой не ничто, а нечто, определенные тенденции, объективно существующие в действительности, в свою очередь, случайное выступает как проявление и дополнение необходимого, помогающее ему реализоваться.

2.1.3. Человек, являясь необходимым результатом ЕЗМП, обладает уникальными свойствами – трудом и мышлением; поэтому земное человечество имеет реальную возможность (хотя реализация ее не гарантирована) бесконечного развития посредством преобразования, «доразвития» природы.

Первый онтологический принцип концепции ГКР (1.1.1.) с позиций современной формы научной философии адекватен в том смысле, что развитие действительно есть не «тавтология», не преформистское «развертывание» того что уже существует в скрытом виде, а появление существенно нового, в каких-то чертах невыводимого (непредсказуемого) из «системы отсчета» предшествующих этапов эволюции. Неустранимой чертой развития является «приращение сложности», обсуждающееся в современной материалистической диалектике в связи с формулировкой и решением проблемы (парадокса) развития: «откуда

---

²³ Čirkovič M, Sandberg A., Bostrom N. Anropic shadow: observation selection effects and human extinction risks // Risk Analysis. 2010. Vol. 30. No 10. P. 1500.

²⁴ Орлов В.В. История человеческого интеллекта. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. Ч. 3. С. 66–91.

берется дополнительная сложность?» Считается, что высшее представляет собой интеграцию более простого (низшего) и более сложного (собственно высшего) – дополнительной сложности, рождающейся в ходе самого процесса развития; нетождественность материи самой себе, ее способность в качестве *causa sui* порождать все более сложные состояния рассматривается здесь в качестве атрибута²⁵.

Вместе с тем, в системе представлений сторонников концепции ГКР этот принцип означает и недооценку объективно существующей связи прошлого и будущего, отрицание признаков будущего (возможностей будущего) в прошлом с одной стороны, и момента преемственности, аккумуляции в ходе развития – с другой. В действительности, прошлое и будущее по необходимости связаны – прошлое как более простое, во-первых, содержит основу, частично включающуюся в виде теневой системы в более сложное при его появлении; во-вторых, прошлое содержит многообразные «зародыши», «маркеры» будущего, присутствующего в прошлом в виде возможностей. На выявлении и анализе этих возможностей и основано научное прогнозирование.

Также в концепции ГКР игнорируется то обстоятельство, что в ходе ЕЗМП с необходимостью реализуется интегральный прогресс, и в целом будущие состояния мира *всегда* (и в этом смысле – *предсказуемо*) оказываются сложнее предыдущих, поскольку в нем, при массовом сохранении одних объектов простыми и не менее распространенной деградации других объектов на подчиненных направлениях развития включенного и невключенного низшего, создаются условия, благодаря которым на магистрали ЕЗМП *с необходимостью появляются все более сложные вещи* – т.е. в целом растет «диапазон» их сложности. В этой связи в отношении к миру в целом, приобретает смысл «отождествление собственно высшего... с реально возможным»²⁶, подчинение через сферу возможного включенного и невключенного низшего высшему; о конкретных механизмах этого подчинения подробнее будет сказано ниже, в связи со вторым онтологическим принципом.

Второй онтологический принцип концепции ГКР (1.1.2) верен в том смысле, что в глобальной эволюции действительно есть «уровень тихогенеза», на котором она предстает как «хаос» случайных реализаций единичных возможностей (единичных объектов-флуктуаций), большинство из которых содержательно неразличимы в отношении более сложного будущего, в этом смысле «избыточные» и действительно постоянно элиминируются неблагоприятными (в том числе катастрофическими) факторами. Однако факт устойчивого прогрессивно-

---

²⁵ Орлов В.В. История человеческого интеллекта. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. Ч. 3. С. 57–65.

²⁶ Барг О.А. Живое в едином мировом процессе. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. С. 73.

го развития наблюдаемой Вселенной в концепции ЕЗМП интерпретируется более глубоко, нежели в концепции ГКР. Согласно первой, в эволюции, помимо «кипящего слоя» объективно существующих случайных процессов есть и «уровень номогенеза», на котором она предстает как необходимая последовательность реализаций ряда общих возможностей, которые и репрезентируются возможностями единичными. Таким образом, перед нами возникает картина иерархии возможностей ЕЗМП, различающихся по степени общности, в которой случайное по форме «овеществление» и «развеществление» единичных возможностей содержательно означает необходимую реализацию всего ряда общих возможностей. В итоге реализуются те единичные возможности, реализация которых не противоречит, а способствует «выходу в реальность» посредством единичных событий следующей общей возможности, т. е. способствует продолжению ЕЗМП как интегрального прогресса. Таким образом, возможности эволюции отнюдь не равноправны – они имеют разное значение в свете структуры ЕЗМП и их собственной иерархической соподчиненности²⁷.

Важно подчеркнуть, что реализации единичных возможностей (в т.ч. и возможностей конкретных глобальных катастроф в терминологии концепции ГКР), будучи объективно случайными, в свете факта устойчивого интегрального прогресса определенным образом скоррелированы. Закономерный, а не случайный характер мирового процесса в целом подразумевает существование какого-то *мгновенного «дальнодействия»*. По-видимому, это «действие через сферу *возможного*, которая не имеет пространственно оформленных и разделенных компонентов... Каждое близкое действие... вычерпывает из нее свой результат, мгновенно меняя источник, из которого черпают остальные близкие действия»²⁸.

Физическую интерпретацию такого рода дальнодействия можно дать, обратившись к феномену «всеобщей связи» *квантовых событий* («квантовой запутанности»). История представлений об этом явлении такова. В 1935 году Эйнштейн, Подольский и Розен предложили знаменитый «ЭПР – парадокс». Пусть рожденные в одной точке частицы А и В разлетаются в стороны, так что ни у одной из них не заданы координата и импульс, но в силу закона сохранения импульса сумма их импульсов и сумма координат равна нулю. Теперь, если измерить координату частицы А, то ее волновая функция «схлопнется» в соответствующей точке. Но тогда одновременно «схлопнется» и волновая функция частицы В, поскольку ее координата после такого измерения тоже станет известной – частица В мгновенно «узнает» о том, какие показания дала приборам частица А вне зависимости от расстояния между ними, хотя никакого связанного с передачей вещества и энергии близкого действия при этом нет. «ЭПР – парадокс»

²⁷ Барг О.А. Живое в едином мировом процессе. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. С. 79–84.

²⁸ Там же. С. 68.

разрабатывался как доказательство от противного – как мысленный эксперимент, призванный опровергнуть в ходе дискуссии А. Эйнштейна и Н. Бора «копенгагенскую интерпретацию» квантовой механики. Последняя описывает физическую систему путем *определения вероятности и средних значений* характеризующих ее величин с помощью волновой функции. Эйнштейну эта концепция представлялась ошибочной. Однако многократно воспроизведенные физические эксперименты позволяют говорить о наличии *объективно существующего коррелированного состояния квантовых частиц* – например фотонов (А. Цайлингер, 1997) и в-мезонов (А. Го, 2003)²⁹. Выяснилось, что каждая «классическая проекция» квантовой структуры сопровождается мгновенной перестройкой вероятностей (возможностей) изменений характеризующих ее величин. При этом следует помнить, что представления о корпускулярно-волновом дуализме в современной физике универсальны, относятся не только к элементарным частицам, но и к любому известному материальному объекту.

Благодаря такой «несиловой», не связанной непосредственно с передачей вещества и энергии корреляции единичных событий, в ходе ЕЗМП может увеличиваться степень вероятности реализации одних возможностей и уменьшаться вероятность наступления других. Без такого рода корреляционных механизмов реализацию принципа всеобщей связи в режиме реального времени даже в масштабах наблюдаемой Вселенной (Метагалактики), не говоря уже о мире в целом, сложно себе представить. Без них любой фрагмент Метагалактики выглядел бы как абсолютный хаос. Но, несмотря на объективное существование случайностей, такая всеобъемлющая хаотичность конечно не наблюдается.

В свете этих рассуждений и соответствующих фактов, обрыв интегрально-го прогресса *в целом* по «чисто случайным» катастрофическим причинам, никак не связанным друг с другом и с состоянием дел на магистрали ЕЗМП оказывается событием столь маловероятным, что оно может характеризоваться как практически невозможное. Возьмем, например, гипотетически возможный случай удара астероида с диаметром 100 км. (таких астероидов в Солнечной системе известно около 200), вероятно, способный отбросить эволюцию земной биосферы на сотни миллионов лет назад в силу высоко вероятного уничтожения сложных форм жизни на планете – а возможно и уничтожения всех ее форм. Для сторонников концепции ГКР отсутствие остатков кратера от столкновения со стокилометровым астероидом на Земле означает не более чем *редкий*, причем *субъективно ненаблюдаемый* характер таких катастроф и их последствий – поскольку, если бы такое случайное событие все-таки имело место, разумных наблюдателей на Земле в настоящее время просто не существовало бы. Однако

---

²⁹ Барашенков В. Эффект телепортации // Знание – сила. 2004. № 1. С. 33–41.

с позиций концепции ЕЗМП, обогащенной представлениями о корреляции единичных событий, отсутствие следов такого удара означает не только редкость и ненаблюдаемость, но *может* означать (хотя и не обязательно означает в данном конкретном случае) и *объективную невозможность такой катастрофы*, поскольку она исключила бы реализацию ряда последующих общих возможностей ЕЗМП. В качестве конкретного природного механизма, обеспечивающего снижение вероятности катастрофических космических ударов по планетам земного типа, можно рассматривать действие гравитационных полей газовых планет-гигантов Юпитера и Сатурна, которые дестабилизируют орбиты космических тел в поясе астероидов, заставляя их дробиться на более мелкие фрагменты и уменьшают общее количество этих потенциально опасных тел, выбрасывая их на периферию Солнечной системы³⁰.

Если же крупный (например, диаметром около 10 км, а таких тел в Солнечной системе известно уже около 10000) астероид все-таки достигает Земли – как это, возможно, случилось около 65 млн лет назад, в период мелового вымирания – то это происходит *не случайно* в том смысле, что реализация следующей общей возможности развития (например, возможности гоминизации млекопитающих) блокируется занятостью практически всех экологических ниш древними формами жизни.

Таким образом, подлинно *глобальная* катастрофа в философском смысле – в смысле останковки ЕЗМП в масштабах мира в целом – невозможна. На наш взгляд, это – первый *содержательный прогноз современной формы научной философии* в ее исследовании концепции ГКР. Причем прогноз *проверяемый*: ведь такая глобальная катастрофа будет означать уничтожение не земного человечества и даже не наблюдаемой вселенной – а объективной реальности как таковой со всеми ее атрибутами (включая атрибут развития), что противоречило бы и логике и всей системе законов частных наук, и собственным установкам лидеров концепции ГКР. В конце концов, как упоминалось выше, уничтожение земного человечества в их анализе вызывается *материальными* факторами.

Но это отнюдь не означает, что собственно *земное* человечество, особенно на этапе «предыстории», гарантированно избежит экзистенциальных угроз в смысле концепции ГКР. Определенные объективные природные и социальные предпосылки к развитию самых тяжелых из возможных катастрофических сценариев на нашей планете существуют, о чем было сказано выше и к чему мы

---

³⁰ Soja R. Dynamics of the Solar System Meteoroid Population. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in Physics at the University of Canterbury. 2010. Department of Physics and Astronomy University of Canterbury Available at: https://ir.canterbury.ac.nz/bitstream/handle/10092/4305/thesis_fulltext.pdf;jsessionid=FF1B3ADC1EA5E27541720CA6DB52A510?sequence=1 (accessed 30.07.2017.)

еще вернемся. Здесь же, упомянув о ненулевой вероятности гибели земного человечества, хотелось бы особо подчеркнуть, что рассуждения о возможных механизмах, обеспечивающих необходимую реализацию основных этапов ЕЗМП, не имеют ничего общего с телеологией. Целей в человеческом смысле в природе конечно нет – но в свете системы фактов частных наук было бы опрометчиво рассматривать объективную реальность как бессистемный хаос, лишенный закономерностей и внутренних регулирующих механизмов.

В связи с уже сказанным и третий онтологический принцип концепции ГКР (1.1.3) может быть принят лишь с существенными оговорками. Во-первых, ограниченность развития социальных существ космическими факторами в наблюдаемой Вселенной еще нужно обосновать, доказав несущественный характер характерных для человека способностей к познанию и преобразованию любых элементов объективной реальности. Во-вторых, вне зависимости от судьбы социальных существ на Земле или в наблюдаемой Вселенной в целом, суждение о завершении в силу ее необратимого расширения и остывания прогрессивно направленного ЕЗМП нуждается в серьезной корректировке, поскольку многообразие типов вакуума, существование которого допускают и астрономы-исследователи катастрофических рисков космического генезиса, может быть связано с представлениями о Мультиверсе (множественности различающихся по параметрам физических вселенных). В случае принятия этой гипотезы (а многие авторитетные космологи относятся к ней весьма серьезно, подчеркивая, что ни теория относительности, ни квантовая механика в некоторых интерпретациях идее Мультиверса не противоречат)³¹ – масштабы применимости концепции прогрессивно направленного ЕЗМП будут куда более широкими.

Теперь проанализируем изложенные выше эпистемологические принципы концепции ГКР. В интересах сопоставления с этими принципами, попробуем переформулировать известные принципы материалистической теории познания.

2.2.1. Человеческое сознание может быть определено как субъективный образ объективного мира; адекватность человеческих решений, в том числе, оценка рисков, определяется, в конечном счете степенью объективности данных образов.

2.2.2. Активность субъективной формы сознания может иметь как положительные, так и отрицательные следствия для познавательного процесса в смысле его адекватности реальности; в целом, неустранимая субъективная составляющая и специфичность чувственной сферы человека и человеческой психики, определяемые историей формирования вида *Homo sapiens* и исторически разви-

---

³¹ Виленкин А. Мир многих миров: физики в поисках иных вселенных. М.: Астрель, 2009.

вающимися социальными условиями, в рамках критического научного мышления не препятствуют объективному отражению действительности в силу репрезентативного в отношении к бесконечному миру характера сферы человеческого опыта и интеллекта – в том числе, не препятствуют объективной оценке ГКР.

2.2.3. Важным случаем неустранимой субъективной составляющей человеческого познания являются эффекты наблюдательной селекции; однако при критическом научном подходе они могут и не оказывать существенного деформирующего воздействия на адекватную оценку ГКР в силу репрезентативного характера человеческого познания как в отношении явлений, непосредственно входящих в сферу человеческого опыта, так и в отношении явлений, которые, находясь в «антропной тени», в эту сферу непосредственно не входят.

Относительно первого эпистемологического принципа концепции ГКР (1.2.1) можно сказать, что в такой общей формулировке он в целом адекватен. Субъективное и объективное в нашем познании действительно могут быть в известной степени разделены и даже противопоставлены. Весь вопрос однако в том, признается ли и каким конкретно образом интерпретируется *связь субъективного и объективного*. Таким образом, основной «водораздел» концепций ЕЗМП и ГКР в эпистемологическом аспекте намечается в связи со вторым и третьим эпистемологическими принципами.

Наличие когнитивных искажений в человеческом познании – это факт, установленный психологией. Когнитивными психологами было выявлено, что люди, особенно в условиях ограниченности информации и/или при необходимости быстрого принятия решений, мыслят далеко не рационально; они «используют методы мышления, называемые эвристиками, быстро дающими хорошие приблизительные ответы в большинстве случаев, но также приводящими к появлению системных ошибок – когнитивным искажениям»³². К примеру, экспериментально было показано, что испытуемые в большинстве случаев предпочитают не рассуждать логически, сопоставляя математическую вероятность альтернативных вариантов решения задачи, а судят об ответе на основании наиболее легкодоступной информации (например – лучше запоминающейся либо позитивно воспринимаемой), или предпочитают судить об ответе на основании того, что в данном случае представляется им наиболее типичным, подменяя суждением о типичности в предложенной выборке суждение о достоверности. И, наконец, испытуемые, руководствуясь т.н. «мотивированным», а не «критическим» мышлением, всегда пытались подтвердить, а не опровергнуть свои гипотезы – даже ценой рационализации («правдализации») очевидных ошибок. В итоге Е. Юдковски приходит к выводу, что «мышление о глобальных

---

³² Yudkowsky E. Cognitive biases potentially affecting judgment of global risks. P. 92.

рисках подвержено всем тем видам ошибочности, что и мышление вообще». Хотя, понятно, «ставки в этом случае... гораздо выше»³³

Впрочем, в известном смысле «все новое – это хорошо забытое старое». По крайней мере некоторые ключевые проявления указанных когнитивных искажений были известны еще в XVII в. Ф. Бэкону. Автору представляется, что их вполне можно рассматривать как проявления бэконовских «идола рода» и «идола пещеры». Например, Бэкон отмечал, что «человек скорее верит в истинность того, что предпочитает. Он отвергает трудное – потому, что нет терпения продолжать исследование... то, что возбуждает чувства, предпочитается тому, что сразу чувств не возбуждает, хотя бы это последнее и было лучше». Как известно, Бэкон считал «идол рода» находящим свое основание в самой природе человека, и в этом смысле полагал его неустранимым. Вместе с тем, он считал, что «построение понятий и аксиом через истинную индукцию есть, несомненно, подлинное средство для того, чтобы подавить... идолы»³⁴. В таком случае власти человека над природой идолы угрожать не смогут, хотя упомянутые два «идола» и являются неустранимыми.

До известной степени формирование у человека «идолов рода» может быть объяснено с позиций современной эволюционной эпистемологии – как закономерный результат естественного отбора, действовавшего на предков *Homo sapiens*. Например, можно предположить, что в условиях борьбы за существование, скажем, в формате отношений «хищник-жертва», быстрые решения на основании эвристик чаще (в масштабах популяции) спасали жизнь, нежели приводили к гибели. Главный тезис эволюционной эпистемологии в том и состоит, что человеческое знание «апостериорно» филогенетически, т. к. органы чувств, центральная нервная система и их функции сложились в ходе биологической эволюции. Так, один из лидеров этого направления Г. Фоллмер отмечает, что «человеческая способность восприятия является таким же результатом естественного отбора, как и любой другой признак организма... селекция благоприятствовала лучшему познанию объективных черт того окружающего мира, в котором жили наши дочеловеческие предки»³⁵. Таким образом, эвристики были и во многом остаются практически полезными механизмами, определяющими успешность повседневных человеческих решений.

Вместе с тем, можно согласиться с когнитивными психологами в том смысле, что эвристики, сформированные в ходе развития *популяций гоминид*,

³³ Yudkowsky E. Cognitive biases potentially affecting judgment of global risks. P. 36.

³⁴ Бэкон Ф. Новый Органон. Available at: http://www.lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt_with-big-pictures.html#2 (accessed: 30.07.2023.)

³⁵ Фоллмер Г. Эволюционная теория познания: врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. М.: Русский Двор, 1998. С. 73.

эволюционировавших в африканской саванне сотни тысяч лет назад, не всегда адекватны в случае оценки риска *современным индивидом*, принимающим решения в XXI веке: эвристики действительно могут приводить к когнитивным искажениям. Однако дело не в том, кто прав в каждом конкретном случае – когнитивные психологи или эволюционные эпистемологи. Дело в общей для обоих этих направлений методологии. И те и другие действуют с позиций *редукционизма*, делая акцент на биологической специфичности *вида Homo sapiens* – и потому говорят главным образом об *ограниченности* его познавательных способностей. А это существенная ошибка.

Не следует забывать об интегральной *социальной* сущности человека. Являясь закономерным результатом бесконечного и интегрированного всеобщей связью ЕЗМП, человек сам связан с бесконечным миром более фундаментальным образом, нежели «один из» приспособившихся к своей локальной среде биологических видов. Только человек из известных нам существ способен непосредственно осознавать всеобщее, репрезентированное во множестве единичных событий и применять это знание на практике. Поэтому область человеческого опыта не только конечна, но и в известном смысле бесконечна. Для познавательных способностей такого существа, живущего в мире, пронизанном всеобщей связью, когнитивные искажения не могут иметь рокового значения. Впрочем, важное рациональное зерно подхода когнитивной психологии состоит в акценте на борьбе с догматическим стилем мышления с помощью принципов и практик автономного критического мышления – в исследовательской работе всегда следует помнить предостережение Е. Юдковски относительно того, что «мы меняем свои убеждения гораздо реже, нежели нам кажется»³⁶. Именно в случае применения критического научного подхода когнитивные искажения могут быть успешно скорректированы. Показательно также, что сам Е. Юдковски в названии своей статьи называет когнитивные искажения лишь *потенциально* способными влиять на суждения о глобальных рисках.

Осознавая всеобщее, человек познает и то, что непосредственно в сферу его опыта не входит. Поэтому третий эпистемологический принцип концепции ГКР (1.2.3) также можно принять лишь с существенной корректировкой. Для концепции ГКР характерен фактический отказ от обсуждения сильной интерпретации антропного космологического принципа, как и возможных онтологических оснований этой интерпретации. Однако если мир – это система, интегрированная механизмами «мгновенного дальнего действия», то в «антропной тени», которая действительно существует, не может скрываться ничего такого, что никак не проявляет себя в сфере человеческого опыта. Судить об антропном

---

³⁶ Yudkowsky E. Cognitive biases potentially affecting judgment of global risks. P. 101.

принципе и об антропоной селекции необходимо не только с позиций эпистемологии, но и с позиций онтологических – нужно учитывать, *в каком мире* осуществляется действительно всегда избирательный и в чем-то ограниченный процесс познания.

Итак, эпистемологические принципы концепции ГКР справедливо указывают на ценность автономного критического мышления и на необходимость осознания препятствий к его реализации, заложенных в самой природе человеческой психики. Можно согласиться и с тем, что эффекты наблюдательной селекции следует выявлять и тщательно учитывать в любой деятельности, включая оценки катастрофических рисков. Вместе с тем, следует помнить, что эти гносеологические принципы выполняющие также и определенные методологические функции, имеют подчиненное, служебное значение для выявления объективной истины в отношении оценки ГКР. Абсолютизация этих принципов может легко привести к субъективизму, что особенно опасно в сфере оценки глобальных катастрофических рисков – сфере, которая ориентирует человеческую деятельность главным образом на превентивные меры, успешность которой сложно оценить как посредством верификации, так и фальсификации.

Разумеется, все сказанное об изъянах онтологических и эпистемологических принципов концепции ГКР не означает, что конкретной цивилизации на конкретном этапе ее развития (например, земному человечеству) в принципе не угрожают катастрофические события экзистенциального характера. Концепция ЕЗМП отнюдь не предполагает, что земное человечество является целью эволюционного процесса и ему гарантировано бесконечное развитие – это было бы телеологической ошибкой. Если предположить, что в мире в котором мы живем, существует не одна цивилизация – а в силу прогрессивной направленности развития и масштабов Метагалактики, не говоря уже о возможности существования Мультиверса вселенных, такое предположение кажется небезосновательным (хотя в настоящее время оно не доказано) – то мы будем вынуждены заключить, что судьба различных гипотетических цивилизаций подобна судьбе прочих реализованных возможностей ЕЗМП, находящихся не на самом глубоком уровне возможностной иерархии. По мнению автора, ход их эволюции будет определяться степенью, в которой данная цивилизация объективно способствует продолжению реализации общих возможностей ЕЗМП, т.е. продолжению его магистрали.

Представляется, что вероятность наступления глобальных катастроф будет различной для цивилизации, преодолевшей по крайней мере наиболее острые социальные антагонизмы, научившейся относительно гармонично сосуществовать с природой и эффективно осваивающей космическое пространство, нежели для цивилизации, которая, оставаясь внутренне разобщенной, во все возраста-

ющем масштабе разрушает свою биосферу и тратит ресурсы не на освоение космоса, а на производство все более смертоносного оружия, тем самым препятствуя собственному устойчивому развитию на магистрали эволюционного процесса и провоцируя «срыв» соответствующей области объективной реальности с магистрали на направление невключенного низшего ЕЗМП. Образно выражаясь, в мире, в котором объективно существуют случайности и многообразие реальных возможностей, мы все рискуем – но некоторые рискуют неоправданно часто, причем постоянно идут «ва-банк». Представляется, что в этом состоит *второй существенный прогноз научной философии* в ходе исследования с ее позиций концепции ГКР, причем прогноз, потенциально проверяемый в свете развития технологий исследования дальнего космоса.

В свете всех высказанных выше соображений, концепция ГКР, в силу ее влияния – как на экспертное сообщество, так и на массовое сознание – будучи интерпретированной с учетом принципов концепции ЕЗМП, может внести серьезный вклад в осознание соответствующих угроз и стабилизацию эволюционной траектории земного человечества. Однако ее философский анализ должен быть продолжен. Представляется, что важными «точками роста» такого анализа, могло бы стать изучение и сравнительная оценка опасности для земного человечества на данном этапе его развития конкретных видов ГКР, а также научно-философский анализ факта «молчания космоса», часто формулируемого как «парадокс Ферми».

Заключение

В качестве заключения по нашему исследованию можно сделать следующие выводы:

1. Концепция ГКР исходит из принципов, которые в смысле эпистемологическом акцентируют внимание на абсолютизации автономности субъективного в познании и его принципиальной ограниченности в силу конечности сферы нашего опыта (проистекающей в том числе из когнитивных искажений и эффектов наблюдательной селекции).

2. Онтологический аспект концепции ГКР глубоко не разработан; однако подразумевается, что характер процессов в мире в силу «равноправия» возможностей («возможно все») в целом случаен, непредсказуем и не может характеризоваться как закономерный интегральный прогресс.

3. В сопоставлении с концепцией ЕЗМП эти принципы представляются недостаточно обоснованными: концепция иерархии возможностей позволяют совместить представления о закономерном характере прогрессивно направленного развития с представлениями о случайных процессах (включая случайности глобальных катастроф), а идея связи бесконечного и конечного в человеческом

опыте позволяет говорить о репрезентативном характере последнего в отношении мира в целом.

4. Вместе с тем, и сторонники концепции ЕЗМП для того, чтобы в условиях современной познавательной ситуации успешно справиться с новыми теоретическими вызовами, должны воспринять концепцию мгновенного дальнего действия (квантовой запутанности), как физического выражения древнего философского принципа всеобщей связи, которая одна может объяснить интегративный характер бесконечного мирового процесса. Немаловажным приобретением современной формы научной философии могли бы также стать практики критического мышления.

5. Две рассмотренные концепции можно рассматривать как частично совместимые в том смысле, что концепция ГКР, проинтерпретированная и скорректированная в свете развивающейся концепции ЕЗМП, может внести важный вклад в превенцию глобальных катастроф и формирование устойчивой траектории развития человеческой цивилизации.

6. При анализе принципов концепции ГКР научная философия может формулировать проверяемые утверждения прогностического характера.

Ю. В. Василенко

кандидат философских наук,

доцент кафедры гуманитарных дисциплин

НИУ ВШЭ – Пермь

ГЛАВА 7. ТЕОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И СУЩНОСТНЫЕ СИЛЫ ЧЕЛОВЕКА

Мое знакомство с Владимиром Вячеславовичем Орловым состоялось в 1992 году, когда он начал читать нам, второкурсникам исторического факультета Пермского госуниверситета, свой курс «Общей философии». Я тогда еще не догадывался, что это событие во многом предопределило мою академическую карьеру, поэтому просто наслаждался высокой наукой, притом что курс показался нам очень сложным, и сдать по нему экзамен было настоящим интеллектуальным вызовом. Помню, мне попался вопрос – что-то про определения материи, – и я доказывал превосходство ленинского определения перед всеми остальными; В.В. Орлов меня похвалил и поставил «пятерку».

До этого я был знаком с Философией благодаря случайно попавшимся мне двум толстым книжкам – «Смысл и назначение истории» К. Ясперса и «Постижение истории» А.Дж. Тойнби, – которые я «грыз» потихоньку в 11 классе и на первом курсе университета. Помню, что Ясперса я не понял вообще, хотя меня поразил историософский охват проблематики. Проблема заключалась в том, что на тот момент я совершенно не знал историческую «матчасть», и все эти древние цивилизации, скованные «осевым временем», ни о чем мне не говорили, хотя эмоциональное потрясение от масштаба обобщений было огромным. Тойнби я уже читал более подготовленным, но все равно воспринимал эту книгу как «картинки с выставки», она стала для меня своеобразным, как бы сказал М. Твен, «путешествием простаков за границу». Интрига заключалась в том, что процесс распада Советского Союза, происходивший у нас на глазах в начале 1990-х гг., удивительным – по моему тогдашнему ощущению – образом совпал с тем, что было написано у Тойнби (горизонтальные и вертикальные разломы, отпад периферии, неспособность элиты ответить на вызов времени и т.д.), и именно этот аспект его теории запал мне тогда в душу более всего.

В.В. Орлов познакомил нас с классической Философией и базовыми принципами и логикой функционирования человеческого интеллекта. Я, например, только тогда начал понимать разницу между объективным и субъективным; притом что в школе нам тоже пытались это объяснить, однако на тот момент мы к постижению столь азбучных истин были еще не готовы. Благодаря В.В. Орлову мы шаг за шагом знакомимся с древними греками, средневековы-

ми богословами, достижениями эпохи Возрождения и прорывами эпохи Просвещения... Настоящим камнем преткновения стала для нас немецкая классическая философия, которую мы пытались постигать и в дальнейшем, когда ходили на спецкурс В.В. Орлова, посвященный «Науке логики» Г.В.Ф. Гегеля. Помню, что на тот момент мы выбирали просто самое, как нам показалось, интеллектуально престижное. Однако, когда я пришел поступать в аспирантуру, то первый вопрос, который мне задал В.В. Орлов, был именно об этом: посещал ли я его спецкурс? Не знаю, как бы сложилась моя судьба, если бы я его не посещал. Услышав мой утвердительный ответ, В.В. Орлов сказал, что не помнит меня совершенно, однако работу по поступлению в аспирантуру мы начали.

Ключевой момент обучения в аспирантуре – выбор темы диссертации. Когда В.В. Орлов спросил меня, чем мне интересно было бы заняться, я просто развел руками и сказал, что читал Ясперса и Тойнби, которые мне как историку были ближе и понятнее; играть же на поле собственно Философии я тогда не осмелился. В итоге Орлов предложил мне заняться соотношением двух теорий исторического процесса – цивилизаций и формаций, – и я согласился, поскольку пребывание в аспирантуре было для меня важнее собственно научной проблематики исследования. Однако В.В. Орлов угадал, и я взялся за предложенную мне тему со всем фанатизмом, на который был тогда способен. Другое дело, что чем больше я погружался в свою проблематику, тем больше мне нравилась теория цивилизаций и не нравилась теория формаций; поскольку первая погружала меня в широкую европейскую традицию, что совпадало с моим на тот момент радикальным западничеством, вторая же казалась – и, причем, не только мне¹ – какой-то сухой и вымученной. Именно поэтому мне до сих пор кажется, что первая глава моей диссертации, посвященная теории цивилизаций, мне удалась несравнимо больше, чем вторая – про теорию формаций; первую я писал на общем интересе и, я бы даже сказал, душевном – «безбашенно романтическом» – подъеме, а вторую – «потому что так надо». Не знаю, каким было бы мое отношение к этим теориям, занимайся я ими до сих пор, однако к концу 1990-х гг. оно было именно таким.

Так или иначе, к концу 1990-х гг. интерес к теории цивилизаций в российском обществознании был достаточно велик². К данной проблематике в различное время обращались Э.А. Араб-Оглы, М.А. Барг, Н.Я. Бромлей, Л.Е. Гринин, А.Я. Гуревич, И.Н. Ионов, В.Ж. Келле, Н.И. Конрад, Э.С. Маркарян, М.П. Мчедлов, М.М. Мчедлова, В.М. Немчинов, Л.И. Новикова, Ю.И. Семенов,

¹ См., например: Буртин Ю. Ахиллесова пята исторической теории Маркса // Октябрь. 1988. № 11. С. 6.

² Об эволюции цивилизационной проблематики в советской (российской) исторической науке см.: Шемякин Я.Г. Проблема цивилизации в советской научной литературе 60-80-х годов // История СССР. 1991. № 5. С. 86–103.

В.М. Хачатурян и многие другие, перечислить всех невозможно. Однако, при том, что нам были уже знакомы работы классиков, все еще не было комплексного исследования по теории в целом, вопрос об ее эвристических потенциалах был по-прежнему актуален. Именно поэтому мы с В.В. Орловым и решили подойти к теории цивилизаций предельно широко, не ограничиваясь тем, что впоследствии станет называться теорией «локальных цивилизаций» и к чему в конечном итоге и сведется вся эта теория. Данный – широкий – подход очень удачно, как я это понимаю сегодня, совпал с необходимостью предельно глубокого погружения в философскую классику, поскольку мне тогда еще только предстояло превратиться в философа.

При этом нельзя было никоим образом упускать из виду и предмет моего исследования – проблему соотношения двух теорий, и здесь В.В. Орлов стал для меня настоящей путеводной звездой. После нескольких консультаций он поставил передо мной предельно конкретную задачу: определить, на каких сущностных силах человека выстраиваются все эти авторские концепции, которые я столь безоглядно предлагал включить в теорию цивилизаций. И с этого момента наша работа пошла и успешно, и быстро.

Подходя к теории цивилизаций предельно широко, я столкнулся с двумя взаимосвязанными проблемами, без положительного решения которых мое конструирование теории цивилизаций рассыпалось под ударами критиков как картонный домик. Первая: каков критерий отнесения авторских концепций к теории цивилизаций, т.е. почему одного автора мы к ней причисляем, а другого нет, притом что они исторически близки и концептуально похожи. И вторая – «проблема начала»: кто же является подлинным основоположником этой теории, и почему.

Скажу сразу: точного решения второй проблемы я не имею до сих пор, поскольку решений этих за последние десятилетия накопилось довольно много, и все они по-своему релевантны. На тот момент я ограничился двумя суждениями, основательно прикрывшись – для защиты – научными авторитетами. Так, первые проблески современной теории цивилизаций представитель школы «Анналов» Л. Февр находит у Ф.П.Г. Гизо в его «Истории цивилизации во Франции» (1845)³. К подходу Февра во многом присоединяется и М.М. Мчедлова, которая связывает становление теории цивилизаций с такими именами первой половины XIX в., как К.А. де Сен-Симон и О. Конт, которые начали обосновать связь цивилизации и прогресса⁴. Однако М.А. Барг пошел еще дальше, утверждая, что французский глагол «civiliser» («цивилизовать,

³ См.: Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 239–281.

⁴ См.: Мчедлова М.М. Понятие «цивилизация»: история и методология // Философия и общество. 1999. № 1. С. 151–152.

просвещать») был известен уже в XVI в. как антоним понятию «дикарь» (sauvage), т.е. корни теории цивилизаций необходимо искать там⁵. Февра и Барга несколько примиряет И.Н. Ионов, усматривая корни теории цивилизаций в работах западно-европейских философов XVII – первой половины XVIII вв.⁶ Понятно, что на тот момент опускаться до XVI века было для меня даже технически невозможно, а XIX век мне казался слишком поздним для столь исторически глубокого явления. В итоге моими ориентирами стали – как нечто среднее – первая половина XVIII в. и французское Просвещение, к которому я впоследствии добавил двух представителей, как я их определил, позднего Просвещения (И.Г. Гердера и А. Фергюсона). Второе суждение было производно непосредственно от Тойнби, мнение которого нельзя было игнорировать: он причислял Дж. Вико к своим непосредственным предшественникам, что в свою очередь также не противоречило принятой мною точке отсчета, а лишь добавляло ей итальянского колорита.

Что же касается первой проблемы, то здесь я пошел по пути наименьшего сопротивления, что также имело свои «минусы»: если автор использует понятие «цивилизация» или ее производные, я смело брал его в разработку, не задумываясь о том, что само по себе использование того или иного понятия еще ни о чем не говорит. Меня спасало два обстоятельства: 1. Первоначально я имел дело с генезисом теории, поэтому использование понятия «цивилизация» у читаемых мною авторов было не столь уж и частым, как это становится на этапе становления любой теории, когда понятие, что называется, «уходит в народ» (да и количественные методы исследования тогда, к счастью, еще не были в моде); и 2. В моем распоряжении было не так уж и много книг, притом что университетская библиотека на тот момент была выдающейся, плюс Пермская краевая библиотека имени А.М. Горького, где я искал и находил уже только раритеты.

Однако главное, что предложенные мною решения В.В. Орлова в принципе устраивали, поскольку его в первую очередь интересовал эндшпиль исследования, а не его дебют.

Конструируя развитие теории цивилизаций в XVIII–XX вв., я вслед за отечественными учеными вышел на проблему определения понятия «цивилизация»; и здесь я отважился на немислимое: пытаясь предложить собственное определение данного понятия и потерпев по понятным причинам на этом пути сокрушительное поражение, я смог сформулировать его четырехчленную классификацию, которой горжусь до сих пор. Мне удалось не только выделить в понятии «цивилизация» четыре основополагающие разновидности, но и показать

⁵ См.: Барг М.А. О категории «цивилизация» // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 30.

⁶ Ионов И.Н. Теория цивилизаций: этапы становления и развития // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5. С. 33.

четкую логическую преемственность между ними: каждое последующее определение на очередном историческом этапе развития включало в себя все предыдущие, приобретая – подобно луковке – еще один понятийный слой (см. таблицу ниже).

<i>Этапы развития теории цивилизаций</i>	<i>Определение понятия «цивилизация», характерное для каждого этапа</i>
XVIII в.: просветительский этап	Цивилизация как состояние общества, противоположное варварству и характеризующееся господством «разума» в просветительском его понимании.
XIX в.: позитивистский этап	Цивилизация как процесс перехода из состояния варварства в состояние цивилизации, характеризующееся производством и накоплением материальных вещей
Первая половина XX в.: теория «локальных цивилизаций»	«Локальная цивилизация» как относительно закрытый и монолитный комплекс (по типу монады), характеризующейся специфической культурой (религией или их разновидностями) и существующий на определенной территории определенное время; поскольку в рамках «локальной цивилизации» развивается весь процесс цивилизации, то и варварское и цивилизованное состояния приобретают здесь свою локальную специфику.
Вторая половина XX в.: глобально-цивилизационный подход	Цивилизация как все человечество, или «общечеловеческая цивилизация», в рамках которой существуют свои варварские и цивилизованные общества, первые превращаются во вторых, происходит соперничество «локальных цивилизаций».

Выявив в общественной жизни два состояния – варварское и цивилизованное (второе просветители приписали передовой на тот момент Европе, прежде всего Франции, а первое – всему остальному миру), – основоположники теории цивилизаций по понятным причинам (прежде всего, уровень развития их исторической науки) так и не смогли показать историческую преемственность между ними: их варвары никак не могли стать цивилизованным обществом, а цивилизованные общества, соответственно, вопреки всякой исторической очевидности никогда не были варварскими.

Здесь, помимо всего прочего, мы имеем дело и с генезисом европейских национализмов, благодаря чему даже в рамках Европы одна нация начинает

утверждать собственное превосходство над другой⁷. Один только пример. В 1782 г. почти неизвестный сегодня французский просветитель Н. Массон де Морвильер, работая над 206-томной «Методической энциклопедией», поставил довольно провокационный вопрос «Чем мы обязаны Испании?» и дал на него следующий ответ, который не только возмутил испанскую интеллектуальную элиту, включая наиболее лояльную к Франции ее часть (так называемых «офранцузенных»), но и вызвал череду откликов, положив тем самым начало развитию уже испанского национализма: «В течение последних двух столетий, четырех столетий, десяти столетий, что она сделала для Европы? Сегодня этим слабым и несчастным колониям, которые постоянно нуждаются в защите своей метрополии, нужно оказывать поддержку нашим искусством и нашими открытиями; однако эти безнадежные больные, которые даже не понимают, что больны, отвергают руку помощи. Понятно, что, если им нужен политический кризис для того, чтобы выйти из этого постыдного летаргического сна, на что они еще могут надеяться? Искусства спят, науки продаются! Без наших мастеров на их мануфактурах не обойтись совсем. Их ученые наставляют, но вынуждены прятать наши книги! В Испании нет ни математиков, ни физиков, ни астрономов, ни натуралистов!»⁸. Вспомнив некоторые из «Персидских писем» Ш.-Л. Монтескье и «Суждение об испанцах» М.Ж.А.Н. Кондорсе, мы можем утверждать, что позиция де Морвильера не была чем-то исключительным. Что уж говорить про Россию и всю остальную «не-Европу» в глазах французов XVIII в.

Однако в XIX в. ситуация начинает постепенно изменяться. Те же французы не только признают свое варварское прошлое, но и начинают использовать его для консолидации французской нации (героическая борьба галлов с римлянами, например), особенно после поражения в наполеоновских войнах. Одновременно расширяются и ряды цивилизованных обществ (исторически этот процесс начался еще во времена позднего Просвещения): основой европейскости становятся передовые для своего времени Франция и Великобритания, которые после 1815 г. во всех, как принято сейчас говорить, «экзистенциальных конфликтах» всегда были вместе (Крымская война, Первая и Вторая мировые, Холодная война и т.д.); в начале XX в. к ним присоединяются США, являющиеся по существу их прямым порождением. Но самое главное – развитие капитализма и вещных отношений позволяет позитивистам как прямым наследникам Просвещения не только увидеть торжество разума и его превосходство над эмоциональными варварами, но и потрогать цивилизацию как вещь, отследив ди-

---

⁷ См.: Василенко Ю.В. У истоков испанского национализма // Социум и власть. 2015. № 5(55). С. 73–77.

⁸ Цит. по: Cases V. La polémica España de Masson de Morvilliers. URL: <http://www.saavedrafajardo.org/Archivos/LIBROS/Libro0665.pdf>

намику ее развития в соответствии с количеством и качеством этих вещей. Одновременно и уровень вещных отношений становится для них критерием цивилизации; предельно понятный для нас пример, хотя и более поздний: джинсы, жвачка и Кока-кола как критерий цивилизованного Запада во времена перестройки в «нецивилизованном» СССР.

Появление теории «локальных цивилизаций» было связано в первую очередь с мировыми войнами, будь то «нулевая» Крымская для России, подтолкнувшая Н.Я. Данилевского на написание «России и Европы», или Первая мировая для О. Шпенглера и его «Заката Европы». В результате основное внимание в рамках теории цивилизаций смещается с внутренних состояний и процессов общества на внешнее противостояние с соседями, отсюда и культурно-пространственная и временная локальность – основной критерий для определения уже не столько даже границ цивилизации, сколько цивилизации вообще. Величие Шпенглера, помимо всего прочего, заключается в том, что он в рамках своего определения «локальной цивилизации» увидел и прежние ее определения, содержащиеся в ней в снятом виде: варварство, культура и цивилизация. Это придало его концепции как минимум двухмерное измерение; одновременно он старается преодолеть и присущий его предшественникам европоцентризм, хотя и остается во многом европоцентричным мыслителем, беря античные цивилизации (классическое образование дает себя знать) в качестве основополагающего критерия.

Тойнби заканчивает свое «Постижение истории» в 1960-е гг., вместе с началом эпохи глобализации, которая и заставляет его перейти от локальных Вызовов-и-Ответов к глобальным. При этом он очень хорошо понимал, что в рамках глобальной цивилизации сохраняются варварские и цивилизованные общества (то, что в дальнейшем будет названо «глобальным Югом» и «глобальный Севером»), продолжается процесс цивилизации как превращения первых во вторые (все, что связано с модернизацией стран «третьего мира» и не только), в духе теории «локальных цивилизаций» наблюдается «столкновение цивилизаций и передел мирового порядка», воспетые в геополитическом ключе С.Ф. Хантингтоном уже в 1996 г., в условиях совершенно иного по своему характеру глобального кризиса. Именно излишне упрощенное понимание глобальной цивилизации как некоего общечеловеческого монолита (или декартовской монады, более характерной для «локальной цивилизации»), помимо всего прочего, и привело к столь трагическим ошибкам руководство СССР при М.С. Горбачеве и далее при Б.Н. Ельцине: искреннее желание войти в глобальную – общечеловеческую – цивилизацию на равных обернулось для России неприемлемым для нее статусом варварского государства второго плана (пресловутая «бензоколонка с ядерной бомбой»), призванного следовать чуждой ей ло-

гике и бороться за чужие интересы. И если ряд постсоветских республик посчитали подобный вариант развития событий для себя приемлемым, то Россия, как водится, пошла другим путем: то, что сегодня называется многополярным миром – это и есть нечто иное, как равноправный союз «локальных цивилизаций». Отсюда и глобализм в российском его понимании принципиально отличается от прозападного, подминающего под себя как катком все «выпуклости» человечества. Отсюда и противоречия в идеологии современных российских глобалистов: желая включиться в глобальную цивилизацию, понимаемую ими как тотально вестернизированную, а не многополярную, они вынуждены не только отказываться от своей русскости полностью или частично, но и занимать по ряду вопросов антироссийские позиции, что автоматически крайне негативно сказывается на их статусе в России, если он им, конечно, хоть в каком-то виде нужен.

Очертив в итоге рамочные контуры теории цивилизаций, мы относительно легко смогли определить тот набор сущностных сил человека, которые закладывались избранными нами создателями теории цивилизаций в основу их авторских концепций, и наложить их на концептуально-методологическую рамку, предложенную В.В. Орловым.

1. Так, просветители XVIII в. предложили следующий набор сущностных сил человека:

<i>Представители просветительского этапа</i>	<i>Сущностные силы человека</i>
Дж. Вико	Нравы, разум и свободная воля ⁹ .
Вольтер (Ф.М. Аруэ)	Интеллектуальные достижения выдающихся людей, их нравственные качества (пороки или добродетели), главное из которых воля (фанатизм), выше которой может быть только рок, или судьба ¹⁰ .
А.Р.Ж. Тюрго	Разум, страсти, свобода; интерес, честолюбие, тщеславие ¹¹ .
Ж.-Ж. Руссо	Разум, страсти, потребности ¹² .
И.Г. Гердер	Разум как способ мышления и чувства (нравы, воля, или страсти) как способ восприятия мира ¹³ .
А. Фергюсон	Разум и воля ¹⁴ .

⁹ См.: Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М.-Киев, 1994.

¹⁰ См.: Voltaire. Essai sur les moeurs et l'esprit des nations. Paris: Imp. Ferd., 1899; Voltaire. Histoire de Charles XII. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1908; Voltaire. Le siecle de Louis XIV. Paris: Garnier Freres, Libraires-Editeurs, s.a.

¹¹ См.: Тюрго А.Р. Избранные философские произведения. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937.

¹² См.: Руссо Ж.Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969.

¹³ См.: Гердер И.Г. Избранные сочинения. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.

2. Позитивисты XIX в. предложили следующий набор существенных сил человека:

<i>Представители позитивистского этапа</i>	<i>Существенные силы человека</i>
А.К. де Сен-Симон	Разум ¹⁵ .
О. Конт	Сердце (чувства), разум (рассудок) и характер (деятельность), который имеет под собой такие основания, как нравы и воля ¹⁶ .
Ф.П.Г. Гизо	Разум (понимание и мысль) и свобода (воля и желание) ¹⁷ .
Г.Т. Бокль	Познания (разум), ощущения (нравы); воля, являющаяся основой нравственности ¹⁸ .
Г. Спенсер	Дух как чувствование (ощущения и эмоции), познание (отношения между чувствами) и воля (промежуточное звено между чувством и действием) ¹⁹ .
И.А. Тэн	Нравы, чувства и мысли ²⁰ .
Э. Дюркгейм	Действия, мышление и чувствование ²¹ .

3. Создатели теории «локальных цивилизаций» предложили следующий набор существенных сил человека:

<i>Представители теории «локальных цивилизаций»</i>	<i>Существенные силы человека</i>
Н.Я. Данилевский	Интеллектуальный и творческий, или духовный труд ²² .
О. Шпенглер	Формы, идеи, страсти, желания и чувствования ²³ .
А.Дж. Тойнби	Опыт, сознание и воображение ²⁴ .

¹⁴ См.: Начальные основания нравственной философии. Сочинение г. Адама Фергусона. М.: Напечатано при Императорском Московском университете, 1804.

¹⁵ См.: Сен-Симон А.К. Избранные произведения. М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1948. Т. 1.

¹⁶ См.: Конт О. Курс позитивной философии // Родоначальники позитивизма. Вып. 4. Огюст Конт. СПб.: Издание "Брокгауз-Ефрон", 1912.

¹⁷ См.: Гизо Ф. История цивилизации в Европе. Издание третье. СПб.: Склад у Н.И. Герасимова, 1905.

¹⁸ См.: Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. СПб.: Тиблен и Пантелеев, 1864. Т. 1.

¹⁹ См.: Сочинения Герберта Спенсера. Опыты научные, политические и философские. СПб.: «Издатель», 1899-1990. Т. 1-2.

²⁰ См.: Тэн И.А. Философия искусства. М.: Республика, 1996.

²¹ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда; Метод социологии. М.: Наука, 1991.

²² См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Книга, 1991.

²³ См.: Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: ВО «Наука», 1993. Т. 1: Образ и действительность.

²⁴ См.: Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.

4. Создатели глобально-цивилизационного подхода предложили следующий набор сущностных сил человека:

*Представители
глобально-циви-
лизационного
подхода*

Сущностные силы человека

П.А. Сорокин	Чувства, разум, вера ²⁵ .
К. Ясперс	Душевный порыв как интеллектуальное и духовное обновление ²⁶ .
Ф. Бродель	Духовная жизнь и разум ²⁷ .
Л.Н. Гумилев	Пассионарность как необоримое внутреннее стремление к целенаправленной деятельности ²⁸ .

Выступая с данной тематикой на различных научных конференциях, я постоянно сталкивался с одними и теми же вопросами, которые можно было бы свести к двум группам. Первая касалась представленного круга авторов (их избыточности или недостаточности) и выбора их книг для анализа и адекватности итоговых обобщений; вторая – достоверности его результатов вообще: неужели они сводили всю сущность человека к нескольким обозначенным нами понятиям? Я традиционно отвечал на эти вопросы следующим образом.

Во-первых, круг авторов, действительно, может быть шире или уже (особенно недостаточно представленным нашим критикам всегда казался глобально-цивилизационный подход). Однако нужно иметь в виду, что за пределами теории «локальных цивилизаций» никакого, скажем так, институционализованного списка авторов применительно к теории цивилизации не существует в принципе. Наверняка, многие авторы вообще очень удивились бы, узнав, что некто их причисляет к теории цивилизаций, а кто-то, наоборот, посчитал бы себя несправедливо обойденным. Вместе с тем, если мы будем исходить не из недостижимой эмпирической полноты, а отталкиваться от определений понятия «цивилизация», то любой набор авторов становится уже не источником знания, как это бывает в последовательно эмпирических науках, а всего лишь иллюстрацией, подтверждающей тот или иной тезис, что для Философии вполне допустимо. Более того, в нашем случае речь шла всего лишь о кандидатской дис-

---

²⁵ См.: Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Издательство политической литературы, 1992.

²⁶ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Издательство политической литературы, 1991.

²⁷ См.: Бродель Ф. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988.

²⁸ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: ТОО «Мишель и Ко», 1993.

сертации, где было необходимо наработать определенный квалификационный минимум, поэтому работать «широкими мазками» было разрешено.

Во-вторых, мы анализировали такие работы, классический статус которых сомнений не вызывает ни у кого, что автоматически означало, что содержательно они и шире, и глубже, и наверняка интереснее. Более того, для многих из них проблема человеческой сущности являлась не только второстепенной, но и вообще присутствующей лишь имплицитно; т.е. мы задавали авторам вопросы, на которые они, вероятно, не собирались отвечать вообще (особенно это касается пусть и философствующих, но прежде всего историков). При этом, естественно, по большинству из них можно написать целый ряд специальных работ, и многие из этих работ давно написаны. Наша заслуга заключалась в том, что никто до нас подобные вопросы этим авторам прежде, насколько мы знаем, не задавал.

Насколько найденные нами ответы были неожиданными? Не очень и не всегда. Например, едва ли кого-то удивила первостепенность «разума» в концепциях просветителей. Также бросается в глаза и идеализм позитивистов, которые делают ставку на вещи, однако за пределами вещизма продолжают трактовать сущность человека в духе все тех же просветителей. Последовательный идеализм представителей теории «локальных цивилизаций» также стал одной из «ахиллесовых пят» этого этапа в развитии теории цивилизаций; столкнувшись лоб в лоб с материалистическим пониманием истории, эта теория начала быстро сыпаться, и сегодня она по-прежнему используется с тем же эвристическим потенциалом, что и столетие назад, т.е. как определенная оптика для описания той или иной культурной специфики, не считая, конечно же, актуального идеологического контекста, который опять-таки по определению не очень долговечен. Между тем, больше всего мы ожидали от глобально-цивилизационного подхода, который в отличие от предшествующих этапов должен был не противостоять материалистическому пониманию истории, а, наоборот, пользоваться его достижениями. Однако в итоге позитивисты Сорокин и Бродель и экзистенциалист Ясперс предпочли ходить «хоженными путями»; Гумилев же изначально искал некие альтернативы, да и не был философом в принципе.

Наибольший интерес наше исследование вызывало в части соотношения теории цивилизаций с теорией формаций, притом что несколько вариаций подобного соотношения было предложено уже к началу 1990-х гг. Так, еще в 1980 г. М.П. Мчедлов предлагал ввести в оборот исторической науки понятие «цивилизация» для сравнения данной формации и соответствующей ей совокупности «исторически однотипных цивилизаций»²⁹. В начале 1980-х гг. определенную попытку разработать теорию цивилизаций в рамках классического

---

²⁹ См.: Мчедлов М.П. Социализм – становление нового типа цивилизации. М.: Издательство политической литературы, 1980. С. 66–67, 73.

марксизма предприняла Л.И. Новикова, сведя понятие «цивилизация» к понятию «надстройке»; в глобально-историческом масштабе цивилизации уподоблялись ей «малым формациям»³⁰. Проблемы цивилизации с ростом уровня общественного потребления и развитием «общественно-производственных технологий» связывал Г.С. Гудожник, разрабатывая на этой основе и проблемы пространственного и временного разнообразия «локальных цивилизаций»³¹. Проблему учета локального параметра культурно-исторических систем как наименее разработанного в культуроведении поднимает в 1984 г. и армянский культуролог Э.С. Маркарян³². Однако кардинальным образом вопрос «формации или цивилизации» был поставлен лишь на круглом столе, проведенном изданием «Вопросы философии» в 1989 году³³, после чего теория цивилизаций начала уже открыто доминировать. В 1991 г. М.А. Барг напишет, что «одной из наиболее актуальных задач теоретической мысли... предстала необходимость превратить понятие “цивилизация”, которым историография до сих пор оперировала только как инструментом чисто описательным, в ведущую (высшую) парадигму исторического познания»³⁴. Определяя цивилизацию как «совокупность материальных, политических и духовно-нравственных средств», Барг, по существу, поставил данное понятие в одну плоскость с понятием «формация»; однако первичными в историческом исследовании теперь оказывались не процессы материального производства, а «экзистенциальные» проблемы³⁵. При этом структура действия «исторической необходимости», представленная Баргом для анализа «локальных цивилизаций», выглядела для исторического материализма довольно традиционно: 1. естественные условия и общественный способ воспроизводства жизненных средств; 2. способ политической организации общества; 3. институционализируемая религия³⁶; т.е. все та же формула «экономика – политика – культура».

В.В. Орлов предлагает совершенно иной подход к соотношению двух теорий, основанный не на том или ином их механическом совмещении (как правило, по принципу: экономика и политика в рамках теории формаций, а культура –

³⁰ См.: Новикова Л.И. Цивилизация и культура в историческом процессе // Вопросы философии. 1982. № 10. С. 56–60.

³¹ См.: Гудожник Г.С. Цивилизация: развитие и современность // Вопросы философии. 1986. №3. С. 33–43; Он же. Материальные основы многообразия цивилизаций // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 43–53.

³² См.: Маркарян Э.С. Культура как система (Общетеоретические и историко-методологические аспекты проблемы) // Вопросы философии. 1984. № 1. С. 122.

³³ См.: Формации или цивилизации? (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 34–59.

³⁴ Барг М.А. Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического исследования (Человеческое измерение) // История СССР. 1991. № 5. С. 71.

³⁵ См.: Там же. С. 72.

³⁶ См.: Там же. С. 74.

теории цивилизаций), а в первую очередь на собственной интерпретации теории формаций, что автоматически выводило его в парадигму, как бы сейчас сказали, креативного марксизма вопреки всем обвинениям в догматизме. Так, исторический процесс, с точки зрения В.В. Орлова, предстает как процесс развития человеческой сущности, отсюда каждая формация выступает как форма и этап в развитии этой сущности. Далее оставалось лишь раскрыть эту сущность в основополагающих ее элементах, называемых сущностными силами человека. Схематически сущность человека раскладывалась на три уровня (см. таблицу ниже).

<i>Уровень человеческой сущности</i>	<i>Сущностные силы человека</i>
1. «Актуальный»	Труд – Мышление – Общение
2. «Потенциальный»	Способности – Потребности
3. Индивидуальный (наше понятие)	Поведение и речь, индивидуальность и коллективность, свобода и ответственность, мораль, эстетическое отношение к миру, величие и достоинство человека ³⁷

И если «актуальный» уровень является фундаментальным, поскольку связан с антропосоциогенезом, а «потенциальный» – непосредственно производным от него, то индивидуальный как раз и предоставляет возможности для интеграции в теорию формаций любой вариации теории цивилизаций. Единственная поправка, которая напрашивается у меня все эти годы к предложенной В.В. Орловым сущности человека, заключается в необходимости заменить понятие «мышление» на более широкое – «сознание»; однако это уже проблема социально-философской онтологии, немного другая специальность.

Далее нам оставалось лишь выяснить, какие сущностные силы задействуются в теории цивилизаций (что мы и показали выше) и на основе этого определить место данной теории в раскрытии человеческой сущности. Как мы увидели, большинство авторских концепций в рамках теории цивилизаций опирается на понятие, скажем так, «разум плюс», причем этот «плюс» все равно не выходит за рамки понятия «сознание». Отсюда напрашиваются как минимум два основополагающих вывода. Первый (пессимистический): теория формаций как материалистическое понимание истории и теория цивилизаций как идеалистическое понимание истории несовместимы в принципе; что автоматически превращало все попытки их механического совмещения в потенциально бесплодные, если не сказать лукавые, поскольку в худшем случае речь шла об отка-

³⁷ См.: Орлов В.В. Фундаментальные проблемы философской антропологии // Новые идеи в философии. Пермь: Пермский госуниверситет, 1997. Вып. 6. С. 4.

зе от материализма в пользу идеализма. И второй (оптимистический): обе теории совместить возможно, но при обязательном соблюдении двух условий. Первое – теория цивилизаций работает лишь на индивидуальном уровне, где речь идет о том самом «разуме плюс», т.е. в пределах описательной культурологии, связанной с начальным изучением частных феноменов. И второе – даже на этом уровне теория цивилизаций должна быть переформатирована в материалистическом ключе, что изначально является довольно сложной задачей. Одновременно и детальная разработка теории формаций как современной материалистической историософской теории развития человеческой сущности во времени и пространстве по-прежнему остается актуальной.

Насколько я знаю, в планах В.В. Орлова был аналогичный анализ-соотношение и теории постиндустриального общества, которая первоначально относительно гармонично сосуществовала с глобально-цивилизационным подходом, однако постепенно вытеснила его с ведущих позиций, поскольку последний, что называется, не оправдал. Но это уже совсем другая история. Лично я на тот момент уже вернулся к себе иному, увлекшись испанистикой, и начал искать профессиональной реализации и счастья на других полях, сохранив однако в душе безгранично трепетную любовь к Философии вообще и крупномасштабным теориям исторического процесса, в частности. Я считаю В.В. Орлова одним из своих Главных Учителей и вечно буду ему благодарен за учебу и науку.

Т.Г. Чернова

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Пермского государственного национального
исследовательского университета

ГЛАВА 8. СУЩНОСТНЫЕ СИЛЫ ЧЕЛОВЕКА И НАПРАВЛЕННОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА (К ВОПРОСУ ОБ ЭВРИСТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ НАУЧНОЙ ФИЛОСОФИИ)

Научная материалистическая философия обладает значительным эвристическим потенциалом в объяснении природы и общества и опирается на данные современного естествознания и наук об обществе. Исторический материализм, открыв объективные законы существования и развития социальной формы материи, в состоянии достоверно объяснить исторические явления и этапы исторического процесса, проследить направленность и закономерный характер истории, сделать достоверные и научно-обоснованные выводы о будущих формах человеческого общества, сформулировать представление о сущности исторического процесса и смысле человеческого существования. Вместе с тем ступени, которые человечество проходит в своем развитии, обусловлены самим человеком, его сущностью. Каков человек, каковы его сущностные силы, в первую очередь способность к труду, к преобразованию природы, покорению ее сил и владению ими, такова и степень развития общества. Из способности к труду, из ее усложнения и развития, исторический материализм выводит последовательный ряд этапов человеческой истории. Каждый более высокий этап в развитии общества обусловлен покорением и присоединением к силам человека более мощных сил природы.

Природа сущностных сил человека, неуклонная тенденция к их усложнению и возрастанию определяют внутреннюю логику развития человека, его сущности. Эта логика заключается в том, что человек проникая в глубинные структуры мира, поднимает самого себя на более высокую ступень развития, прокладывает дорогу к своему безграничному существованию.

Усложнение сущностных сил человека от эпохи к эпохе, рост богатства их содержания и свободы развития, возрастание степени индивидуализации являются свидетельством направленности исторического процесса на самого человека; развитие его сущностных сил идет в направлении создания условий, когда действительным смыслом человеческого существования станет свободное развитие человеческой индивидуальности.

К. Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1857-1859 годов» и в «Капитале» были выделены три крупные ступени в развитии труда – ручной, машинный и автоматизированный – и соответствующие им типы экономических отношений. Ручному труду, связанному с присвоением относительно простых сил природы, соответствуют отношения личной зависимости; машинному – становление которого относится к периоду, когда человек ставит себе на службу сложные физические и химические силы, проникает в микромир – соответствуют отношения вещной зависимости человека от человека; а автоматизированному труду, связанному с еще более сложными силами природы, должны соответствовать отношения, исключающие зависимость человека в любой форме (личной или вещной) и предполагающие развитие свободной человеческой индивидуальности.

Две первые ступени в развитии труда и соответствующие им экономические отношения были для К. Маркса историческим фактом. В первую фазу автоматизированного производства высокоразвитые индустриальные страны вступили в конце 70-х годов XX века, поэтому современной науке предстоит ответить на вопрос: действительно ли новый тип труда создает условия для развития свободной человеческой индивидуальности и ведет к установлению качественно иных экономических отношений?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить особенности нового типа труда, рабочей силы и требований, предъявляемых к ней в условиях нового производства.

В современную эпоху существенно возрастает роль научных знаний в производстве, их систематическое применение с целью совершенствования техники и технологии производства. Труд все в большей мере начинает зависеть от применения законов науки к производству, а, соответственно, деятельность человека превращается в деятельность по управлению силами природы. С автоматизированным производством связан следующий крупный этап развития способности к труду. Способности, как и труд, имеют аккумулятивный характер, более сложный труд включает в себя менее сложный, способность к более сложному труду включает в себя способность к менее сложному. Способность к автоматизированному труду, будучи более сложной, включает в себя в обобщенном виде способность к машинному и ручному труду, но не сводится к последним, поскольку имеет собственное более сложное содержание, здесь задействовано целостное, всесторонне (в тенденции) развитие человека.

Труд в автоматизированном производстве в существенной мере зависит от индивидуальных способностей. Машинное производство выбросило за борт ручное искусство ремесленника, здесь сама машина стала виртуозом, она вместо рабочего обладает умением и силой. В таком производстве на первый план

выступает тенденция к выравниванию или нивелированию способностей рабочих, оно предполагает абстрактного, усредненного индивида, способного работать в общественно необходимом ритме. В автоматизированном производстве происходит возврат к целостному, универсальному, творческому труду. Усложнение труда, рост его содержания предъявляет новые требования к рабочей силе. Широкое внедрение наукоемких производств изменяет структуру занятых в нем лиц в сторону сужения лиц, занятых преимущественно физическим трудом и расширения количества работников преимущественно нефизического труда – специалистов, ученых, инженеров, техников. Постоянно растет образовательный и культурный уровень лиц, занятых на производстве. Рабочие, управляющие автоматическими системами машин, должны быть способными к восприятию и правильной интерпретации непрерывно протекающих производственных процессов, обладать умениями к обобщениям, к быстрому и самостоятельному принятию решений, быть хорошо образованными, знающими научные основы производства.

Такой труд требует не только широкой образовательной подголки, но и глубокой профессиональной подготовки, развитых навыков к труду. В автоматизированном производстве машиновооруженность и энерговооруженность рабочего во много раз выше, чем при работе на универсальных и специальных станках и механизмы гораздо сложнее, что возлагает огромную ответственность на человека, который должен в считанные минуты принять правильное решение и устранить сбой в работе технического устройства. Автоматизированный труд требует органичного сочетания физического и умственного труда, человек должен не только знать, как выполнить определенную работу, но и уметь это сделать.

На передний план выходит развитие общей способности к труду, на основе которой развиваются частные способности, приобретающие также целостный характер. Разделение труда сохраняется также и при автоматизированном производстве, однако оно (в тенденции) не порабощает личность, не уменьшает возможностей для развития ее способностей. Во-первых, при этом сочетаются умственный труд и физический, знания и умения в деятельности одного человека; во-вторых, это творческий труд; в-третьих, постоянное проникновение одних областей знания в другие позволяет человеку расширять круг исследуемых проблем.

Собственник средств производства столкнулся с тем, что человек является главным фактором производительных сил научно-технического типа, а производительность труда находится в прямой зависимости от индивидуальности человека, степени развития его сущностных сил. Когда корпорация «Дженерал моторс» оснастила завод самым передовым оборудованием (основные узлы, блоки автомобилей монтируются на модулях, которые называют «фабриками в

миниатюре»), то она встретила с тем, что для работы на этом оборудовании и для выпуска высококачественной продукции нужна и своеобразная рабочая сила, которая была бы заинтересована в своем труде. И руководство корпорации, исходя из того, что от работника можно получить высококачественный результат только в том случае, если он в нем заинтересован, модернизировала трудовые отношения, передала часть функций по организации труда и контроля за ним рабочим. Автономные бригады, а на модулях необходима бригадная форма работы, наделяются самостоятельностью, пользуются самоуправлением, организация трудового процесса передается на их усмотрение, что вселяет в рабочих большую уверенность в своих силах, способствует росту их компетентности, поощряет к новаторству¹.

Использование творческой рабочей силы научно-технического типа предполагает изживание иерархизированных систем управления, современный собственник средств производства не может эксплуатировать работников так, как это было на этапе классического капитализма (машинный тип труда), он апеллирует к работнику как личности, индивидуальности, создает условия для раскрытия творческого потенциала работников, их организаторских способностей, поскольку вынужден передавать производственные полномочия на более низкий уровень.

Так, классик теории менеджмента Питер Друкер обращает внимание на то, что в условиях современной экономики повышение производительности работников умственного труда требует максимально творческого подхода к их деятельности. «Ответственность за производительность целиком возлагается на самого работника. Работники умственного труда должны сами собой *управлять* (они, так сказать, сами себе менеджеры). Им необходима *независимость*... Непрерывная инновационная деятельность должна стать неотъемлемой частью умственной работы и включаться в производственное задание работника умственного труда; он должен отвечать за внедрение нововведений... Работнику умственного труда надо, с одной стороны, постоянно учиться, а с другой – постоянно учить... Надо, чтобы работники умственного труда *хотели* работать на данную организацию и предпочитали этот вариант всем прочим возможностям»².

В условиях нового, более сложного труда, по мере роста образовательного, технического, профессионального, культурного уровня рабочей силы существенно изменилась шкала ценностей наемного работника, на передний план

---

¹ Хлопин А.Д. Изменение капиталистической организации труда и личности работника // Рабочий класс и современный мир. 1987. № 6. С. 38.

² Друкер П.Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. М.: Издательский дом «Вильямс», 2001. С. 190–191.

выходят потребности более высокого порядка – в организации производства, в управлении, в самостоятельном творческом ответственном труде.

Ориентация на универсальное развитие индивидов, саморазвитие их творческих способностей, предполагает опережающий рост инвестиций не в технику и технологию, а в индивидов, в индивидуальное развитие, ибо воплощение науки в вещественном элементе производительных сил опосредуется воплощением ее в личном элементе.

В современном производстве открываются потенциальные возможности для проявления индивидуальных способностей, однако эта тенденция находит противодействие со стороны менеджмента, поскольку объективно развившиеся способности рабочих самостоятельно управлять трудом угрожают сужением власти менеджеров. В связи с этим капитал стремится формализовать трудовой процесс, обеднить его содержание на данном этапе развития автоматизированного производства – это, видимо, еще возможно. Например, через упрощение труда работников основного производства – операторов – наряду с повышением роли и сложности труда работников вспомогательного производства – наладчиков, контролеров, ремонтников. Это вызывает противоречие между теми способностями, которые имеет рабочий, и возможностями их проявления. Социологические опросы рабочих в Швеции приводят как типичное мнение рабочего, который заявил, что повышение заработной платы для него не самое главное. «Я хочу, – говорит он, – иметь возможность более непосредственно участвовать в решении вопросов, в том, что происходит вокруг меня, я хочу более широкого участия»³.

Открывшиеся возможности для творчества и индивидуального развития сущностных сил человека постоянно наталкиваются на ограничения со стороны капитала.

Создавшиеся сегодня возможности развития индивидов создают видимость своеобразной гуманизации капитализма, но в своей сущности капитализм остается капитализмом, главной целью которого является увеличение прибавочной стоимости за счет эксплуатации. Работники, особенно в сфере современного наукоемкого производства, получают высокую заработную плату, получая материальное удовлетворение. Но как отмечают П.Н. Кондрашов и К.Н. Любутин, рано или поздно чувство удовлетворения, основанное на скрытом антагонизме, выходит наружу и выступает в форме апатии, тревоги, немотивированной агрессии, стресса, невротических состояний, поскольку люди, работающие в корпорациях равнодушны, безразличны друг другу в челове-

---

³ Волков А.И. Человеческое измерение прогресса. М., 1990. С. 262.

ском смысле, они рассматривают друг друга как конкурентов, между ними нет дружеских отношений⁴.

Капитал пока еще жестко эксплуатирует умственный труд. В. Рюгимер, доктор философии, редактор журнала «Демократическое образование» (ФРГ), посетивший «Силикон вэлли» или «Кремниевую долину», крупнейший район сосредоточения предприятий новой технологии (США), описывает труд техников, исследователей, инженеров, которые работают по 12–14 часов, иногда и в выходные дни. Личная заинтересованность в решении задач, с одной стороны, а особенно конкуренция множества работников, готовых делать то же самое за меньшую плату, с другой стороны, ведут к чрезмерным нагрузкам, в результате чего во многих случаях в жертву приносится развитие личности, семейная и общественная жизнь. Специфика работы на этих предприятиях такова, что во время работы над проектами люди практически не могут уйти в отпуск. Такой интенсивный и сверхнапряженный труд долго выдержать невозможно. Так, В. Рюгимер пишет, что после интенсивной трехлетней работы, когда задание было выполнено, коллектив, создававший компьютер «Макинтош», расформировали, «в результате такой работы состояние многих можно было сравнить с состоянием «выжатого лимона», другие же бывшие члены коллектива в силу своей чрезвычайно узкой специализации не могли найти себе новую работу»⁵.

Антигуманистическое содержание развития индивида при капитализме состоит в том, что человека превращают в инструмент, в средство для увеличения капитала. И, если для достижения этих целей требуется развитие индивида, создаются условия для его развития, но в определенных пределах. Капитал, конечно, не блокирует всякое социокультурное развитие трудящихся, но он пытается направить это развитие в определенное русло, в котором оно не подрывает условия его господства.

Таким образом, мы видим противоречие: в условиях нового типа труда экономической необходимостью становится всестороннее развитие человека, его творческих способностей и потребностей, проявление индивидуальности и свободы, подлинной коллективности, однако эта социализация, осуществляется на капиталистической основе. Но с другой стороны, – как отмечают П.Н. Кондрашов и К.Н. Любутин, – здесь мы наблюдаем еще одну весьма замечательную вещь: хотя весь этот процесс движется в своей буржуазной, а значит, эксплуататорской и бесчеловечной форме, тем не менее в его рамках постепен-

---

⁴ Кондрашов П.Н., Любутин К.Н. Глобализация и развитие индивида // Философия и общество. 2011. № 4. С. 55.

⁵ Рюгимер В. Новая техника – старое общество: Кремниевая долина. М., 1988. С. 39.

но конституируются элементы социалистичности и соответственно подлинного гуманизма, но предстают в современном капитализме в превращенной форме»⁶.

Эти элементы социалистичности и подлинного гуманизма приходят сегодня в противоречие с частной формой присвоения. Однако в условиях технологической революции, в условиях постоянного совершенствования техники и технологии стремлению капитала к упрощению, формализации процесса труда противостоит другая более мощная тенденция, ведущая к повышению роли человека в производстве, к превращению его из пассивного исполнителя в творческого субъекта, а, отсюда – к изменению его положения в системе экономических отношений. Однако эта тенденция может быть реализована в обществе, в котором «индивид, его развитие и счастье станут целью и смыслом... в котором индивидом не будет манипулировать никакая внешняя сила, будь то государство или экономическая машина»⁷. Сегодня автоматизированное производство находится в первой фазе своего развития, но по мере перехода его в следующие фазы, капиталист будет вынужден использовать более сложную технику, и, соответственно более высокоразвитую универсальную рабочую силу, лишившись возможности формализовать процесс труда.

В условиях возрастающего применения научных знаний в производстве профессии ученых, инженеров, техников и других специалистов становятся все более массовыми, но эта категория трудящихся сохраняет еще привилегированное положение в производстве. По мере того, как их будет становиться все больше, их привилегированное положение будет неизбежно размываться, капиталу будет противостоять более сознательная, образованная и в силу этого потенциально более способная к самоорганизации и защите своих интересов сила.

Капиталистические производственные отношения, ядром которых является частная собственность на средства производства, становятся тормозом развития новых производительных сил научно-технического типа. Автоматизированное производство требует массовой подготовки интеллектуальной рабочей силы, способной контролировать и управлять сложным производством. Воспроизводство такой рабочей силы, – как отмечает А.Г. Глинчикова, – уже не является частным делом, а все больше становится прерогативой всего общества, поскольку творческая рабочая сила имеет специфическую природу существования и проявления, она нуждается в организации специфически общественных, нетоварных форм ее воспроизводства, в обществе, создающем людям возможность приобщаться к культуре. «Это воспроизводство складывается из максимально доступной системы образования, воспитания, совершенствования си-

⁶ Кондрашов П.Н., Любутин К.Н. Глобализация и развитие индивида // Философия и общество. 2011. № 4. С. 55.

⁷ Фромм Э. Бегство от свободы. М. 1990. С. 225.

стемы массовых коммуникаций, выработки новых форм мобильности индивида в рамках общественной структуры, технического, политического и юридического усовершенствования структуры социального общения»⁸. Капитал не может в адекватной форме воспроизводить новую рабочую силу научно-технического типа, поскольку она не имеет стоимости, а, соответственно, не может воспроизводиться в рамках стоимостных отношений, она не воспроизводится при помощи товаров и услуг, которые человек должен потребить, чтобы на следующий день иметь возможность приступить к производству как это было в условиях классического капитализма (машинный тип труда), ее воспроизводство предполагает развитие индивида, приобщение его к опыту предшествующих и современных поколений, творческое взаимодействие между людьми. Человек, занятый в наукоемком производстве, в большей степени заинтересован работать на проект с такими же творческими личностями, и предпочтет такую работу повышению заработной платы. «Потребность в вознаграждении – стимул отчужденного труда, каковым не является творческий труд. Вознаграждение есть «общественная компенсация» отчуждения человека от своей сущности в процессе нетворческого труда. В творческом труде человек не отчуждается от своей сущности, а реализует и развивает ее»⁹. Д. Белл характеризуя постиндустриальное общество пишет, что «в постиндустриальном мире труд является прежде всего взаимодействием между людьми... Тем самым из процесса труда и непосредственной практики исключается природа, искусственно созданные предметы, а остаются лишь люди, которые учатся взаимодействовать друг с другом. В истории человеческого общества это совершенно новая, не имеющая аналогов ситуация»¹⁰.

Глубокий анализ современного состояния складывающегося постиндустриального общества и тенденцией его развития был сделан в работах В.В. Орлова, который приходит к выводу о вырождении товарного производства и, вместе с тем, капитализма. С появлением всеобщего труда, связанного с гигантской производительностью, исчезнет пропорциональность между вещественным богатством, производимым обществом и стоимостью, абстрактным трудом, с исчезновением такого соответствия исчезнет и товарное производство¹¹.

Сущностью товарной стоимости является абстрактный труд, т.е. средние затраты средней рабочей силы. Сегодня происходит размывание абстрактного

---

⁸ Глинчикова А.Г. Может ли быть товаром интеллект и продукт его труда // Вопросы философии. 1997. № 3. С. 9.

⁹ Там же. С. 12.

¹⁰ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М. 1990. С. 46.

¹¹ Орлов В.В. Проблема будущего человеческой цивилизации // Новые идеи в философии. Пермь. 1999. Вып. 8. С. 20.

труда этой субстанции стоимости, поскольку конечный результат труда зависит не от того, сколько человек трудился по времени, а от того какие силы природы он приводит в действие и каким способом. «Всеобщий труд как субстанция новой стоимости, обладает безусловно более богатым и многообразным содержанием, чем физический труд и его составляющая – абстрактный труд, и не может иметь тех относительно определенных и четких, «аддитивных» выражений в форме цен, которые были присущи собственно товарному производству. Одной из существенных особенностей всеобщего труда является весьма интенсивный рост влияния индивидуальности в труде, потребностях, выборе и т.д.»¹².

Компьютеризированный труд, считает В.В. Орлов, является общественным по своей природе и потенциально предопределяет формирование общественной собственности в масштабах общества в целом. «Информация, как абстрактные материальные реальности, имеет всеобщий характер, объединяющий все формы производства. Единые информационные сети служат своего рода центральной нервной системой общественного организма. Сети, типа «Интернет» служат средством обобществления труда в масштабах человеческой цивилизации в целом»¹³.

Постиндустриальное общество – это, несомненно, капиталистическое общество, обнаруживающее тенденции, которые показывают, что капитализм движется в сторону общества с некапиталистическим образом жизни, отношениями и ценностями. Так или иначе, проблем изменения *характера собственности*, перехода от частной к общественной собственности касаются теоретики постиндустриального общества. Эта проблема ставится у Белла в связи с общественным характером главного фактора постиндустриального общества – информации. «Информация по самой своей природе есть коллективный, а не частный продукт (собственность)... Оптимальные социальные инвестиции в знание, позволяющие более широко распространять и использовать его, требуют разработки стратегии сотрудничества. Эта новая проблема, касающаяся роли информации в постиндустриальном обществе, ставит перед экономистами и политиками трудные теоретические и практические задачи»¹⁴. Д. Белл также отмечает, что «корпорация... не является в реальной жизни институтом частной собственности»¹⁵. М. Кастельс пишет о «коллективных собственниках коллективного капитализма»¹⁶.

---

¹² Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики. Пермь. 2013. С. 241.

¹³ Орлов В.В. Проблема будущего человеческой цивилизации // Новые идеи в философии. Пермь. 1999. Вып. 8. С. 20.

¹⁴ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М. 1990. С. 46.

¹⁵ Там же. С. 339.

¹⁶ Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М. 2000. С. 510.

Проблема общественной собственности ставится в связи с анализом расширения сферы нерыночных общественных услуг, о чем пишут Д. Белл, Дж. Гэлбрейт и др. В теориях постиндустриального общества также отмечается рост планового начала в современной экономике, о необходимости стратегического планирования идет речь в работах Э. Тоффлера, Д. Белла, М. Кастельса. Дж. Гэлбрейт пишет, что западное общество движется к плановой социализированной экономике, к новому социализму, который не имеет альтернатив и вызван к жизни обстоятельствами. Обстоятельства, которые вызывают такие изменения – это преимущественно плановый характер промышленного производства (крупные корпорации он относит к нерыночной, планирующей системе), рост государственной собственности и нерыночный характер сельского хозяйства, жилищного строительства, здравоохранения, образования¹⁷.

Таким образом, уже на начальных этапах становления автоматизированного труда складывается система производства с признаками социализации, которая порождает тенденцию роста непосредственно общественного труда и соответствующих ему экономических отношений.

---

¹⁷ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М. 1979. С. 347.

Н. И. Береснева

доктор философских наук, профессор кафедры
культурологии и социально-гуманитарных технологий
Пермского государственного национального
исследовательского университета

ГЛАВА 9. БЕСКОНЕЧНОСТЬ И ЯЗЫК В ФИЛОСОФИИ XX В.

Человек в своей практической деятельности изначально имел дело с отдельными, конкретными, ограниченными (определёнными) объектами. Однако, в отличие от животного, биологическая жизнь которого ограничена его экологической нишей – «умвельтом»¹ (примитивные организмы способны идентифицировать лишь то, что безусловно необходимо для их существования), человек – существо, открытое всему миру (в силу социальной сущности человеческого освоения мира, оно не ограничено ничем, кроме уровня собственного развития, наличия определённых исторических условий и совершенства применяемых для познания и преобразования мира материальных средств и методов исследования), но способное дистанцироваться от мира, противопоставлять себя ему.

Это проявляется уже с глубокой древности в его «тоске по бесконечности»², в способности рассуждать о мире, о его сущности по мере осознания своей силы, преодолевая ужас перед его стихийностью и беспредельностью. Такие рассуждения были бы невозможны без языка, являвшегося не преградой, а необходимым условием и средством таких рассуждений. Отмечая логико-психологический аспект появления идеи бесконечного, А.С. Кармин пишет, что она появляется в силу невозможности удержать мысль в рамках конечного, из логической необходимости бесконечного для научного познания³. И, следовало бы добавить, благодаря гибкости и универсальности языка, его уникальной способности к обобщению, удержанию абстракций.

Однако имеет ли идея бесконечности онтологическое основание? Этот мучительный вопрос, волновавший философскую мысль на протяжении тысячелетий, с особой остротой проявил себя в дискуссиях «гносеологистов» («эпистемологистов») и «онтологистов» во второй половине XX в.

---

¹ Понятие, введённое в научный оборот М. Шелером, сформулированное первоначально биологом Я. фон Икскульем, характеризует ограниченность природы животного, сферы его жизнедеятельности, определёнными границами – своей экологической нишей (Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988).

² Unamuno M. de. *Le sentiment tragique de la vie* / M. de Unamuno. P., 1965.

³ Кармин А.С. *Познание бесконечного*. М.: Мысль, 1981. С. 62.

Одновременно с этим возникает и ряд других до сих пор актуальных и спорных вопросов. Если бесконечное существует, то это бесконечность *чего*? Если это не свойство, не способ мышления, то это одна из характеристик, сторон реальности или её атрибут? Либо это главный атрибут Бога, Абсолюта, в сравнении с которым бытие мира конечно?

Как понимать бесконечное? Или это нечто неисчерпаемое (очень большое), или это существование действительно бесконечного? Это бесконечность становящегося, потенциального или актуального, ставшего, наличного многообразия материальных объектов, неограниченного качественного разнообразия свойств, отношений, форм, состояний материи?

Как связана бесконечность с другими предельными категориями (наряду с уже упомянутыми) – абсолютное, непрерывное, количество и качество, мера и, прежде всего, *реальность*?

Философская традиция, как правило, увязывает представление о реальности и представление о бесконечности. Даже отрицание бесконечности «всё-таки связывает (негативно) бесконечность и реальность»⁴. В силу этого неоднозначность представлений о реальности, о чём говорилось выше, коррелирует с неоднозначностью представлений о бесконечности. В зависимости от этих представлений по-разному предстаёт и язык: то как отражающий вечные сущности, схватывающий общее, бесконечное, то как слово Бога, то как форма, схема, символ, оторванный от реальности, то как послушное орудие мышления для порождения фантазий, пустых абстракций, то как соединяющий и схватывающий в общих названиях бесконечный поток впечатлений.

И в этом контексте встаёт явно или неявно ещё один вопрос, проходящий через тысячелетия, – *о познаваемости бесконечного*. История идеи бесконечности – это ещё и история попыток определить бесконечное, что уже само по себе является парадоксальным, поскольку определить бесконечное – это значит его как-то «оконечить». И в этой ситуации проявляется удивительная гибкость и диалектичность, универсальность (в том числе рефлексивность – способность говорить о себе самом) языка. Язык оказывается способным разрешить названный парадокс «до науки», выразить эту идею в словесной форме, а значит, «оконечить» бесконечное путём простого присоединения приставки «бес-» к слову «*конечное*»⁵.

---

⁴ Барабашев А.Г. Бесконечность и неопределённость //Бесконечность в математике: философские и исторические аспекты. М.: Янус-К, 1997. С. 273.

⁵ Сходные словообразовательные модели есть и в других языках (например, лат. in-finitum и др.).

Семантика слов задаёт поле смысловых значений, т.е. дискретный язык обладает достаточной гибкостью, для порождения континуума смыслов⁶. Философские понятия и категории существуют в форме слов-терминов, следовательно, им в той или иной мере свойственны все те особенности, которые являются характерными для элементов языка. Несмотря на свойственное терминологии стремление к однозначности, развитие внутреннего содержания науки ведёт к накоплению спектра потенциальных смыслов, закрепляемых за одним понятием, вплоть до того, что содержание термина может свободно истолковываться даже совершенно противоречивым образом представителями разных направлений в науке. Прежнее этимологическое значение может вступать в противоречие с понятием, закреплённым за термином. В этом есть свои «плюсы» и «минусы».

Так, современные теоретические представления о бесконечности находятся в явном противоречии с этимологическим значением термина (отсутствие конца). В слове «*бесконечное*» изначально заложена возможность нескольких смыслов. Во-первых, это то, что плохо поддаётся счёту, но всё же счётное множество. Во-вторых, это бесконечно продолжающийся, длящийся ряд (ср. «*потенциальная бесконечность*»). В-третьих, это нечто, которое заранее превосходит любое конечное (ср. «*актуальная бесконечность*»). Развитие познания выявляет новые смыслы.

Проблема конечности человеческого опыта и бесконечности мира получила новый смысл и приобрела исключительную актуальность в XX в. Кантовское положение о принципиальной ограниченности человеческого опыта, имплицитно содержащееся в поставленных им вопросах: как возможны «чистая математика», «чистое естествознание», «метафизика как наука»? – в XX в. приобретает особую остроту, поставлено «в явственном и теоретически чистом виде»⁷ в связи с прогрессом науки, раздвинувшим пределы познания «вглубь» и «вширь», а также с состоянием философской мысли.

Ответом на первый кантовский вопрос явилась коперниканская революция в математике. Развились метрическая, проективная и другие геометрии, топология и теория множеств, алгебраические дисциплины (теория групп, теория структур), совершили открытия, содержащие богатый эмпирический материал для философии, Б. Риман, Г. Кантор, Э. Цермело, Ж.А. Пуанкаре, Г. Вейль, Д. Гильберт, К. Гёдель, П.С. Урысон, А. Коэн. «Лавина открытий в точных

---

⁶ См.: Налимов В.В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Тбилиси: Мецниереба, 1978. Т. 3. С. 287–291; Он же. Осознающая себя Вселенная // Астрономия и современная картина мира. М.: ИФ РАН, 1996.

⁷ Орлов В.В. Научная философия как основа интеллектуального потенциала общества // Новые идеи в философии. Пермь, 2001. Вып. 10. С. 12.

науках выдвигает очень серьёзные, быть может, даже жестокие требования к пишущим о бесконечности»⁸.

Новые открытия конца XIX – начала XX в., свидетельствующие о сложности атома, его делимости, о дефекте массы, взаимопревращении вещества и поля, привели к серьёзному кризису физики, который был разрешён в работе В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»: «электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно *существует*»⁹. Выражение «материя исчезла» – это показатель философской незрелости тех ученых и философов, которые не поняли возможности науки постоянно открывать новые формы материи и принципы её движения: «“Материя исчезает”, – это значит, исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идёт глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т.п.) и которые теперь обнаруживаются как относительные, присущие только некоторым состояниям материи»¹⁰.

Книга Ленина явилась существенным шагом в развитии диалектического материализма и дала образец интерпретации философией революционных изменений в науке, взаимоотношений, сотрудничества, плодотворного и для философии, и для науки.

Среди других идей, представляющих серьёзный вклад в развитие онтологии и гносеологии, следует назвать ленинское определение материи (см. выше, часть 1). Впоследствии это определение стало предметом философских дискуссий. Ленинский подход к определению материи, акцентирование его внимания преимущественно на вопросах гносеологии (вполне понятное в условиях кризиса естественных наук), стало одним из аргументов «гносеологистов» в их споре с «онтологистами».

В XX в. революционные изменения в физике продолжают. В связи с усилением влияния на результаты исследования приборов и теоретических установок некоторые физики поставили под сомнение реалистическую предпосылку предмета исследования (см. выше, часть 1).

Новые средства наблюдения позволили увеличить в XX в. радиус наблюдаемой Вселенной, уточнить строение нашей и открыть новые галактики, новые типы небесных тел. Происходит революция в космологии, начало которой положили работы А. Эйнштейна, А.А. Фридмана, Ж. Леметра. Классическая космология (где «Вселенная рассматривалась как статическая система, безгранич-

⁸ Наан Г.И. Понятие бесконечности в математике и космологии. С. 71–72.

⁹ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. С. 241.

¹⁰ Там же. С. 275.

ная в пространстве и во времени»¹¹) сменилась релятивистской космологией, в которой конкурируют две модели эволюционирующей Вселенной – открытая и закрытая¹².

Новые выводы релятивистской космологии свидетельствуют уже не только об «исчезновении» материи, но и о её противоположных характеристиках: об увеличении её физических параметров, как это произошло при «рождении» Вселенной около 15 млрд лет назад, или о стремлении массы любой сколь угодно малой материальной частицы к бесконечности при приближении её скорости к скорости света (физически это означает, что ни одно тело не может двигаться со скоростью, превышающей скорость света; а это ещё один довод в пользу ограниченности возможностей человека в освоении бесконечного мира).

Эти открытия для отечественной философии 1960-1980 гг. стали «испытанием на прочность». Достижения наук в XX в. ещё раз продемонстрировали силу разума, его беспредельные возможности, но одновременно проявилось и «давление» бесконечности на разум. Однако дальнейший прогресс, прорыв, произошедший в естественных науках, особенно в космологии (усиление реализма в науке), парадоксальным образом привёл не к усилению позиций научного интеллекта в философии, а к определённом «откату» не только от завоеваний диалектического материализма, но и от гегелевской диалектики, к возврату назад, к Канту.

Таким «откатом» назад к Канту явился вновь проявивший себя «синдром Негели» – в форме идеи о постулативности (аксиоматичности, гипотетичности) основных положений диалектического материализма, выдвинутой рядом советских авторов в 1960-е гг. в связи с решением вопроса о конечности или бесконечности Вселенной. Впервые об этом заявили известные отечественные философы Э. Кольман, Э.М. Чудинов в 1965 г. Эти положения с разной степенью определённости и последовательности позже были представлены рядом авторов, в том числе и названными выше, в сборнике «Бесконечность и Вселенная» (1969)¹³ и в ряде других публикаций. Хотя о языке, на котором, собственно, и ведётся дискуссия, речь не идёт, но положение о постулативности косвенным образом (как будет показано ниже) ведёт к пересмотру и положений диалектического материализма о природе и сущности языка.

Позиция Э. Кольмана противоречива. С одной стороны, он подчёркивает, что «высказывания о конечности, но также и бесконечности пространства, вре-

¹¹ См.: Игнатович В.Н. Критические заметки по современной космологии // https://philoflot.narod.ru/Ignatovich_Kritic_zamet_kosmolog.htm (дата обращения: 07.10.2023).

¹² См.: Дубровский В.Н. Самоорганизация пространства-времени в процессе эволюции Вселенной // *Астрономия и современная картина мира*; Хайтун С.Д. *Эволюция Вселенной // Вопросы философии*. 2004. №10; и др.

¹³ *Бесконечность и Вселенная*. М.: Мысль, 1969.

мени и т.д. являются лишь гипотезами». При этом Кольман апеллирует к аргументам опыта: «Так как опыт человечества конечен, ни та, ни другая гипотеза не может быть ни прямо, ни косвенно ни доказана, ни опровергнута». Но далее он пишет, что «концепция финитизма имеет то преимущество, что ставит всякий раз научную проблему – искать тот предел, за границами которого те или другие понятия, законы и т.д. теряют значение»¹⁴.

Чтобы примирить противоречия и соотнести их с положениями диалектического материализма, следует ещё один вывод, также содержащий противоречие и к тому же искажающий суть положений научной философии о пространстве и времени: «С диалектико-материалистической точки зрения, как указал Ленин в “Материализме и эмпириокритицизме”, неизбежно лишь то, что время и пространство материальны, что они существуют независимо от нашего сознания и что они *познаваемы* (курсив мой. – Н.Б.)»¹⁵. Но если они познаваемы, как же быть с «гипотезами», о которых шла речь выше и которые являются предположительными суждениями о закономерной (причинной) связи явлений (греч. *hipóthesis* – «предположение»)?

Тем, что подвергнута сомнению идея бесконечности пространства и времени, по мнению Кольмана, «не наносится никакого ущерба материалистической диалектике, а как раз наоборот, ибо диалектика “бесконечного”, а следовательно, неопределённого уступает место диалектике огромно большого и огромно малого, конечного, определённого»¹⁶.

Здесь следует сделать небольшое отступление, в связи с возникновением в этом контексте понятия «неисчерпаемости» (для человека) познания природы (как очень многого, большого), т.е. «там, где появляется бесконечное, необходимо видеть диалектику громадно большого ..., что вовсе не противоречит принципам материалистической диалектики»¹⁷.

---

¹⁴ Кольман Э. Современная физика в поисках дальнейшей фундаментальной теории // Вопросы философии. 1965. № 2. С. 119. На это обстоятельство обращает внимание также А.С. Кармин, статья которого помещена в том же номере журнала (Кармин А.С. К постановке проблемы бесконечности в современной науке // Вопросы философии. 1965. № 2). А Л.Б. Баженов и Н.Н. Нуцубидзе замечают, что «очень спорно положение о методологическом преимуществе финитизма. Скорее инфинитизм (разумеется, соответственно понятию) заставляет “искать тот предел...”» (Баженов Л.Б. К дискуссиям о проблеме бесконечности Вселенной // Бесконечность и Вселенная. С. 132).

¹⁵ Кольман Э. Современная физика в поисках дальнейшей фундаментальной теории. С. 119. В научной философии пространство и время объявляются всеобщими формами бытия материи, её важнейшими атрибутами. К вопросу об их материальности нужно подходить более осторожно и взвешенно. См. об этом: Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания. М.: Наука, 1969.

¹⁶ Кольман Э. Современная физика в поисках дальнейшей фундаментальной теории. С.120.

¹⁷ Там же. С.121.

Попытка заменить понятие «бесконечность» понятием «неисчерпаемость», отмеченная выше, есть, на наш взгляд, своеобразная форма ухода от проблемы бесконечности. Она характерна не только для Кольмана. Некоторые другие философы также предлагали определять бесконечность как неисчерпаемость. Например, В.В. Казютинский пишет: «Бесконечность материального мира – это его неисчерпаемость, обусловленная ... бесконечным многообразием форм материи, бесконечной превращаемостью её форм»¹⁸. А.Н. Коблов писал по этому поводу, что «встречающееся в литературе определение бесконечности как неисчерпаемости не вполне удачно, ибо неисчерпаемость нельзя определить иначе, как через понятие бесконечности, так что при таком подходе трудно избежать логического круга либо тавтологии»¹⁹. В качестве примера такой тавтологии он приводит рассуждение А.С. Кармина: «Бесконечное... – это неисчерпаемое», а неисчерпаемость материи означает существование «необозримого многообразия материальных объектов, неограниченного качественного разнообразия свойств, отношений, форм, состояний материи»²⁰.

Сам Коблов предлагает следующий выход: «Понятие бесконечности ... лучше определить в связи с понятием материи, выводя его из последнего, а неисчерпаемость рассматривать как гносеологическое выражение бесконечности материи – неограниченность процесса познания»²¹. Однако, по нашему мнению, неисчерпаемость не может быть чисто гносеологическим понятием. Характеризуя процесс познания, понятие неисчерпаемости является одновременно и характеристикой предмета (*что* должно быть исчерпано). То есть оно является и гносеологической, и онтологической характеристикой одновременно.

По существу, за этим спором о понятиях просматривается спор о словах, о том, какое из них адекватнее выражает сущность бесконечности. За каждым из двух близких по значению слов встаёт поле смыслов, связанное с этимологией, с историей их употребления. В этой связи слово «бесконечное» в качестве термина оказывается предпочтительней. Слово «*неисчерпаемый*» означает «чрезвычайно обильный, не прекращающийся»²². То есть делается акцент на процессуальности. В то время как слово «*бесконечный*» помимо «отсутствия конца» означает «*беспредельность*» чего-либо, т.е. подчёркивается качество явления.

---

¹⁸ Казютинский В.В. Идея Вселенной // Философия и мировоззренческие проблемы современной науки. М.: Наука, 1981. С. 167.

¹⁹ Коблов А.Н. Диалектико-материалистическая концепция развития и современная физика. Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1987. С. 155.

²⁰ Кармин А.С. Познание бесконечного. С. 128, 130.

²¹ Коблов А.Н. Диалектико-материалистическая концепция развития и современная физика. С. 156.

²² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1964.

С другой стороны, оно включает в себя в одном из значений и сему «не прекращающийся».

Слово «неисчерпаемый» может быть контекстным синонимом к слову «бесконечный». Но развитие внутреннего содержания философии привело к закреплению за этими понятиями разных смыслов. Поэтому убедительной представляется позиция В.В. Орлова, который считает, что понятие неисчерпаемости не имеет отношения к понятию бесконечности, поскольку для очень маленького неисчерпаемым может быть нечто очень большое, но конечное. Собственно, об этом (громадно большом, но конечном) и говорит Кольман.

Вернёмся к проблеме постулативности категории бесконечности.

Э.М. Чудинов при рассмотрении этой проблемы, на наш взгляд, более последователен и определён, он даёт наиболее развёрнутое её обоснование. В отличие от Кольмана, он считает несостоятельными онтологические выводы о конечности Вселенной, нередко делаемые из факта построения конечных космологических моделей²³. Его доводы не могут вызвать возражений, когда он пишет, что «эмпирическое обнаружение положительной кривизны пространства и времени ... ещё не опровергает бесконечности Вселенной, если к ней относить всё сущее, так как это значение кривизны может иметь чисто локальный характер»²⁴.

Чудинов понимает семантическую неоднозначность термина «Вселенная» и необходимость различать метагалактику и Вселенную как мир в целом. Однако его критика финитивных тенденций имеет особый смысл – доказать аксиоматичность (принимаемость без логических доказательств в силу непосредственной убедительности) утверждений о бесконечности Вселенной, поскольку это невозможно сделать ни эмпирически, ни логически. «Решение проблемы бесконечности Вселенной должно состоять в проверке значения кривизны во всей бесконечной области. Иными словами, доказательство космологической бесконечности может быть осуществлено не менее как за бесконечное количество «шагов». Но это означает неразрешимость самой проблемы и делает проблему бесконечности Вселенной совершенно аналогичной некоторым неразрешимым проблемам, обнаруженным в математике и в математической логике.

Полученный результат можно обосновать и в терминах философского характера. Для вывода бесконечности Вселенной необходима бесконечная информация о бесконечном числе свойств пространства в целом. Или, что одно и то же, – положительное решение проблемы бесконечности означало бы овладение

---

²³ См.: Чудинов Э.М. Аксиоматический характер тезиса о бесконечности Вселенной... С. 320.

²⁴ Там же. С. 324.

всей абсолютной истиной, что невозможно ни на каком конечном этапе развития науки»²⁵.

Поскольку эмпирические данные всегда относятся только к ограниченной области Вселенной и мы не знаем, как «кривизна, определённая для этой области, ... будет вести себя за пределами наблюдений», то «чтобы сделать ситуацию более ясной и определённой, вынуждены постулировать однородность пространства Вселенной в целом». Таким образом, «решение проблемы бесконечности основывается на космологическом постулате» (утверждении, принимаемом в рамках какой-либо научной теории за истинное, хотя и недоказуемое её средствами, от лат. *Postulatum* – «требование»), поэтому и «формулируемый тезис о бесконечности или конечности Вселенной имеет постулативный характер»²⁶.

Этим положением Чудинов предельно заострил вопрос о соотношении части и целого, о достоверности переноса индуктивных заключений от частного к общему, о возможности универсальных обобщений о мире в целом, сделанных на основе исследования его конечной части. Этот вопрос имеет фундаментальное значение как для философии, так и для частных наук. Чудинов полагает, что вывод о бесконечности Вселенной невозможно сделать на основе данных эмпирического порядка («*in finitum actu non datur*»). Взятая абстрактно, вне рассмотрения характера, качественного своеобразия частного (степени его репрезентативности в отношении целого), на основании которого делаются выводы об общем, индукция действительно становится непреодолимым препятствием для познания сущности бесконечного мира конечным человеком.

«Вместе с тем, – пишет Чудинов, – космологическая бесконечность не может быть доказана логически. Утверждение о бесконечности Вселенной, в силу его аксиоматичности и независимости, нельзя получить из каких-либо других принципов, которые в свою очередь не опирались бы на допущение, эквивалентное принципу бесконечности»²⁷. То есть доказательство основывается на *petitio principii*²⁸. Проблема бесконечности Вселенной «является открытой в силу её неразрешимости в терминах двужначной логики»²⁹.

В этих рассуждениях (Э. Кольмана, Э.М. Чудинова) парадоксальным образом происходит подрыв возможности существования самого языка, на котором происходит дискурс о бесконечности. Кантовский ужас перед бесконечностью, преодолённый Гегелем, вновь чувствуется в этом бессилии интеллекта перед

---

²⁵ Чудинов Э.М. Аксиоматический характер тезиса о бесконечности Вселенной...

²⁶ Чудинов Э.М. Общая теория относительности и пространственно-временная структура Вселенной // Вопросы философии. 1967. № 3. С.70.

²⁷ Чудинов Э.М. Аксиоматический характер тезиса о бесконечности Вселенной... С. 323–324.

²⁸ Аргумент, основанный на выводе из положения, которое само ещё требует доказательства.

²⁹ Чудинов Э.М. Общая теория относительности и пространственно-временная структура Вселенной. С.70.

громадой бесконечности. В идее постулативности философских категорий про-
сматривается мысль о невозможности доказательства определённости, а значит,
единства и единообразия мира. Однако в так понимаемом мире, в котором не-
возможна закономерность, может царить только хаос. В хаосе был бы невозмо-
жен язык, который бы позволил сделать заключение о хаосе, если это не язык
химер и фантомов. Поэтому само существование языка, делающего заключения
о мире, с необходимостью предполагает существование определённости в бес-
конечном мире.

Более обстоятельно и широко постулативная концепция представлена в
«программном» (в этом отношении) сборнике «Бесконечность и Вселенная»
(1969 г.), в котором помимо уже названных выступают и ряд других известных
учёных (Г.И. Наан, Л.Б. Баженов, Н.Н. Нуцубидзе, В.С. Тюхтин и др.).

Э. Кольман в статье, помещённой в этом сборнике, помимо приведённых
выше аргументов отмечает, что на решение вопроса о конечности / бесконечно-
сти мира влияет невозможность задействовать метод «от противного»: «Основ-
ным методом познания как в повседневной жизни, так и в науке служит сравне-
ние: посредством его мы устанавливаем различия и сходства вещей. Но где их
взять, раз Вселенная – совокупность всего материального бытия – существует
по самой своей сути лишь в одном экземпляре?»³⁰ А из этого следует, что «Все-
ленная неповторима, и поэтому нельзя, собственно, говорить о законах, приме-
нимых к ней в целом, а следует говорить только о законах, относящихся к её ча-
стям»³¹.

Э.М.Чудинов, развивая идею, представленную выше, доказывает, что ни
утверждение «Вселенная бесконечна», ни утверждение «Вселенная конечна» не
могут рассматриваться как удовлетворительное решение проблемы бесконечно-
сти. Он указывает на ряд форм неальтернативного решения проблемы беско-
нечности: «а) каждое из утверждений – "Вселенная бесконечна" и "Вселенная
конечна" может быть доказано, вследствие чего данная пара альтернативных
высказываний образует антиномию; б) ни одна из упомянутых альтернатив не
может считаться решением проблемы бесконечности ввиду неприменимости к
ней закона исключённого третьего; в) конечность и бесконечность пространства
и времени не являются взаимоисключающими альтернативами вследствие от-
носительности различий между ними»³². Какой же вариант решения проблемы
бесконечности предпочтителен? «Здесь взгляды космологов расходятся, а име-

---

³⁰ Кольман Э. О конечности и бесконечности Вселенной. С.143.

³¹ Там же.

³² Чудинов Э.М. Логические аспекты проблемы бесконечности Вселенной в релятивистской космологии // Бесконечность и Вселенная. С. 209–210.

ющиеся эмпирические сведения недостаточны для того, чтобы дать однозначный ответ»³³.

Позже по поводу аргументов, приводимых Чудиновым, А.М. Мостепаненко приводит следующие рассуждения: когда исследователи делают вывод о неразрешимости проблемы бесконечности в рамках релятивистской космологии (в рамках двузначной логики), неявно они исходят из возможности распространения на «мир в целом» понятий метрической конечности / бесконечности и «просто обнаруживается, что как утверждение о метрической бесконечности мира в пространстве и во времени, так и его отрицание являются неосмысленными»³⁴. Предположение о том, что «многообразие исследуемых явлений хотя бы в принципе может быть описано моделью, в которой посредством особого постулата принимается положение о бесконечности (конечности) мира» – неправомерно: «Антиномии Канта, как и многие другие, разрешаются не путём перестройки логики, а посредством обобщения наших содержательных понятий и представлений, путём приведения их в соответствие с неисчерпаемым богатством объекта научного познания»³⁵. Однако авторы рассматриваемого сборника (Бесконечность и Вселенная, 1969) пошли другим путём.

А.С. Кармин, развивая идеи Чудинова, обнаружил, что доказательство не только бесконечности, но и конечности мирового пространства и времени содержит логический круг. И положения о бесконечности, и положения о конечности Вселенной с точки зрения логики оказываются не только недоказуемыми, но и непроверяемыми³⁶.

Введение понятия постулата для оценки философских понятий имеет слишком принципиальный характер, чтобы оставить его без внимания. Оно, как считает В.В. Орлов, отнимает у философии одно из её главных достоинств – доказуемость (а следовательно, – достоверность). Если принять эту концепцию, то следует признать, что философское знание не обладает истинностью. Увлечение переносом (непосредственным, без предварительной теоретической рефлексии) в область философии математических понятий (аксиома, постулат) «не считается с тем решающим обстоятельством, что доказательства в науке отнюдь не сводятся к их формально-дедуктивному варианту, характерному для

---

³³ Чудинов Э.М. Логические аспекты проблемы бесконечности Вселенной... С. 218.

³⁴ Мостепаненко А.М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире. М.: Политгиздат, 1974. С. 174.

³⁵ Там же. С. 175.

³⁶ Кармин А.С. Космологические представления о конечности и бесконечности Вселенной и их отношение к реальности // Философские науки. 1978. № 3. С.20; см. также: Казютинский В.В. Философские проблемы исследования Вселенной // Вопросы философии. – 1980. № 12. С. 89.

математики»³⁷. Аксиомы, недоказуемые в пределах математики, «доказуемы диалектически, поскольку они не чистые тавтологии»³⁸.

Концепции Э. Кольмана и Э.М. Чудинова, согласно классификации Л.Б. Баженова и Н.Н. Нуцубидзе, отнесены к разряду нетрадиционных³⁹. Однако степень нетрадиционности большинства авторов названного сборника (Бесконечность и Вселенная, 1969) разная. Наиболее последовательно эта нетрадиционность представлена в концепции Г.И. Наана (об этом говорит и сам Наан)⁴⁰. Поэтому естественно, чтобы выявить особенности «нетрадиционного» подхода философии к решению проблемы бесконечности в 1960–1980-е гг., необходимо рассмотреть именно эту концепцию более подробно.

Ещё в начале 1960-х гг. известный отечественный философ Г.И. Наан вполне определённо высказывался по вопросу о роли философии в познании мира: «Мы считаем, что философия не может предложить какого-либо решения, помимо и независимо от наблюдательных и теоретических данных физики, астрономии, математики. Роль философии (в решении проблемы бесконечности. – *Н.Б.*) должна заключаться в том, чтобы, опираясь на уже достигнутое точными науками и обобщая его, указывать этим наукам направление и перспективы дальнейших поисков, предохранять их от возможного движения ощупью и вслепую»⁴¹. Сам же «вопрос о конечности или бесконечности мира может быть решён естествознанием, главным образом, космологией, которая находится на стыке астрономии, физики и философии»⁴². Философии, таким образом, отводится роль методологическая. Однако уже в этой статье автор выражает вполне оправданные сомнения в возможности достоверных выводов о бесконечности пространства Вселенной на основе упрощенных и схематичных данных космологии.

В последующих статьях эти идеи оформляются в целостную концепцию. Так, несколькими годами позже Г.И. Наан, выступая с критикой В.И. Свидерского⁴³, точка зрения которого «оказывается удручающе традиционной в конечных выводах»⁴⁴, делает серьёзное заявление, уравнивая абсолютное и беско-

---

³⁷ Орлов В.В. Материя, развитие, человек. С. 61–62.

³⁸ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 572.

³⁹ Баженов Л.Б., Нуцубидзе Н.Н. К дискуссиям о проблеме бесконечности Вселенной.

⁴⁰ Наан Г.И. Понятие бесконечности в математике и космологии. С. 8.

⁴¹ Наан Г.И. О бесконечности Вселенной // Вопросы философии. 1961. № 6. С. 104.

⁴² Наан Г.И. О бесконечности Вселенной. С. 105.

⁴³ «...Бесконечность есть мера как проявления, реализации абсолютного в относительном, так и выражения абсолютного относительным» (Свидерский В.И. О философском понимании конечного и бесконечного // Вопросы философии. 1964. № 6. С. 43).

⁴⁴ Баженов Л.Б., Нуцубидзе Н.Н. К дискуссиям о проблеме бесконечности Вселенной. С. 132.

нечное в качестве определения материи: мы ничего не выигрываем, назвав абсолютность существования материи ещё и бесконечностью⁴⁵.

Более отчётливо позиция Наана предстаёт в обстоятельной статье «Понятие бесконечности в математике и космологии», в которой сделан явный акцент на особой роли математики в познании бесконечности: «Математика настолько тесно связана с понятием бесконечности, что нередко её определяют просто как науку о бесконечном»⁴⁶.

В статье дан краткий исторический анализ математики, прошедшей через три кризиса собственных оснований, и каждый из кризисов был связан с бесконечностью. Автор пишет: «Три великих кризиса ... поставили три великие проблемы...: проблему непрерывности, проблему существования и проблему ничто»⁴⁷.

Подробно проанализировав проблемы математики, Наан делает далеко идущий общий вывод: «Бесконечность, во всяком случае на современном уровне наших знаний, нельзя вывести из конечного или определить через конечное. Бесконечность необходимо постулировать и рассматривать как одно из первоначальных, неопределяемых понятий»⁴⁸. Невозможно вывести понятие бесконечности непосредственно из физических явлений: «Дело физики (космологии) выяснить, к какому типу пространств относится физическое пространство-время и в соответствии с этим, какой тип бесконечности реализуется в физическом пространстве-времени»⁴⁹.

Каковы же место и роль философских построений бесконечности?

Предприняв краткий экскурс в историю философии с целью ответа на этот вопрос, Наан заключает, что в истории философии можно проследить «тенденцию рассмотрения философских построений бесконечности как обобщение данных конкретных наук, и тенденцию выдавать философское понимание бесконечности за нечто высшее по отношению к концепциям конкретных наук, за единственно “истинную” бесконечность»⁵⁰.

Правда, в истории философии были периоды, когда философская мысль опережала математическую (гегелевская диалектика конечного и бесконечного, которая была развита Энгельсом). А что касается настоящего времени, то автор отмечает, что современная философия отстаёт от уровня, достигнутого естественными науками. Поэтому философии следует не только «подтянуться», но и

---

⁴⁵ Наан Г.И. К проблеме бесконечности // Вопросы философии. 1965. № 12. С. 68.

⁴⁶ Наан Г.И. Понятие бесконечности в математике и космологии. С. 7.

⁴⁷ Там же. С. 14.

⁴⁸ Там же. С. 61.

⁴⁹ Там же. С. 63.

⁵⁰ Там же. С.67.

измениться, т.е. отказаться от некоторых традиций, из которых Г.И.Наан особо выделяет три:

– Традиция воевать с дурной бесконечностью, отождествляемой часто с количественной, математической (а это в свете достижений современной математики выглядит анахронизмом).

– Традиция отправляться при решении философских вопросов не от эмпирики, а от философских текстов. Анализ высказываний философов может применяться, но даёт он намного меньше, чем данные естественных наук.

– Традиция признавать за философией право на собственное представление о бесконечности, поскольку «философия оперирует не с реальной бесконечностью и даже не с абстракцией бесконечности, а с абстракцией абстракции бесконечности»⁵¹. В философской литературе о бесконечности, как считает автор, упорно сохраняется традиционная постановка вопроса: существует некий эталон философской бесконечности, который призваны иллюстрировать и конкретизировать конкретные науки.

Но, пожалуй, более определённо и отчётливо позицию последовательного «нетрадиционализма» в его отличии от традиционной концепции (которая ещё характеризуется как архаическая, наивная) выражает не Наан, а сами классификаторы – Баженов, Нуцубидзе. «На смешении бесконечности и безграничности, – пишут они, – строится обычно аргументация, призванная показать, что отрицание бесконечности (скажем, для определённости, бесконечности пространства) обязательно ведёт к отступлению от материализма»⁵². Не с идеей бесконечности пространства, а с «утверждением, что всё существующее существует не иначе, как в пространстве»⁵³, связан материализм. Пространство может быть замкнутым (конечным), что «совсем не означает введения каких-то границ, за которыми должно существовать что-то внепространственное»⁵⁴.

Назначение философии заключается не в самостоятельном выяснении наиболее общих свойств бесконечности, а методологическое («методология конкретного научного познания»⁵⁵). Философия «ничего не может сказать о бесконечности независимо от математики и естествознания»⁵⁶, она исследует абстракции бесконечности математики и естествознания в их отношении к реальному миру, «не допускает их абсолютизации, подчёркивает их относительный,

---

⁵¹ Наан Г.И. Понятие бесконечности в математике и космологии. С. 75.

⁵² Баженов Л.Б., Нуцубидзе Н.Н. К дискуссиям о проблеме бесконечности Вселенной. С. 130.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 131.

⁵⁵ Там же. С. 136.

⁵⁶ Там же.

приблизительный характер. В этом (и только в этом) и может заключаться “философское учение о бесконечности”»⁵⁷.

Однако – и это следует особо отметить в связи с критической оценкой позиций нетрадиционализма – даже самые последовательные нетрадиционалисты в своём отрицании традиционализма не всегда тверды и последовательны. Так, в названной статье Наана после утверждений о том, что бесконечность реального мира не может быть ни доказана, ни опровергнута, следует довольно необычный для учёного вывод, в духе кантианского *a priori*: «Существование реальной бесконечности доказывается тем, что мы вынуждены, если хотим правильно понимать мир, постулировать бесконечность в том или ином её аспекте, т. е. не можем без неё обойтись. Из этого мы заключаем, что она существует вне и помимо нашей воли и нашего сознания»⁵⁸. И далее следует противоречивое заключение: «Мы знаем, что материальный мир бесконечен, но никогда не знаем, в каком именно смысле»⁵⁹. В ссылке на вынужденность введения понятия бесконечности В.В. Орлов видит параллель с положением кантианской концепции, поскольку «вынуждать» человека пользоваться этим понятием может идущее от субъекта стремление к полноте и завершённости знаний⁶⁰.

Аналогичную непоследовательность, противоречивость проявляют и Л.Б. Баженов и Н.Н. Нуцубидзе: «...Речь должна идти, собственно, не о том, бесконечен ли мир, а о том, что эта бесконечность собой представляет»⁶¹.

Такая неопределённость и нечёткость собственной позиции («нетрадиционалистской»), двусмысленность выводов, заключений делает позицию названных авторов трудной для критики. Смысл, логика аргументов и доводов последовательных «нетрадиционалистов» убеждают, что их выводы о постулативности мира имеют не узкий (частнонаучный), а общий (философский) характер и, как следствие, ведут к пересмотру принятого в марксистской философии («традиционной») положения о качественно-количественной бесконечности мира, которая не может существовать иначе, «как в бесконечном пространстве-времени и бесконечном развитии»⁶². Но указание сторонникам названной позиции на то, что они, «не отдавая себе в этом отчёта ... по существу (т.е. фактически бессознательно и т.п.), приходят к отрицанию возможности каких-либо *достоверных* (не гипотетических, доказуемых) философских заключений о мире, т.е. к отрицанию возможности научного мировоззрения, к взгляду на диалекти-

⁵⁷ Баженов Л.Б., Нуцубидзе Н.Н. К дискуссиям о проблеме бесконечности Вселенной. С. 136.

⁵⁸ Наан Г.И. Понятие бесконечности в математике и космологии. С. 76–77.

⁵⁹ Там же. С. 77.

⁶⁰ Орлов В.В. Материя, развитие, человек. С. 74.

⁶¹ Баженов Л.Б., Нуцубидзе Н.Н. К дискуссиям о проблеме бесконечности Вселенной. С.131.

⁶² Орлов В.В. О некоторых вопросах теории материи, развития, сознания // Философские науки. 1974. № 5. С. 53.

ческий материализм как на априорную и недоказуемую концепцию (откуда с необходимостью следует, что возможна альтернативная ей идеалистическая концепция, столь же недоказуемая и неопровержимая)» и что «это, в сущности, есть возврат (непроизвольный – при самых лучших субъективных намерениях) к “удручающе традиционной” концепции Канта»⁶³ вызвало возражения. Авторы посчитали, что их концепция не понята и искажена.

Так, С.Т. Мелюхин пишет: «...данные авторы (Наан, Чудинов, Баженов, Нуцубидзе. – *Н.Б.*) ... вовсе не отрицают бесконечности мира, но стремятся вывить всю сложность процесса её познания и обоснования принципа бесконечности мира, раскрыть изменения в наших представлениях о содержании бесконечности»⁶⁴. Оказывается, что их выводы об аксиоматичности и постулативности действительны в рамках релятивистской космологии⁶⁵.

Обстоятельные доводы В.В. Орлова о необходимости использовать имеющийся потенциал диалектического материализма для обогащения, конкретизации его содержания на базе научных открытий, призыв к конструктивному союзу философии и науки без умаления роли философии в познании сущности мира, всеобщего в мире, сознательно упрощены С.Т. Мелюхиным: «В.В. Орлов представляет дело так, будто проблема бесконечности уже решена и истина находится в кармане, так что естествознанию в его развитии уже ничего не остаётся, как только подтверждать найденные в философии положения»⁶⁶.

Более решителен (и чересчур эмоционален, пристрастен, чтобы быть корректным) в своей реакции на критику Баженов, который не приводит ни одного серьёзного аргумента по существу доводов Орлова⁶⁷.

Но и даже более «лояльная» попытка В.И. Свидерского, А.С. Кармина и других отстоять самостоятельный статус философской науки в решении вопроса о бесконечности вызывает неприятие со стороны Баженова и Нуцубидзе. Несмотря на то что первые говорят о необходимости более глубокого понимания бесконечности и огромной роли в этом естественных наук, их философский традиционализм в подходе к бесконечности был объявлен квазинетрадиционалистским, т.е. оказался чреватым понижением их статуса (до «квази» – ‘мнимый’) в иерархии нетрадиционных концепций: «данные науки опять оказываются лишь подтверждением вырабатываемого философией понятия бесконеч-

---

⁶³ Орлов В.В. О некоторых вопросах теории материи, развития, сознания. С. 55.

⁶⁴ Мелюхин С.Т. Проблемы философской теории материи // Философские науки. 1974. № 5. С. 58.

⁶⁵ Там же. С. 64.

⁶⁶ Там же. С. 58.

⁶⁷ Баженов Л.Б. Некоторые замечания по поводу публикации В.В. Орлова // Философские науки. 1974. № 5.

ности. А это последнее при ближайшем рассмотрении оказывается традиционной натурфилософской дедукцией из общих понятий»⁶⁸.

На наш взгляд, ситуация, которая сложилась в 1960–1970 гг. в результате сдвигов в естественных науках, в известном смысле оказалась аналогичной той, которая сложилась в физике в начале XX в. Известно, что был прецедент и философской интерпретации революционных открытий в науке, обогативший и углубивший основные положения и категории диалектического материализма (см. выше). Теснейший союз философии и науки, продемонстрированный в той ситуации, оказался чрезвычайно полезным и для науки, поскольку философский анализ помог прояснить действительное положение дел в науке и указал ей выход из мировоззренческого тупика.

Казалось бы, историческая аналогия указывала на важное условие преодоления очередного затруднения в науке, связанного, по существу, со всё той же «неисчерпаемостью» материи (но уже не «вглубь», а «вширь»). Однако идеи, высказанные сторонниками «нетрадиционалистских» концепций, критика ими «традиционализма» выражали тенденцию сужения предмета философии, растворения философии в гносеологии, что означало не обогащение и углубление, а ревизию важнейших положений диалектического материализма. Гносеологические тенденции, обозначившиеся в отечественной философии ещё до описываемой дискуссии⁶⁹, оказались чреватые трудностями не только для развития самой философии, но и для науки в целом.

Связь философского гносеологизма с концепцией «постулативности» с особой отчётливостью нашла своё отражение в указанном сборнике («Бесконечность и Вселенная»). Показательно, что среди наиболее активных и последовательных авторов «постулативности» были как раз те, которые сводили философию к гносеологии: Э.М. Чудинов, делающий в своих исследованиях упор на логику; Л.Б. Баженов, Н.Н. Нуцубидзе («Задача философского анализа должна состоять в раскрытии движения человеческого познания, как оно реально осуществляется в естественнонаучном познании»; «Философия выступает не как наука наук, дополняющая естествознание и раскрывающая какие-то черты реальной бесконечности, которые естествознание раскрыть не в состоянии, а именно как методология конкретного научного познания»⁷⁰); Э. Кольман («Ко-

---

⁶⁸ Баженов Л.Б., Нуцубидзе Н.Н. К дискуссиям о проблеме бесконечности Вселенной. С. 132.

⁶⁹ См.: Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991 (глава «Дискуссия между эпистемологами и онтологами»). С. 61–65).

⁷⁰ Баженов Л.Б., Нуцубидзе Н.Н. К дискуссиям о проблеме бесконечности Вселенной. С. 133, 136.

нечна или бесконечна Вселенная – это прежде всего естественнонаучная проблема»⁷¹); Г.И. Наан.

То есть истоки концепции «постулативности» следует искать не только в трудностях, связанных с достижениями релятивистской космологии, но и в философских установках учёных, в состоянии отечественной философии в этот период. В этой связи следует подчеркнуть, что заслуга философов, принявших участие в дискуссии о бесконечности/конечности в том, что они будили «ленивую философскую мысль». Поэтому критика постулативизма не может быть основательной без учёта этих обстоятельств⁷².

Именно на это и обращает внимание В.В. Орлов, выступивший с критикой постулативизма. Он делает вывод, что «гносеологическая интерпретация философии с логической неизбежностью привела в 1960-е гг. к истолкованию философии как системы *постулатов* или *гипотез*, которые никогда не могут быть ни опровергнуты, ни доказаны»⁷³. Орлов считает, что поскольку познание в конечном счёте определяется природой мира (материального), то и теория познания должна опираться на теорию мира: «если устанавливаемые философией закономерности познания имеют философский, т.е. предельно общий характер, то они должны опираться на соответствующее им теоретическое содержание, т.е. на философскую концепцию мира»⁷⁴. Такая концепция позволяет объяснить сущность мира и сущность человека, его сущностные силы, среди которых труд, мышление, общение и язык, которые дают человеку возможность успешно усваивать и осваивать бесконечный мир.

Союз же философии, суженной до гносеологии, с естественными науками, при доминировании последних, оказался менее плодотворным, чем мог бы быть, и привёл к естественному результату – постулативность некоторых положений науки была распространена на философию⁷⁵. Между тем «способность философии к определённой опережению развития частных наук, которая была блестяще продемонстрирована классиками научной философии, может быть связана только с существованием относительно самостоятельной философской теории о всеобщем и его познании, относительно самостоятельным научным

---

⁷¹ Кольман Э. О конечности и бесконечности Вселенной. С. 150.

⁷² Л.Р. Грэхэм, описывая эту дискуссию, больше внимания обращает на социальный аспект, внешнюю мотивацию: позицию гносеологистов он связывает с реакцией на догматизм предшествующей философии, а онтологизм – с простотой для преподавания вузовских курсов философии.

⁷³ Орлов В.В. История человеческого интеллекта. Ч. 3. С. 25.

⁷⁴ Орлов В.В. Материя, развитие, человек. С. 66.

⁷⁵ Позже появляется тенденция объявить постулатами и другие основные положения философии (уже в статье Г.И. Наана говорится о постулативности положения о материальном единстве мира. См.: Наан Г.И. Понятие бесконечности в математике и космологии. С. 76.).

мировоззрением, выходящим за рамки частнонаучных обобщений»⁷⁶. Вот тот интеллект, который продемонстрировал свою силу в адекватности объективному миру, об отсутствии которого говорил Г.И. Наан: «Способ мышления, соответствующий нашей эпохе, который мог бы претендовать на общее признание, ещё не выработан, несмотря на более чем полувековые усилия математиков и логиков... Новый способ мышления ... вероятно, как-то изменит и философию»⁷⁷ (т.е. он считает, что этот новый способ будет найден вне философии).

Умаление роли философии, акцент на позитивных науках, естественно, имели неоднозначные последствия. Идеи, высказанные авторами «нетрадиционалистских» концепций, значительно углубили понимание проблемы бесконечности. Однако выводы релятивистской космологии о возможности конечного пространства и времени оказались слишком серьёзными и их острота не сглаживалась ни предположением бесконечности в каком-либо другом смысле, ни заменой термина «бесконечность» на термин «неисчерпаемость».

Так, Наан рассматривает метрическую, афинную, проективную и другие бесконечности. Однако они различаются не по типу, а по природе характеризуемого объекта. А все остальные виды бесконечности он характеризует как частные случаи общего теоретико-множественного типа, который включает в себя понятие «ничто» и «бесконечности». Новый способ мышления связывается автором прежде всего с изменением эвристической роли понятия «ничто». По мнению Наана, «оказывается, что для логического построения чего угодно в принципе не нужно ничего, кроме ничто и бесконечности. ... И мыслима такая космологическая схема, в которой Вселенная не только логически, но и физически возникает из ничто, притом при строгом соответствии всех законов сохранения. Ничто (вакуум) выступает в качестве основной субстанции, первоосновы бытия»⁷⁸. По вопросу отношений между «ничто» и «нечто» Наан ссылается на теорию Гегеля, неточно трактуя его позицию⁷⁹.

В этой связи весьма показателен призыв к традиционалистам перестать волевать с «дурной бесконечностью» по Гегелю и противопоставлять ей в качестве истинной некую бесконечность философского характера; при решении философских вопросов следует отправляться «от того эмпирического материала, которым для философии являются данные конкретных наук», а не «от философ-

⁷⁶ Орлов В.В. История человеческого интеллекта. Ч. 3. С. 25.

⁷⁷ Наан Г.И. Понятие бесконечности в математике и космологии. С.18, 19.

⁷⁸ Там же. С. 24.

⁷⁹ «...Против свойственного “здравому смыслу” противопоставления этих понятий решительно восставал Гегель. Свою “Науку логики” он начинает именно с попытки выяснения диалектического единства этих понятий, с абстрактно-логического выведения бытия из ничто» – Там же. – С.24. Однако Гегель не выводил логическую идею, мир из *ничто*. Гегель начинает с категории *бытия*, в которой в определённом аспекте обнаруживается *ничто*.

ских текстов по данному вопросу». «Анализ высказываний Гегеля и других философов даёт намного меньше, хотя тоже нужен»⁸⁰.

Выработка нового способа мышления, о котором говорил Наан, без обращения к философским текстам, и прежде всего без обращения к работам Гегеля, составившим эпоху в развитии мышления, – дело безнадёжное, поскольку обрекает интеллект на повторение пройденного, преодоленного. Без усвоения способа мышления, разработанного Гегелем, невозможно «схватить» бесконечное, а именно эта способность составляет, по глубокому убеждению Гегеля, главное достоинство интеллекта. В решении проблемы бесконечности Гегелю принадлежит выдающаяся роль. Следует, однако, констатировать, что этот способ мышления, хотя и превзойдённый научной философией, до сих пор полностью не ассимилирован наукой, что и проявилось в дискуссиях о проблеме бесконечности во второй половине XX в.

Этот способ не ассимилирован и наукой о языке. Метафизическая односторонность долгое время была препятствием на пути восстановления целостности языка в его многофункциональности, его трансцензуса в мир субъективной и объективной реальности. Это делало язык ущербным, неадекватным бесконечности, о чём более подробно будет сказано ниже.

В дискуссии 1960–1980-х гг. XX в. тема языка напрямую не затрагивается, хотя все суждения и выводы о мире, его познаваемости, конечности или бесконечности делаются на естественном языке, так что это ещё и спор о словах, о терминах. Язык, таким образом, в качестве орудия и средства познания изначально вплетён в теоретическую деятельность, является её условием⁸¹. Выводы, сделанные «нетрадиционалистами», помимо прочего представляют радикальную ревизию и принципиальных положений о языке как действительном практическом сознании, его сущности, его роли для человека и общества, содержащихся в научной философии.

Согласно этим положениям и выводам, главным фактором появления и развития человека является трудовая преобразующая коллективная деятельность людей: «Человек – существо, производящее себя, своё бытие и сущность путём преобразования внешнего мира»⁸². Язык в этом процессе выступает дважды важным фактором, в единстве двух основных функций – коммуникативной и познавательной.

---

⁸⁰ Наан Г.И. Понятие бесконечности в математике и космологии. С.77.

⁸¹ Не случайно один из исследователей западной философской мысли считает, что то, что открывает и формулирует метафизика, «правомерно рассматривать как результат определённой, в различной степени уточняемой операционально-коммуникативной, в том числе и прежде всего логико-языковой работы» (Заиченко Г.А. История западной философии. Классика против модернизма. Днепрпетровск: Наука и образование, 2000. 200 с.).

⁸² Орлов В.В. История человеческого интеллекта. Ч. 3. С.127.

С одной стороны, преобразовательная деятельность невозможна без общения, язык является фактором объединения людей в социум, условием преобразования индивидуального сознания в общественное. С другой стороны, преобразовательная деятельность, практическое освоение мира на каждом историческом этапе требует соответствующего теоретического освоения этого мира, соответствующего уровня интеллекта. Его степень и глубина соответствуют уровню человеческой материальной практики.

На всех этапах человеческой истории мышление должно быть адекватно осваиваемому миру. Неадекватность языко-мыслительной картины мира сделала бы человека уязвимым перед природными стихиями. Даже на заре человечества наряду с фантастическими представлениями о мире, закреплёнными в языковой и других знаковых формах, существовал язык практического мышления, здравого смысла, который удерживал человеческое существование в сфере объективно-реального, в сфере сущностного.

Способность выявления и закрепления общего, повторяющегося в окружающем человека мире в языковой форме, наряду со способностью бесконечно использовать конечный набор языковых знаков для поистине неисчерпаемой совокупности набора слов (предложений, текстов), предопределила качественный скачок в развитии мышления – в формировании абстрактного мышления, которое поставило человека в универсальные отношения к бесконечному миру.

В этой связи следует говорить о единстве (но не тождестве) языко-мышления (избегая крайностей отождествления языка и мышления и их разрыва), которое позволяет человеку адекватно познавать объективный мир и выражать результаты познания в языковых формах, обеспечивая тем самым бесконечный прогресс человечества.

Окружающий мир должен быть «снятым» в языке, прежде чем он сам «снимается» миром. Язык соединяет человека с человеком и человека с миром. Ещё до появления строгих научных обобщений и абстракций язык уже прodelывает эту работу, в донаучных формах. Прогресс человека происходит в той мере, в какой человек овладевает миром и закрепляет опыт его освоения в языковых формах.

С формированием науки, научного интеллекта язык, в силу своих универсальных возможностей, способен преодолевать старые донаучные формы, представляя всё новые средства для закрепления научных понятий и категорий, формирования принципов и законов. Тем самым язык (языковое сознание) обнаруживает свою универсальность и в способности к рефлексии, одном из важных факторов его развития.

Язык связан с реальностью через посредство мысли. Он одновременно принадлежит и миру, и мышлению. Поэтому он и способен к развитию своих

форм – семантических, грамматических. Так, понятие «атом», возникшее в древнегреческой философии умозрительно, т.е. на основе гносеологических закономерностей, первоначально означало «мельчайший неделимый элемент мира», из которого слагается всё сущее. В новое время на экспериментальной почве это понятие обрело характеристику своей *неисчерпаемости* вглубь.

Аналогично в связи с развитием науки происходит развитие, трансформация смыслового содержания слова «бесконечность» (см. выше). Современное понятие, закреплённое за словом «бесконечность», преодолевает внутреннюю форму этого слова («отсутствие конца») ⁸³. Смысл языковых знаков задан «намёком» их внутренней формой, допускающей неоднозначную интерпретацию и возможность в сочетаниях бесконечно порождать всё новые и новые смыслы. Мысль выражается в языке в своём инобытии, в своей превращённой форме. Человеческая практическая деятельность постоянно соотносит объективный мир с мыслью о нём, закреплённой в языке.

Познание человека – не есть простое зеркальное отображение окружающего мира. Язык как орудие познания обеспечивает активность мыслительного процесса, возможность «отлёта» мысли от своего предмета (но чтобы вернее и глубже «схватить» его). Язык даёт возможность «удваивать» мир и тем самым производить операции над воображаемыми объектами, восходить от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному ⁸⁴. На этом пути человеческий интеллект подстерегает опасности отрыва от объективной реальности, порождения фантазий и химер, пустых абстракций.

Язык несёт в своих формах и содержаниях отпечаток трудного непрямого движения человека по пути углубления, расширения познания ⁸⁵ – от простых номинаций к выражению сложных концептов. Высказывание выхватывает и фиксирует вначале отдельные явления, предметы и их отношения из сложной

---

⁸³ Системы смыслов («субъективных» значений) принципиально существуют как открытые, неустойчивые системы и «любой сколь угодно большой словарь не охватывает потенциально возможного многообразия смыслового содержания слов» (Налимов В.В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. С. 286). Поэтому знак потенциально обладает в речевом мышлении и общении бесконечной валентностью (Лосев А.Ф. О бесконечной смысловой валентности языкового знака // Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во МГУ, 1982).

⁸⁴ Язык, как это неоднократно подчёркивалось многими исследователями, «способен “удваивать” мир, позволяет производить операции над воображаемыми объектами, “пустыми классами”» (Портнов А.Н. Знак и образ в мышлении и сознании // Становление и структура сознания и познания. Иваново, 1983. С. 68).

⁸⁵ Речевая форма мысли, с одной стороны, обеспечивает гибкость и многосторонность отражения человеком мира, но, с другой стороны, одновременно «таит в себе опасность “отлёта”, известного “отчуждения” вербально-логического мышления от действительности, замыкания его на себя» (Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации. М., 1986. С. 68).

цепи бесконечных связей окружающего их мира. Активность мышления и свойства языка делают возможным и необходимым переход от отдельных и простых суждений и высказываний, обслуживающих непосредственную человеческую практику, к умозаключениям и высказываниям о сущности мира в целом. Элеаты и Платон, номиналисты и реалисты, ... «традиционалисты» и «нетрадиционалисты» – это единая линия поиска не только общего, но и всеобщего в мире, сущности мира.

Выводы, сделанные «нетрадиционалистами» на естественном языке, представляют угрозу не только для существования философии и науки, но и – парадоксальным образом – наносят «удар» по статусу языка как действительного сознания. Получается, что язык (язык философии) – неденотативен (см. выше, часть 1), является послушным орудием создания пустых абстракций, способен только порождать и закреплять химеры и фантомы, а не общее, содержащееся в окружающем мире, что идёт вразрез с принципами научной философии.

Принципы единства мышления и бытия, первичности материи и вторичности сознания, доказанные научной философией, делают оправданным возведение единичного к общему и всеобщему, лежащему в основе науки и философии. Сомнения в объективно-реальном существовании всеобщего и в идее языка как его носителя обрушивают не только здание философии как науки о всеобщем в мире и его познании и частных наук (знание общего), но и реальность самого языка, поскольку существование слова, языка, его способность «схватывать» бесконечное прямым образом связано с его способностью к обобщению (невозможен язык, который имеет дело только с бесконечностью конкретных и единичных явлений⁸⁶, т.е. язык, который идёт «по касательной» к реальности, не обращаясь к её сущности).

---

⁸⁶ Представим гипотетическую ситуацию, когда язык имеет дело только с конкретным, единичным. Только в частной предметной отнесённости выступают имена собственные. Итак, мы получаем язык как комплекс имён собственных: каждой реалии – своё наименование. Но тогда мы придём к идее дурной бесконечности – каждая вновь входящая в кругозор реалия требует вновь создаваемой номинации. Можно провести аналогию с высказыванием Г.Б. Гутнера, который исследует математический дискурс: «Мы имеем универсальный источник имён для всех мыслимых предметов – ряд натуральных чисел... в нём может быть найдено имя для любого предмета. ... Тем не менее, использование одной только нумерации для именования индивидов по меньшей мере неудобно, потому что, фиксируя нумерическое различие, она игнорирует видовое» (Гутнер Г.Б. Дискретность и непрерывность в структуре математического дискурса / Г.Б. Гутнер // Бесконечность в математике. С. 250). Но собственные имена не составляют значительного пласта в лексике языка. Нарисательные слова – основной пласт – соотносены с понятиями. Соотносены с ними, прямо или косвенно, все разряды слов. Понятие же соответствует не отдельному денотату, а классу, выделенному по признаку, общему для всех денотатов этого класса. Даже наша гипотеза о языке, состоящем только из имён собственных, не вполне корректна по крайней мере по двум причинам: 1) если имена собственные и являются названиями индивидуальных предметов, то эти предметы мыслятся как входящие в классы, вследствие чего и имена

Генетически онтос языка, его структура, форма объясняется уникальностью человеческой ситуации, его положения в мире, существо которого состоит в его соразмерности миру, в его противоречивом единстве с этим миром и в его противостоянии Универсуму (миру в целом)⁸⁷.

Язык, запечатлевший это противостояние («Я и Мир», наряду с «Я и Мы») и выводящий тем самым человека к бесконечности, есть проявление человеческой способности познавать, и схватывать, и выражать в языковых формах мир диалектично: не только в отдельности, в единичности, но и в целом.

Идея постулативности предельных философских категорий и принципов вступает в явное противоречие с идеей языка как действительного сознания: т.е. язык как действительное сознание (=вторичный мир) в контексте «постулативности» не является действенным орудием и средством осознания (отражения) действительности (=первичного мира). Действительность, не представленная в языке, делает сознание недействительным; язык превращается в послушное орудие формирования пустых и поверхностных обобщений, в громаду лесов вокруг здания (название которому «*сущность мира*»), которое никогда не будет построено. Однако необходимость построения этого здания очевидна.

собственные подводятся в сознании говорящих под общий класс и связываются с соответствующим понятием (я ничего не знаю о человеке, если знаю, что его зовут *Яковом*. Но я соотношу *Якова* с классом мужских полных имён. И любое имя собственное имеет смысл при условии соотнесения с соответствующим понятием); 2) объект непостоянен, он изменяется, а имя остаётся прежним (эту проблему поднимал Б. Рассел), следовательно, называя, мы уже обобщаем.

⁸⁷ См.: Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: УРСС, 2004.

ГЛАВА 10. ФИЛОСОФИЯ ВЛАДИМИРА ОРЛОВА И РУССКИЙ ОРГАНИЦИЗМ. ПЕРЕКЛИЧКА ИДЕЙ

Философская система Владимира Вячеславовича Орлова (1932–2019), с историко-философской точки зрения, являет собой пример общности, переключки идей в западноевропейской и отечественной философии. Причем можно отметить эту переключку в философских взглядах мыслителей различной, даже противоположной мировоззренческой ориентации.

Теоретико-методологической основой философской системы Орлова выступал диалектический материализм, марксистская философия в целом. Одной из идейных предпосылок последней являлась диалектика Гегеля. Имеющаяся, на наш взгляд, переключка идей философии Орлова и имеющейся в отечественной мысли такой сквозной линии, как органицизм, обусловлена тем, что между принципами органицизма и диалектическим видением мира есть общее.

Органицизм остается фактически мало известным течением в философии. В отечественной историко-философской литературе первым упомянул о нем как о сквозной линии в русской философской мысли А.А. Галактионов¹. В философском энциклопедическом словаре (1983г.) он определяется как «философско-методологическая и общенаучная концепция, кладущая в основу объяснения широкого круга природных явлений понятия организации и организма»². Данное определение представляется слишком узким. В реальном функционировании и развитии у органицизма весьма широкая сфера применения, его границы размыты. Те или иные идеи, концепты, свойственные органическому подходу, используются в различных областях знания. Заметим, что иногда звучат предложения использовать не термин «органицизм», а «органицизмизм», дабы исключить узкую ассоциацию с биологическим понятием «организм». Думается, возможно использование обоих понятий; в истории философии обычно употребляется термин «органицизм». В том же «Философском энциклопедическом словаре» утверждается, что в последние десятилетия термин «органицизм» «постепенно уходит из употребления, а концепции, развивавшие идеи органи-

¹ Галактионов А.А. «Органицизм» и социализм М.В. Буташевича-Петрашевского // Социальная революция: вопросы теории. Л., 1989. С. 110.

² Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 464.

цизма, практически прекратили своё существование»³. Данную оценку отчасти можно принять. Вместе с тем, в научном познании следует иметь в виду процесс снятия, при котором некоторые принципы, пути научного поиска, разработанные в рамках органицизма не утратили своей научной значимости. В философии сохраняются аналогии, использовавшиеся органицизмом, например, в статье В.С. Степина отмечается, что современная картина мира содержит принципиально новые идеи по сравнению с той, что была сформирована в Новое время. Они касаются представлений о природе и взаимодействии с ней человека. «В современной науке сформировалось новое видение природной среды <...>. Природа начинает рассматриваться не как конгломерат качественно специфических объектов и даже не как механическая система, но как целостный живой организм, преобразование которого человеком может проходить лишь в определенных границах»⁴.

Заслугой органицизма в развитии мировоззрения человечества было то, что его возникновение было ответом на закономерно сформировавшуюся в XVII веке механистическую картину мира. Механистический редукционизм не справлялся с объяснением более сложных форм материи – химической, биологической, тем более социальной. Начало химических исследований, открытия в изучении живой материи привели к появлению новой парадигмы, нового, органического взгляда на мир. Отметим изначальную связь органицизма с развитием естествознания, что важно для нашей темы. Если механицизм редуцирует высшее, сложное к более простому, низшему, тем самым умерщвляя живое, уничтожая качественную специфику высшего, то органический подход, наоборот, сближал неживой и органический мир, шел от высшего к объяснению низшего, более простого. Методологическим основанием противоположного механистическому подходу явился *метод аналогии*, в данном случае состоявший в том, что любое целостное явление рассматривалось по аналогии с организмом. Несмотря на то, что органицисты абсолютизировали этот подход, тем не менее, концепт организма содержал большой эвристический потенциал, в частности включал важные диалектические идеи и подходы, которые не утратили своей актуальности в научном исследовании и практике.

Концепт организма давал возможность не только подвергать критике механицизм, но и создавать картину мира, близкую диалектическому его видению. В результате исследования истории данного направления, я пришла к выводу, что его страгемой выступает *принцип целостности*. Достижением органического (организмического) подхода поэтому является выдвижение и обоснование

³ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 464.

⁴ Степин В.С. Российская философия сегодня: проблемы настоящего и оценки прошлого // Вопросы философии. 1997. № 5. С. 7.

идеи приоритета целого по отношению к частям. Органицисты делали акцент на единстве мира, в котором все части взаимосвязаны. Отсюда вытекал принцип всеобщей связи в мире с диалектикой части и целого. К тому же, рассмотрение мира как организма давало возможность представить его в качестве *целостной системы*. Кроме того, организм способен к самосохранению и саморазвитию, хотя и в пределах целостного образования, поэтому в данном направлении возникла идея активизма природы. Так, у Шеллинга природа «не только продукт, но одновременно и продуктивность». Все, что в ней существует, есть результат становления.

Причину появления нового подхода хорошо описал русский философ, учившийся у органициста М.Г. Павлова, – А.И. Герцен. В работе «Письма об изучении природы читаем: «Механическое рассматривание природы, несмотря на колоссальный успех Ньютоновой теории, не могло удержаться; первый сильный протест против исключительно механического воззрения раздался в химических лабораториях. ...Но протест более мощный раздался с другой стороны. Лейбниц ...поднялся против исключительного механико-материалистического воззрения»⁵. Лейбниц, не соглашаясь с механистическим атомизмом, предложил динамическое видение мира, которому присуща живая сила, активизм. Для мирового целого характерно единое восходящее движение от низшего к высшему. Он предложил объяснение неживого из живого, у него появляется мысли о единстве живой и неживой природы. Очень точно оценил прогрессивные идеи немецкого философа, подхваченные органицистами, Г.Г. Майоров: «К ним относятся, прежде всего, идея несводимости органической формы существования материи к механической, идея структурных уровней материи, имевшая, с точки зрения мыслителя, первостепенное значение.... С ней была непосредственно связана и другая фундаментальная идея Лейбница: принцип целостности органических систем, положенный им в основание отличия органического от механического»⁶.

Эти идеи Лейбница в натурфилософии продолжал развивать Шеллинг. Именно он впервые, проводя аналогию между миром и организмом, прямо выразил мысль, что мир – это целостный единый организм. Мир, будучи единым организмом, включает в себя части, являющиеся целостными единичными организмами. В натурфилософии Шеллингом собственно были предложены основные концепты органицизма, которые я суммировала и изложила в работе «История русского органицизма» (2007 г.)⁷. Там же излагаются базовые принципы русского органицизма⁸.

⁵ Герцен А.И. Соч.: в 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 377.

⁶ Майоров Г.Г. Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница. М., 1973. С. 66.

⁷ Снегова Н.В. История русского органицизма. Пермь, 2007. С. 12–15.

⁸ Там же. С. 19–24.

В русскую философскую мысль идеи органического мировоззрения были принесены первыми отечественными шеллингианцами в начале XIX века – Д.М. Велланским и М.Г. Павловым, преподававшими соответственно в Петербургской медико-хирургической академии и в Московском университете. К органицистам принадлежали также Н.И. Надеждин, М.В. Буташевич-Петрашевский, почвенники (Ап.А. Григорьев, Н.Н. Страхов, Ф.М. Достоевский), Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Н.О. Лосский, написавший книгу под названием «Мир как органическое целое» (1915 г.). Следует заметить, что к идеям органицизма в своем творчестве обращались мыслители различной мировоззренческой ориентации. Они использовали Т.Н. Грановским, Н.В. Станкевичем, славянофилами, представителями философии всеединства, а также В.И. Вернадским, А.А. Богдановым, О.Э. Мандельштамом, С.Л. Рубинштейном.

С моей точки зрения, в философской системе Пермского философа Владимира Вячеславовича Орлова можно заметить довольно много идей общих с идеями русских органицистов. Эта общность относится прежде всего к онтологическим, гносеологическим представлениям и философской антропологии. Оговорюсь, что буду в основном обращаться к идеям, концептам такого русского представителя органицизма как Николай Николаевич Страхов, к перечисленным разделам философского знания, ибо, по-моему, в этом сопоставлении обнаруживается интересная перекличка идей двух отечественных мыслителей. Страхов – философ трудный для исследования. В историко-философской науке существует точка зрения, что «Страхова нельзя безоговорочно зачислить ни в какой философский или мировоззренческий лагерь»⁹. Однако в результате внимательного и, насколько возможно, полного изучения философского творчества мыслителя, я пришла к выводу, что его можно определить как представителя органицизма. В основу своей методологии исследователь положил «идею органицизма», стремясь провести ее во всех сферах философского знания, к которым обращался; это прежде всего онтология, методология научного познания, гносеология с проблемой соотношения физиологического и психического и философская антропология. Отмечу также, что Страхов позиционировал себя как гегельянца. Думается, что гегелевские идеи, несомненно, оказали влияние на отечественного мыслителя, но назвать его гегельянцем было бы неверно. По его работам видно, что к гегелевской философии он относится избирательно. Но тема о влиянии Гегеля на русского органициста требует отдельного освещения.

Начнем сопоставление с онтологическими представлениями. В.В. Орлов, раскрывая диалектико-материалистическое понимание мира, исходил из трактовки материи как объективной реальности. К заслугам отечественного мыслителя

---

⁹ Русская философия. Словарь / под общ. ред. М.А. Маслина. М., 1999. С. 489.

можно отнести то, что он внес вклад в творческое развитие этой концепции, раскрыл огромный эвристический потенциал понятия объективной реальности. В его работах видим акцент на *единстве мира*, которое состоит в его *материальности*. «Материя – всеобщая субстанция, существующая в бесконечном числе ее форм. Научная философия, согласно Орлову, однако, не ограничивается признанием бесконечного многообразия форм объективной реальности. Она вводит далее понятие об основной структуре бесконечного материального мира, которая образована процессом развития»¹⁰. В рамках Пермской университетской философской школы, во главе с Орловым, был разработан современный вариант диалектико-материалистической теории развития, которая определяется как конкретно всеобщая теория развития в отличие от традиционной абстрактно-всеобщей концепции. При конкретизации теории развития материя вообще существует через бесконечную последовательность своих основных форм, которые суть ее основные ступени развития. Эти ступени выстраиваются в движение от низших к высшим ступеням развития материи. При этом Орлов отставлял важную в конкретно всеобщей концепции идею *закономерного* возникновения каждой основной формы материи из предшествующей вплоть *до человека*. Отметим закономерности четко выделенные и обоснованные Орловым: возникновение высшего из низшего, включение низшего в высшее, сохранение свободного низшего в виде среды высшего, подчинение низшего высшему, интегральной природы (качества, сущности) высшего. В результате бесконечная последовательность основных форм материи, предстает как единый, закономерный мировой процесс (ЕЗМП). Из бесконечного числа конкретных форм в этом процессе философ называет известными пока четыре – физическая, химическая, биологическая и социальная (человек, человечество). Единство мира предполагает наличие в нем всеобщей связи. В концепции ЕЗМП принцип всеобщей связи играет важнейшую роль.

Если у Орлова исходным в объяснении мира является концепция материи как субстанции, то органицисты исходили из рассмотрения мира по аналогии с организмом, в котором делался акцент на его целостности и единстве. Мне представляется, что имеющиеся в данных исходных представлениях концепты целостности и единства обусловили наличие общих онтологических представлений, перекличку идей в отечественной философской мысли XIX–XX века. Уже у первых органицистов, Велланского и Павлова, мир предстает как единый, целостный, гармоничный. И органицисты начала XIX века, и Орлов едины в том, что единство мира не исключает его многообразия. В своей работе «Биологическое исследование природы в творящем и творимом её качестве» Веллан-

---

¹⁰ Орлов В.В. Проблема материи в современной российской философии // Философия и общество, 2010. № 3. С. 34.

ский писал: «Видимый мир есть представление одинакого в различном и различного в одинаком»¹¹. Велланский от человека «сделал шаг в понимании человеческой совокупности, определив общество тоже как организм. Единый мир имеет определенную структуру, ученый выстроил триаду: неорганический мир – органическая природа – человек и весь социум. Другой представитель русского органицизма, Николай Иванович Надеждин, также видел мир как единство в бесконечном многообразии. Более того, он акцентировал внимание на понимание природы как системы. По его мнению, природа «должна представлять собой самую стройную, самую великолепную систему»¹². В главной работе органициста Н.Н. Стрехова «Мир как целое», изданной в 1872 г., дается *органическое видение мира в целом и места в нем человека*. Как уже указывалось, страгемой органицизма является принцип целостности. В соответствии с ней, характеризуя свой взгляд на мир, философ, прежде всего, акцентирует целостность мира, закономерно переходя к утверждению существования в мире всеобщей связи: «*Мир есть целое*, то есть он связан во всех направлениях, в каких только может его рассматривать наш ум.

Мир есть единое целое, то есть он не распадается на два, на три или вообще на несколько сущностей, связанных независимо от их собственных свойств. Такое единство мира можно получить, не иначе как одухотворив природу, признав, что истинная сущность вещей состоит в различных степенях воплощающегося духа.

Мир есть связанное целое, то есть все его части и явления находятся во взаимной зависимости. В нем нет ничего *самобытного*, никаких особых начал, никаких *простых тел*, никаких *атомов*; нет самостоятельных, от века различных сил, нет ничего неизменного, само по себе существующего. Все в зависимости и все *течет*, как говорил еще Гераклит»¹³. Как видим, такой подход дает возможность диалектически понять мир. Стреховым фактически утверждается осуществляющийся в мировом целом принцип всеобщей связи.

Итак, отметим, что общее, перекличку идей в философии Орлова и Стрехова обнаруживаем прежде всего в видении ими мира как целого, единого. Но здесь же находим и различие мировоззренческих позиций. В.В. Орлов отстаивал материалистическое видение мира. Н.Н. Стрехов – идеалист. Рассматривая единство мира, он видел его сущность в духовном начале. В книге «Мир как целое» просто констатируется, что такое единство мирового целого может быть объяснено духовным началом. Думается, данная мысль может быть поза-

---

¹¹ Велланский Д.М. Биологическое исследование природы в творящем и творимом ее качестве, содержащее основные начертания всеобщей физиологии. СПб., 1812. С. 10.

¹² Надеждин Н.И. Соч. в 2 т. СПб., 2000. С. 616.

¹³ Стрехов Н.Н. Мир как целое. СПб., 1892. С. VII.

имствована у Шеллинга или Гегеля¹⁴. В работе «О простых телах» (1865 г.) специальная глава у Страхова посвящается доказательству, что весь необходимый ход науки подтверждает единство, «цельность» мира. «Планеты для нас уже не от века отдельные, особо существующие тела; мы знаем теперь, – пишет мыслитель, – что они выделились из одной общей массы, некогда бывшей на месте нашей солнечной системы». Виды животных и растений, которые некогда рассматривались в качестве независимых форм, «как признано теперь благодаря Дарвину, развивались одни из других. Таким образом, цельность мира, несмотря на его разнообразие, доказывается все яснее и яснее»¹⁵. Если внимательно прочесть данное утверждение и к тому же учесть все содержание идей страховской книги «Мир как целое», то можно сделать заключение, что философ в 60-х годах XIX в. предлагает *понимание мира*, во-первых, как *развивающегося*, во-вторых, этот *процесс развития* представляется им в виде системы, *единого, закономерного мирового* процесса. Данная идея органицизма также перекликается с концептом мира как системы в философии В.В. Орлова. Русский органицист пишет: «*Мир есть стройное целое*, или, как говорят, – гармоническое, органическое целое. То есть части и явления мира не просто связаны, а *соподчинены*, представляют правильную лестницу, пирамиду, всего лучше сказать – иерархию существ и явлений. Мир, как организм, имеет части менее важные и более важные, высшие и низшие...»¹⁶. Если, как отмечалось, Орловым выделяется четыре известные нам основные формы материи, то органицисты XIX века выделяли неорганическую, органическую (иногда с выделением животного и растительного мира) ступени и высшую ступень – человека. «Действительно, то, что должно быть совершенно ясно для всех и каждого, – это непрерывная изменчивость вещества, его слияния и превращения, его метаморфоза из мертвых тел в живые растения, из растений в одушевленных животных»¹⁷.

Подходя к осмыслению общих идей, постановки вопросов, проблематики и т.д. у пермского философа и у Страхова конкретно-исторически, замечу, что у органицистов слабо проанализированы особенности каждой ступени, отсутствует концептуализация закономерности во взаимосвязи этих ступеней развития. Однако в страховской книге предпринимается попытка вскрыть существенные характеристики выделенных ступеней развития мира. При этом в анализе мыслитель четко артикулирует подход – объяснение низшего из высшего. Он критикует механистический редукционизм при котором химическое сводится к физическому, организм понимается как машина или совокупность атомов.

---

¹⁴ См.: Шеллинг Ф.В. Соч. М., 1998. С. 876.

¹⁵ Страхов Н.Н. Мир как целое. С. 507.

¹⁶ Там же. С. VII.

¹⁷ Там же. С. 408.

Страхов исходит из того, что каждая форма бытия обладает своей качественной спецификой и наука должна, вычленив свою сферу бытия, применять для исследования каждой методы, соответствующие именно ей. Остается до сих пор актуальным предупреждение Страхова против того, чтобы сводить химическое явление к физическому. Согласно Страхову, физическое это разнообразные формы вещества в разнообразных формах изменений. «Останется, – пишет органицист, – вещество не атомическое, не твердое, неизменное и мертвое, но вещество гибкое, изменчивое, живое, то вещество, которое действительно существует»¹⁸. Химическая наука, по его мнению, изучает процессы, известные метаморфозы одних тел, веществ в другие. Химия в 60-х годах XIX века двигалась в сторону динамических представлений, и Страхов способствовал этому движению, что можно рассматривать как определенный вклад отечественного методолога-органициста в развитие химии. Совершенно верно *сущность жизни* связывается у мыслителя со *способностью к саморазвитию*. Органицисты стремились показать связь живой и неживой материи. Эта связь объясняется и в концепции ЕЗМП.

На мой взгляд, интересна еще одна перекличка идей русского органицизма и пермского философа. В.В. Орлов в своей философской системе поставил и пытался разрешить сложный вопрос о возможности научной философии. Философия – наука о наиболее общих сторонах мира и его познания. Мир бесконечен, возникает вопрос, поставленный И. Кантом, способна ли философия давать достоверные знания о мире. Как «возможны достоверные заключения о бесконечности мира и, следовательно, о природе бесконечного мира, на основе сведений о его конечной части, на основе конечного человеческого опыта»¹⁹? Согласно Орлову, концепция единого закономерного мирового процесса, как основа конкретно-всеобщей теории развития, позволяет решить философский вопрос о конечности или бесконечности мира. Пермский ученый обращается к диалектике конечного и бесконечного, которая требует понимать конечное и бесконечное как существующие только в единстве и взаимопроникновении. «Поэтому познание любого конечного есть одновременно в определенной мере (которую еще необходимо раскрыть) познание бесконечного. Известно, что во всех сколько-нибудь сложных случаях наука никогда не имеет дела со всей совокупностью явлений изучаемой области и строит свои достоверные заключения на основе не генеральной, а выборочной совокупности фактов, если последняя является достаточно репрезентативной. Проблема научного достоверного мировоззрения окажется разрешимой, очевидно, в том и только в том случае, если 1) существует некоторая конечная область мира, достаточно полно

---

¹⁸ Страхов Н.Н. Мир как целое. С. 413.

¹⁹ Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974. С. 79.

выражающая общую природу (сущность) бесконечного мира, 2) эта область доступна человеку, 3) мы можем установить, что имеем дело именно с такой областью мира²⁰. Таким образом, вывод о бесконечности мира может быть сделан на основе изучения его конечной, но репрезентативной части. При этом диалектика конечного и бесконечного такова, что только в бесконечном мире мог осуществиться такой конечный отрезок развития. На Земле присутствуют все известные формы материи, человек, являющийся микрокосмом.

Сопоставив данные представления в философии В.В. Орлова и идеи русских органицистов, мы увидим их перекличку. Уже первые отечественные органицисты вводили в отечественную науку идею *человека как микрокосма*. Человеческое существо понималось у них как *равное «универсальному миру»*. Велланский и Павлов выражали убеждение, что человек находится в универсальном отношении к миру. В «Пролозии к медицине» Велланским утверждалось: «Ежели организм человеческий есть миниатюрный образ Вселенной, где абсолютный Универс представлен в совершенном рефлексе как единство субъекта с объектом, то существо и состояние оно в объективном мире из абсолютного токмо и общего познания всей природы выведено быть может»²¹. Заметим, что, если, согласно Велланскому, человека можно познать, только познав мир, то, по мнению Страхова, наоборот, мир можно познать через человека. У органициста Страхова в работах 60-х годов XIX века есть идея Земли, человека как особой части мира, репрезентирующей весь мир. Если реконструировать мысль Страхова, то можно сделать вывод, учитывая его принцип соотношения высшего и низшего (иерархизма в этом соотношении), что человек включает в себя физическое, химическое, биологическое, плюс то, что составляет сущность человека. Мыслитель выдвигает глубокое и мировоззренчески очень важное положение: Земля, на которой в «полной мере» развилась жизнь (имеется в виду, что она достигла своей высшей формы – человека), отражает «величие целого мироздания», «в ней вполне выразилась сущность мира». В силу того, что человек является на земле самым сложным, высшим существом в мире, то его, по мнению Страхова, можно рассматривать как репрезент мира. Читаем в страховской книге: «Мы – центр мира и мера вселенной, со всем ее прошедшим и будущим»²². Он утверждает принцип, согласно которому, углубляя наши знания о человеке, мы углубляем наше знание о мире.

Обосновывая концепт человека как *высшей* ступени в развитии мира, следовательно, «выше которой и быть не может», Страхов подвергает критическо-

---

²⁰ Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974. С. 86–87.

²¹ Велланский Д.М. Пролозия к медицине как основательной науке от Д. Велланского. СПб., 1805. С. 20.

²² Страхов Н.Н. Философские очерки. СПб., 1895. С. 50.

му анализу противоположную точку зрения. Она состоит в допущении существования живых существ, превосходящих человека, т.е. более совершенных. Аргументы сторонниками данной точки зрения выдвигаются следующие: такие существа могут появиться либо на других планетах, ибо условия жизни на них необычайно разнообразны, либо как результат вероятных многочисленных геологических переворотов на земле. Доказывая невозможность сверхчеловека, мыслитель использует свое естественнонаучное образование. При этом он обращается к мнению профессора зоологии С.С. Куторги, озвученному им на одном из диспутов. Профессор высказал мысль о возможности появления после нас на земле людей с крыльями, по его убеждению, более совершенных, ибо «летать лучше, чем ходить».

Страхов показывает, что подобное простительно утверждать профану, но не зоологу. Зоолог знает, что крыльям птиц у человека соответствуют руки. Иными словами, иронизирует мыслитель, в качестве более совершенного существа предлагается человек без рук. Философ, демонстрируя понимание значения руки для человеческого существа, справедливо указывает, что руки – главный орган деятельности и без них индивид оказывается «калекой в высшей степени». Страхов справедливо замечает, что человеку не стоит думать, будто некоторые животные имеют свойства, превосходящие человеческие; например, они часто отличаются огромной силой, быстротой, лёгкостью движений. Легко убедиться, пишет мыслитель, что здесь нет преимущества перед человеком, именно потому, что в этих свойствах обнаруживается механическая односторонность животных. Следовательно, если выразить его мысль на современном языке и, как нам кажется, более точно, то она будет выглядеть таким образом: по его мнению, животные отличаются односторонней приспособленностью, а человек – своей универсальностью. Можно заметить общую для В.В. Орлова и Н.Н. Стрхова мысль о невозможности сверхчеловеческого существа. Пермский философ обосновывал точку зрения, что невозможна сверхсоциальная форма материи. На мой взгляд, оба мыслителя разрабатывали космоантропоцентризм. Их можно отнести к такому направлению как космизм в широком смысле этого слова. «Дело в том, – писал Орлов, – что человек как высшая ступень развития материи, результат ее бесконечного развития, самим развитием поставлен в отношение к бесконечному миру как целому»²³.

Плавно я перешла к проблеме человека. Переключка идей в понимании человеческого существа у органициста и В.В. Орлова обнаруживается, в частности, в идее о не случайности появления человека в мире. Кроме того, у обоих мыслителей общей является оценка биологического в человеке. В 1858 году

---

²³ Орлов В.В. Проблема материи в современной российской философии // Философия и общество, 2010. № 3. С. 37.

Страхов выдвинул верное диалектическое представление о том, что «животность не противоречит духовности, но, наоборот, высшие человеческие качества могут развиваться только на основе самой развитой животности, то есть на основе наиболее развитой биологии. «Человек, – утверждал биолог и начинающий философ, – есть совершеннейшее животное не потому, что в нём проявляется дух, который подавляет животные свойства; нет, человек, просто как животное, представляет нам осуществление высочайшего развития животности»²⁴. Несомненно, биологическое в человеке Орловым определяется более глубоко и более точно: «Биология человека есть, несомненно, биология, но наивысшая, человеческая биология. Обладая общими биологическими признаками, человеческая биология включает фундаментальную (т.е. общую) биологию, но, будучи наивысшей формой биологии, она является в то же время специфической разновидностью биологии, соответствующей социальной природе человека, т.е. выступает как теневая биология»²⁵.

На наш взгляд, можно сделать вывод, что Страхов фактически пытается дать современную диалектическую трактовку соотношения социального и биологического в человеке. В частности, мы находим мысль о том, что высшее возникает и существует на основе наиболее развитого низшего, в данном случае биологического. Эту идею на уровне современного естествознания отстаивал и В.В. Орлов. Но философы по-разному оценивали сущность человека. Согласно Орлову, человек есть по своей сущности социальное существо, по Страхову он имеет духовную сущность.

Итак, на мой взгляд, можно сделать вывод о перекличке многих важных мировоззренческих идей у отечественного философа XX–XI века, Владимира Вячеславовича Орлова, и у русских органицистов. Органицистические представления можно рассматривать как движение философской мысли к диалектическому взгляду на мир.

---

²⁴ Страхов Н.Н. Мир как целое. С. 211.

²⁵ Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974. С. 271.

ГЛАВА 11. К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ СМЫСЛА ЖИЗНИ, УРОВНИ И СТОРОНЫ ПРОБЛЕМЫ

Вечный вопрос о смысле жизни обретает особую остроту и актуальность в переломные моменты истории. Современная эпоха характеризуется глубоким системным кризисом, затрагивающим основы человеческого бытия и требующим как никогда объективного исследования. В этом отношении трудно не согласиться с той оценкой роли философии в преодолении современного цивилизационного кризиса, которую дает В.В. Орлов. «Важнейшая черта философии XXI в. состоит в том, что крупнейшие философские проблемы – материи, развития, человека, казавшиеся ранее слишком абстрактными и далекими от «реальной жизни», становятся *проблемами непосредственного выживания человечества*. “Отождествление” абстрактных философских проблем с реальной жизнью – коренная особенность нашего времени, в особенности – грядущего века»¹.

Понятие смысла жизни в истории философии начали рассматривать и анализировать относительно поздно. «Более подробно на вопросе о смысле впервые остановился Кант. В России понятие “смысл жизни” появляется приблизительно с середины XIX в., прежде всего в дневниках Льва Толстого»². Однако, по сути, понятие смысла жизни в своем основном содержании всегда было объектом мышления. Можно выделить целый ряд понятий, близких, родственных «смыслу» и часто заменяющих его, таких как – разум, мысль, цель, значение, ценность, порядок, суть, сущность. В чем-то содержание этих понятий пересекается, но есть и значимые нюансы. Смысл, безусловно, предполагает наличие разума, мысли, только мыслящий субъект может наделять смыслом действительность и свое собственное существование. Смысл, как и мышление, предполагает объективное содержание, предмет мысли, однако, понятие смысла, как представляется, является более конкретным, контекстуальным, включающим личностный аспект осмысления действительности. Обратим внимание на то, что в современном языковом и культурном дискурсе понятия разума, мышления, интеллекта давно и привычно употребляются в сочетании с понятием «ис-

---

¹ Орлов В.В. Философский манифест: накануне двадцать первого века // Новые идеи в философии. Вып. 7. 1998. С. 13.

² Венцлер Л. Понятие «смысл жизни» в философии Владимира Соловьева и Евгения Трубецкого. Формальная структура и содержание // Вопросы философии. 2011. № 7. С. 21.

искусственный», чего нельзя сказать в отношении «смысла», который остается исключительной прерогативой человека и основным аргументом против сильной версии искусственного интеллекта³. Строго говоря, понятие «искусственно-го разума/интеллекта» является теоретической ошибкой, метафорой, поскольку создаваемые человеком искусственные системы строятся на формальном отражении действительности, оперируют «абстрактными материальными структурами», в то время как мышление и сознание человека – это, прежде всего, содержательное отражение⁴. Однако в контексте нашего анализа важно подчеркнуть специфическое содержание понятия смысла, которое делает его исключительным свойством субъекта как самостоятельного и субстанциального существа.

Далее, понятие смысла в своем основном содержании совпадает с понятием значения, поэтому довольно часто эти понятия взаимозаменяемы. Однако в рамках специфических подходов аналитической философии и семиотики, с одной стороны, феноменологии и герменевтики, с другой, данные понятия приобретают существенные различия. С учетом указанных контекстов, можно сделать вывод о том, что понятие смысла более отчетливо фиксирует универсальное, философское значение тех или иных вещей, явлений, процессов, всеобщий контекст. Так, по Е. Трубецкому, смысл – это общезначимое, безусловное, всеобщее значение. Вопрос о смысле, это «всегда вопрос об общезначимом мысленном определении чего-либо, о безусловном значении для мысли чего-либо познаваемого или просто сознаваемого»⁵.

Далее, понятия цели и смысла так же совпадают в определенном отношении. Осмысленная деятельность целесообразна и наоборот. Жизнь человека может иметь смысл только в том случае, если он ставит определенные цели и достигает их, либо стремится к их достижению. Но это еще не всё, далеко не всякие цели отвечают требованию смысла в подлинном его понимании. Понятие цели формально, оно фиксирует изменение, движение субъекта, но не фиксирует направления и содержания этого движения. Постановка и достижение целей как таковые не гарантируют смысла. Обратим внимание на то, что и сами понятия смысл и смысл жизни допускают две трактовки – формальную и содержательную. Так, мы можем говорить о смысле жизни человека, своем собственном смысле жизни, отождествляя его с основными целями жизни – например, карьерой, семьей, стремлением к престижу, богатству и т.д., т.е. целями, которые могут и не соответствовать подлинному смыслу жизни (содержа-

---

³ См.: Сёрл Д. Мозг, сознание и программы // Аналитическая философия: Становление и развитие. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 394.

⁴ См.: Орлов В.В. Психофизиологическая проблема. Философский очерк. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1966. С. 206.

⁵ Трубецкой Е. Смысл жизни. М., 1918. URL: https://royallib.com/read/evgeniy_trubetskoy/smysl_gizni.html#0 (дата обращения: 24.08.2023).

тельная трактовка), предполагающему максимально полное развитие индивида на благо общества в определенных, исторически данных условиях. Несоответствие целей, которые ставят себе люди в конкретных исторических обстоятельствах, высшим целям, подлинной сущности и смыслу жизни является предметом переживания, осмысления, анализа, критики и оценки в различных сферах духовной культуры. Вся классическая литература представляет собой сложный процесс осмысления и поиска конкретных форм реализации подлинного, высшего смысла. Указанная двойственность понятия смысл порождает известные трудности, требующие разъяснения и уточнения.

Следующая пара понятий – это смысл и ценность, которые также обнаруживают определенное тождество и, вместе с тем, различие содержания. Как и понятие смысла, понятие ценности начали исследовать в философии относительно поздно, что было обусловлено и сопровождалось кризисом классической традиции. Исследование смысла, ценности и ценностной иерархии бытия становится ведущим направлением в развитии неклассической философии конца XIX – первой половины XX вв. Ряд крупных проблем, с которыми столкнулась классическая философия, и связанный с ними кризис универсальных (тотальных) систем мысли сформировали запрос на конкретную философию⁶, в центре внимания которой должен находиться не абстрактно понятый мыслящий субъект, а реальный живой человек, с присущей ему индивидуальностью, действительными потребностями и интересами. Понятия смысла и ценности как раз и были призваны удовлетворить этот запрос, расширить классическое понимание отношений субъекта и объекта, человека и мира, человека и человека, раскрыть нерациональные, индивидуальные аспекты этих связей.

Усматривая параллели в развитии проблематики смысла и проблематики ценностей в современной философии, выделим и различие. Понятия «смысл» и «смысл жизни» в большей степени относятся к разделу фундаментальной философской теории, онтологии и гносеологии, в большей степени отражают всеобщий аспект взаимосвязи человек – мир, человек – человек. Понятия ценности и ценности жизни, в свою очередь, в большей степени относятся к разделам социальной философии, этики, эстетики, аксиологии в целом, т.е. в относительно большей степени призваны отражать специфический, особенный аспект взаимосвязи человек – мир, человек – человек.

Еще одна пара понятий, на которой мы остановимся особо, – это смысл и сущность. Сущность – одна из основных категорий классической философии. В единстве с другими узловыми категориями диалектики она формирует систему, лежащую в основе философского и, шире, научного мышления. Сущность –

---

⁶ См.: Марсель Г. Опыт конкретной философии. М.: Республика, 2004. 224 с.

важнейшее, основное, глубинное содержание тех или иных вещей, явлений, процессов, действительности в целом. Сущность человека – это его основное содержание, то, что делает человека человеком, выделяет его из окружающего мира. Сущность жизни – это ее основное содержание, то, что делает ее именно человеческой жизнью, ее предельные основания и высшие цели. Поскольку классическая философия, в общем, исходит из установки гносеологического оптимизма, постольку в рамках классического мышления смысл жизни в тенденции совпадает с ее сущностью. Поэтому вопрос о сущности человека (его жизни) оказывается здесь главным, первоочередным, во многом вытесняя другие, более частные аспекты вопроса о смысле жизни. Следовательно, тезис о том, что проблема смысла жизни не поднималась классической философией, или не была одной из основных, является, по меньшей мере, дискуссионным.

Проблемы места человека в мире, его предназначения, достойного и должного, идеалов и перспектив были в фокусе внимания философской мысли с момента ее зарождения. Причем представители классической философии не ограничивались предельно общими рассуждениями о природе и предназначении человека, формируя социально-философские, политические, нравственные, эстетические представления своей эпохи. Другое дело, что эти представления преимущественно отражали природу классового общества, острого социального антагонизма и отчуждения, абсолютизировали одни стороны человеческой природы и нивелировали значение других. Все мыслители до середины XIX в. независимо от их философской партийности связывали сущность и смысл жизни с духовным самосовершенствованием, интеллектом, нравственностью, эстетическим развитием, что парадоксальным образом сочеталось с принятием объективно существующего неравенства возможностей такого развития для разных социальных групп и классов в обществе. Абсолютизация абстрактно понятой духовности, интеллектуализм – были и, во многом, остаются естественным результатом глубокого отчуждения, расщепления сущности человека в классовом обществе. Уровень развития человека, прежде всего – его объективных способностей и потребностей, труда и отношений, исторически обусловленная дезинтегрированность его целостной природы долгое время не позволяли выявить действительную, объективную сущность человека. Философия прошлого схватывала лишь «абстрактную физическую природу» человека, ее природно-биологический фундамент, что, конечно, не могло служить основанием формирования научной теории человека и общества. Действительная природа человека, по сути, мистифицировалась, замещалась абстрактными теоретическими конструкциями классической философии. Отвергнув бесплодные абстракции прежней философии, неклассическая философия выдвигает тезис о необходимости вернуться к непосредственному опыту, переживанию бытия как такового,

в единстве всех его аспектов и сторон. Однако и этот подход сталкивается с закономерными трудностями и весомыми возражениями. Подвергая критике феноменологический метод, использовавшийся, в частности, М. Хайдеггером в «Бытии и времени», В.В. Орлов пишет о принципиальной ограниченности непосредственного переживания, взятого вне связи с определенной теорией, методологией и, конечно, практикой. «Подлинный, не высказываемый явно феноменологический метод Хайдеггера состоит в попытке раскрыть смысл бытия, понимаемого им явно как человеческое переживание мира и самого себя, с помощью средств переживания (“присутствие”, “страх”, “ужас” и т.п.). Материалистическая онтология и теория познания давно показали, что чувственные формы отражения мира – ощущения, восприятия, представления, переживания и т.д. – не могут быть поняты посредством самих себя. Так, красное несет в себе как объективное чувственное свойство вещи, так и субъективную форму его переживания, однако в “красном” они неразрывно слиты и непосредственно в “красном” не могут быть расчленены и выделены. Точно так же в формах переживания бытия (присутствие, страх, ужас и т.п.) невозможно выделить бытие как таковое, в его собственном содержании»⁷. Не отвергая значения феноменологического, в широком смысле слова, подхода в развитии гуманитарного знания и культуры, согласимся с тем, что феноменологический метод не может рассматриваться как самостоятельный и самодостаточный метод формирования интегральной теории человека и смысла его бытия.

Марксистская философия как результат поступательного развития философского мышления и объективных факторов общественного развития смогла выработать теоретико-методологические подходы к решению целого ряда крупных проблем классической философии. В марксизме были предложены теоретически и практически непротиворечивые абстракции сущности мира и человека, дано принципиальное решение проблем сущности и смысла человеческого бытия.

Мир выступает как объективная, бесконечно развивающаяся реальность в единстве противоречивых моментов – общего и единичного, бесконечного и конечного, необходимого и случайного, сущности и явления и т.д. Человек выступает как закономерный результат развития материи, ее «высший цвет»⁸, высшее, «предметное», субстанциальное существо, источник дальнейшего развития мира и самого себя.

---

⁷ Орлов В.В. Проблема материи в современной российской философии // Философия и общество. 2010. № 3 (59). С. 22–39.

⁸ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Изд. 2-е. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 363.

Сознание – присущая человеку высшая форма отражения объективного мира. Универсальность сознания, его способность в тенденции отображать бесконечное качественное многообразие мира, является следствием универсальной природы человека. Сознание, в широком смысле, включает в себя собственно сознание (в узком смысле) и бессознательное, отражающие, соответственно, действительное и возможное бытие, реализованные и потенциальные свойства и качества объективного мира⁹. Диалектическое единство сознания и бессознательного, их взаимосвязь и взаимопревращение, где сознание, в конечном счете, играет ведущую роль, обеспечивает возможность свободного и творческого преобразования действительности¹⁰.

Смысл жизни, в самом общем виде, состоит в реализации основного содержания родовой и индивидуальной сущности человека, в преобразовании окружающего мира и самого человека. Преобразование, производство человеком самого себя – сложный, многоуровневый и многоаспектный процесс, реализующийся в конкретно-исторических формах непосредственного производства жизни, семейных, классовых, этнических отношений, а также определенных формах религии, нравственности, эстетического чувства, научного и философского творчества.

Смысл жизни как осознание человеком своего объективного бытия включает духовную и материальную составляющие. Последняя выступает в качестве фундамента, основного содержания смысла жизни. Объективное содержание жизни никогда в полной мере не осознается человеком, поскольку является первичным, субстанциальным, в конечном счете, порождает субъективное со всем его внутренним содержанием. Наша задача в этом плане в общем и целом понять, дать определенную теоретическую, нравственную, эстетическую оценку, прочувствовать суть и основные тенденции своей жизни, жизни других людей и общества в целом. Поскольку смысл жизни не сводится к своей духовной составляющей, тем более ее рациональному компоненту, постольку не правомерно было бы рассматривать в качестве реального смысла жизни те суждения о нем, которые представлены в философии, этике, культуре тех или иных эпох. Так, «отцы философии» в эпоху античности сформулировали глубокие, намного опередившие свое время, идеи универсальной природы человека, самоотверженного служения возвышенному, нравственного долга, но не смогли осмыслить значение объективных сторон жизни человека, дать нравственную оценку

---

⁹ См.: Корякин В.В. Труд и единый закономерный исторический процесс: монография. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2008. Ч. 2. С. 283.

¹⁰ См.: Барг О.А. Феномен смысла жизни, природа сознания и научная философия // Системный подход, философия и естествознание: монография. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2018. С. 39.

рабству. А между тем сущность человека и смысл его жизни – это комплексное, интегральное явление, важнейшими составляющими которого выступают исторический тип труда и характер экономических, классовых, семейных отношений, дающих нам в совокупности с духовными составляющими культуры действительный портрет человека и общества на определенном этапе развития.

Смысл жизни всегда шире и глубже тех теоретических выводов, которые формулируют люди, и, как бы это ни казалось странным, глубже тех переживаний, которые может испытывать человек по поводу своей жизни и жизни человечества. Это однако не умаляет значения размышлений о смысле жизни и формирования научной теории человека и общества, как раз наоборот. Формирование научной картины мира, представлений о ведущих тенденциях общественного развития, индивидуальные размышления о смысле бытия и конкретной исторической ситуации – важные факторы преобразования действительности.

Базовыми принципами построения марксизма, в том числе в перспективе создания развернутой системы категорий научной философии¹¹, выступают принципы объективности, развития и гуманизма. Эти принципы взаимно предполагают и дополняют друг друга, образуя систему, в которой ведущим, интегрирующим является принцип объективности (материализма). Объективность – важнейшее сущностное свойство мира и человека. Сущность субъективного состоит в тенденции выхода за свои пределы, в тождестве с объективным. Сущность процесса познания в снятии субъективности, отображении мира как такового, в бесконечном многообразии его уровней и сторон, что, конечно, возможно только в бесконечной перспективе развития. Магистральным направлением развития познания выступает движение к научности, объективности, концентрированно выраженное в постановке проблемы и тенденциях формирования научной философии¹². Различные стороны и аспекты этого процесса представлены широким спектром направлений и течений, как классической, так и современной философии.

Увязывание и реализация принципов объективности и развития выводит философию на качественно новый уровень. Программа перехода от традиционной, абстрактно-всеобщей системы понятий к конкретно-всеобщей системе была впервые предложена Гегелем¹³. Как справедливо заметил Гегель, абстрактно-

---

¹¹ См.: Орлов В.В. Проблема системы категорий философии. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2012. 262 с.

¹² См.: Орлов В.В. История человеческого интеллекта. Ч. 1,2. Предыстория – миф – религия – Просвещение – Кант – Гегель – Современный интеллект. Избранные труды. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002. С. 179.

¹³ См.: Орлов В.В. Особенности системы категорий философии Г.В.Ф. Гегеля // Философия и общество. 2011. № 3. С. 184–197.

всеобщие теоретические конструкции оказываются слишком бедными и, во многом, бесполезными с точки зрения практики. Гегель фактически подошел к решению ряда ключевых, «проклятых» проблем классической философии – связи объективного и субъективного, общего и единичного, бесконечного и конечного. Однако теоретические основания его системы не позволили ему в полной мере реализовать замысел. Данный переход, но на принципиально иной теоретической платформе, был осуществлен классиками марксизма. Однако значение и результаты выхода философии на новый теоретико-методологический уровень были осмыслены гораздо позднее – в советской и постсоветской философии. Как представляется, «поворот к конкретному», движение к конкретно-всеобщим обобщениям и выводам – это магистральное направление современной философской мысли, так или иначе представленное в рамках различных ее парадигм и течений. Но по иронии судьбы главными объектами критики для большинства направлений современной философии служат системы Гегеля и Маркса, мыслителей, по сути, вскрывших ограниченности классических абстракций и заложивших основы принципиально нового способа мышления. В полный теоретический рост проблема формирования конкретно-всеобщей философской теории (и реализации практической функции философии) была поставлена в философии второй половины XX в., в связи с процессами дифференциации и интеграции науки, нарастающим цивилизационным кризисом, необходимостью решения глобальных проблем современности. Значительный вклад в постановку проблемы и развитие конкретно-всеобщей философской теории был внесен, как представляется, В.В. Орловым и коллективом авторов Пермской университетской философской школы¹⁴.

Следует подчеркнуть, что современная конкретно-всеобщая теория материализма (марксизма) является закономерным развитием основных тенденций классической философии, их теоретическим переосмыслением, в том числе, с учетом критики направлениями неклассической мысли. С одной стороны, марксизм укладывается в рамки классического способа мышления с характерными для него чертами – философским монизмом, системностью, гносеологическим оптимизмом, рационализмом. С другой, преодолевает его, вырабатывая принципиально новые абстракции и теоретико-методологические принципы, позволяющие «снять» центральные проблемы классической философии. Неклассическая философия выступает в этом отношении как элемент критики и самокритики классического способа мышления, момент его самоотрицания. Базовые принципы марксистской философии позволяют в тенденции преодолевать как

---

¹⁴ См.: Орлов В.В. Пермской университетской школе научной философии – 50 лет // Новые идеи в философии. Вып. 19. Пермь, 2010. Т. 1. С. 5–24.

крайности классического способа мышления (абсолютизирующего всеобщее и бесконечное), так и крайности неклассического мышления (абсолютизирующего единичное и конечное). Конкретно-всеобщий диалектический метод позволяет учитывать и увязывать противоположные аспекты действительности, сохраняя при этом их собственное содержание и значение. Смысл жизни трактуется здесь как уникальный и неповторимый феномен, который вместе с тем в свернутом виде несет в себе содержание бесконечного мира, законы и закономерности развития объективной реальности, которые могут быть объектом теоретического осмысления. Конкретно-всеобщий философский подход позволяет понять человека в единстве его сущностных сил и сторон – материальной и духовной, способностей и потребностей, свободы и ответственности, коллективности и индивидуальности, понять в контексте истории, специфического образа жизни, сформировать представления о наиболее оптимальных возможностях развития, смысловенных видах деятельности. Таким образом, представленный в конкретно-всеобщем виде принцип объективности совпадает с принципом гуманности.

Мы не согласны с оценкой одного из ведущих отечественных философско-марксистов И.А. Гобозова, который отвергает возможность создания общей теории смысла жизни. «Проблема смысла жизни – экзистенциальная проблема, и здесь допускается множество интерпретаций»¹⁵. Однако в этой же работе Иван Аршакович подчеркивает, что есть единые, вневременные константы, определяющие жизнь человека, и большинство исследователей сходятся в понимании этих констант. Смысл жизни человека – это «проявление его физических и духовных потенций, удовлетворенность своей трудовой деятельностью, семейными отношениями, это активная жизненная позиция, приумножение общественного богатства, коллективизм, патриотизм, предпочтение общих интересов личным, альтруизм, это стремление к достижению благой цели и т.д.»¹⁶. Указанное противоречие симптоматично. С одной стороны, оно связано с неоднозначной трактовкой природы гуманитарной науки, с другой, с сохраняющимися трудностями и дискуссиями вокруг проблемы соотношения общего и единичного (индивидуального, уникального).

Индивидуальность пути каждого конкретного человека не отменяет общего, которое формирует законы и может быть предметом научного исследования. То, что разные люди живут и действуют в разных конкретно-исторических обстоятельствах, имеют разные профессии, семейное положение, глубоко различные интересы, мечты и потребности, тем не менее не отменяет повторяемости,

---

¹⁵ Гобозов И.А. Смысл жизни как экзистенциальная проблема // Философия и общество. 2013. № 1. С. 8.

¹⁶ Там же. С. 10.

необходимых, общих черт в жизни разных людей. Индивидуальность не отрицает общего, а предполагает общее, родовое в природе человека. Более того, индивидуальность человека и его жизни – это, общее, неотъемлемое свойство всех людей. Индивидуальность бытия, проявленная в человеческом обществе в наивысшей форме, ни в коей мере не может нивелировать значения науки, поскольку только в противоречивом единстве с общим, родовым и раскрывается высший смысл индивидуальности.

Однако более значимый аспект критики научного подхода к пониманию смысла жизни связан с дискуссиями вокруг природы гуманитарных наук, в которых объяснение и прогнозирование носит гораздо более сложный и нелинейный характер. Научный анализ в социальной сфере с необходимостью должен учитывать субъективные представления и мотивы людей, систему ценностных ориентиров и столкновение различных систем ценностей. Теория здесь неразрывно связана с жизненной практикой, реализованными в обществе экономическими отношениями, образом жизни и стилями жизни людей, определяющими степень и границы их объективности. Соответственно, та или иная трактовка смысла, сущности ценности человека, дается в контексте сложного комплекса теории, культуры, материальной практики. Исходя из определенной картины мира, системы ценностей и жизненного опыта, человек делает свой выбор в конкретной жизненной ситуации, определяя и оценивая, что является объективным, необходимым, существенным, а что субъективным, случайным, не существенным, тем самым производя свою жизнь и ее смысл. Теория смысла жизни, в этом отношении никогда не будет точным и достаточным инструментом определения смысла в той или иной ситуации, но она является необходимым, неотъемлемым инструментом понимания и производства смысла.

Об этом аспекте проблемы смысла жизни пишет, как представляется, И.А. Гобозов, подчеркивая, что она носит экзистенциальный характер. Этот же аспект проблемы является лейтмотивом в экзистенциализме и ряде других направлений неклассической философии, делающих акцент на сугубо индивидуальных, нерациональных сторонах жизни. Никакие теоретические конструкции не освобождают человека от необходимости выбора и необходимости создать свою жизнь, реализуя тот или иной смысл. Отсюда делается якобы необходимый вывод о принципиальной свободе и абсолютной уникальности бытия, бессмысленности любых теоретических схем. Однако более обоснованным и объективным представляется вывод о том, что теоретические обобщения и сознание в целом, в конечном счете, вторичны по отношению к объективному бытию людей, поэтому жизнь всегда требует от человека напряженного поиска, критического пересмотра и творческого применения теории. Наука и практика

опровергают идею абсолютной, негативной свободы. Окружающая нас действительность определенным образом организована, упорядочена, каждый уровень организации бытия предполагает определенный спектр возможностей развития, и теория позволяет определить наиболее оптимальные из них. Человек, действительно, является наиболее свободным существом в мире, причем не столько потому, что осознает и оценивает возможности своего развития, сколько потому, что реально производит свое бытие и историю, в концентрированном виде несет в себе всеобщее и бесконечное, производит законы своего бытия¹⁷. Нет никаких высших инстанций и готовых инструкций реализации смысла (внешней телеологии), люди сами производят свое бытие и историю, переживая, анализируя, оценивая ее ход, и зачастую оценка тем или иным событиям и процессам дается спустя столетия. Смысл жизни всегда больше самого себя не только потому, что он в полной мере не осознается людьми, но и потому, что непрерывно производится ими. Выскажем предположение, что смысл жизни конкретного человека не ограничен рамками его реальной жизни, поскольку человек существо родовое, и потомки наполняют жизнь предшествующих поколений более глубоким смыслом (как в позитивном, так и в негативном его понимании).

Наиболее остро вопрос о смысле стоит в переломные, кризисные моменты истории, когда сосуществуют и сталкиваются разные способы производства общественной жизни, противоположные системы ценностей и представления о смысле бытия. В такие периоды отдельный человек теряет возможность опереться на традиционные, общепринятые и общественно одобряемые образцы поведения. Задолго до того, как проблема смысла жизни стала одной из центральных для гуманитарной науки, Э. Дюркгейм пишет работу «Самоубийство», исследуя социальные основания этого явления и приходя к выводу, что его распространение является следствием кризиса традиционного общества и аномии¹⁸. В XX в. эта идея получает более широкую разработку. Один из признанных исследователей проблемы смысла жизни, создатель логотерапии, В. Франкл так же видит причины охватившего современное общество «экзистенциального вакуума» в разрушении традиционного общества, веры в некую устойчивую тотальную систему ценностей, и, соответственно, трудностях самоидентификации, формирования осмысленной модели себя в мире¹⁹. Польский психолог К. Обуховский определяет новейшую тенденцию как революцию субъектов и связывает драму современного человечества с искушением предме-

¹⁷ См.: Чернова Т.Г. Свобода и ответственность как сущностные силы человека // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 47.

¹⁸ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.

¹⁹ См.: Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 24.

тизации. В традиционной культуре («культуре людей-предметов») условием хорошего самочувствия и даже гордости индивида было следование определенным стандартам, социальным ролям, которое в новых условиях часто лишено всякого смысла. «Глупость политиков, тупость идеологов, атмосфера, а может просто всеобщее образование, которого требовали новые технологии, привели к тому, что люди утратили шанс полагаться на данные им культурные модели»²⁰. Рассмотренные взгляды схватывают действительную тенденцию индивидуализации бытия, жизни и смысла, которая неразрывно связана с противоположной тенденцией – ростом родового содержания человека и смысла жизни. Схватывание этих тенденций в единстве, в новых конкретно-исторических условиях требует новых форм абстракции и выработки новых культурных образцов.

С точки зрения марксистской теории и близких к ней социологических и экономических теорий²¹, современная цивилизация подошла к границам своего существования в рамках наличного способа производства общественной жизни и, соответственно, доминирующего типа социальности (идентичности). Разрушение стоимостного отношения как эквивалентного обмена деятельностью, порожденного исторически ограниченным типом труда и социальности²², ведет к кризису и девальвации характерной для него системы ценностей и смыслов. Мы уже писали о том, что система ценностей, сформированная добуржуазным и, в особенности, буржуазным обществом носит абстрактно-всеобщий характер²³. Ценности труда, интеллекта, коллективизма, свободы, равенства, справедливости являются здесь, по существу, декларативными, не могут быть в равной степени реализованы разными индивидами, социальными группами и классами. Являются ли реальными ценности знаний, любви к труду, коллективизма и равенства для нещадно эксплуатируемых народных масс в классовых обществах? Однако и представители господствующих классов не являются носителями этих ценностей в их подлинном смысле. В конечном счете, индивиды равны только перед Богом как абстрактные духовные существа. Соответственно, духовные ценности оказываются здесь определяющими, абсолютными, нивелируя значение действительной сущности человека, объективных основ духовности и гуманности.

---

²⁰ Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека. СПб.: Речь, 2003. С. 249.

²¹ См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608с.; Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. 416с.

²² См.: Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. С. 210.

²³ См.: Маслянка Ю.В. СМЫСЛ и «бес-СМЫСЛЕННОЕ время». Проблема смысла жизни в современной философии. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. С.178.

Становление всеобщего труда и формирование новой, «очеловеченной» стоимости (ценности) труда, перерастающей принцип эквивалентного обмена, способствует формированию новой, конкретно-всеобщей системы ценностей и иерархии смыслов. Процесс этот идет сложно и противоречиво. С одной стороны, он выражается в крайностях индивидуализма, цинизма, обесценивания и деконструкции прежней культуры²⁴. С другой, в попытках сохранения и удержания, формального обновления прежних устоев и ценностей. Однако сутью этого процесса является переработка и переосмысление культуры, наполнение ценностей труда, интеллекта, коллективности, индивидуальности, свободы, ответственности и др. реальным содержанием, что возможно только на основе глубокой реорганизации способа производства общественной жизни.

---

²⁴ См.: Гобозов И.А. Постмодернизм – эпоха медиократов // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 41–53.

Список литературы

- Алексеев П.В. Философы России XIX–XX столетия. Биографии, идеи, труды. М.: Академический Проект, 1999. 944 с.
- Алексеев П.В., Панин А.В. Диалектический материализм (Общие теоретические принципы). М.: Высшая школа, 1983. 335 с.
- Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества. М.: Мысль, 1982. 338 с.
- Баженов Л.Б. К дискуссиям о проблеме бесконечности Вселенной // Бесконечность и Вселенная. М.: Мысль, 1969. С. 129–135.
- Баженов Л.Б. Некоторые замечания по поводу публикации В.В. Орлова // Философские науки. 1974. №5. С. 74–77.
- Барабашев А.Г. Бесконечность и неопределённость // Бесконечность в математике: философские и исторические аспекты. М.: Янус-К, 1997. С. 273–282.
- Барашенков В. Эффект телепортации // Знание – сила. 2004. № 1. С. 33–41.
- Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. 342 с.
- Барг М.А. Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического исследования (Человеческое измерение) // История СССР. 1991. № 5. С. 70–86.
- Барг М.А. О категории «цивилизация» // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 25–40.
- Барг М.А. Черняк Е.Б. Исторические структуры и исторические законы // Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М.: Наука, 1979. 330 с.
- Барг О.А. Живое в едином мировом процессе. Пермь: Издательство Пермского университета, 1993. 225 с.
- Барг О.А. Феномен смысла жизни, природа сознания и научная философия // Системный подход, философия и естествознание. Пермь: ПГНИУ, 2018. С. 39–44.
- Барг О.А. Философские проблемы химии: конкретно-всеобщий подход. Пермь: Издательство Пермского университета, 2006. 165 с.
- Баталов Э.Я. Глобальный кризис демократии? // Свободная мысль. 2005. № 2. С. 13–24.
- Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963. 119 с.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 956 с.
- Беннет Дж. Пульсирующая материя. Политическая экология вещей. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 220 с.
- Бесконечность и Вселенная. М.: Мысль, 1969. 325 с.

- Бжезинский З. Америка потеряла чувство меры во внешней политике. URL: <https://topwar.ru/11314-zbigne-vm-bzhezinskiy-amerika-poteryala-chuvstvo-mery-vo-vneshney-politike.html> (дата обращения: 12.09.2023).
- Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М.: АСТ, 2015. 288 с.
- Библер В. С. О системе категорий диалектической логики. Сталинабад: Издательство Таджгосуниверситета, 1958. 157 с.
- Бирюков Б.В. Трудные времена философии: отечественная историческая, философская и логическая мысль в предвоенные, военные и первые послевоенные годы. М.: КомКнига, 2006. 248 с.
- Блауберг И.В. Проблема целостности в марксистской философии. М.: Высшая школа, 1963. 98 с.
- Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 270 с.
- Богомолов А.С. Разрешает ли «концепция уровней» парадокс развития? // Философские науки. 1970. № 3. С. 66–72.
- Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. Т.1. СПб.: Тиблен и Пантелеев, 1864. XIV + 699 + XVI с.
- Брайант Л. Демократия объектов. Пермь: Гиле Пресс, 2019. 314 с.
- Бранский В.П., Ильин В.В., Кармин А.С. Диалектическое понимание материи и его методологическая роль // Методологические аспекты материалистической диалектики. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1974. С. 13–54.
- Брикмон Ж., Сокал А. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. 248 с.
- Бродель Ф. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. 632 с.
- Буртин Ю. Ахиллесова пята исторической теории Маркса // Октябрь. 1988. № 11. С. 3–25.
- Бэкон Ф. Новый Органон // http://www.lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt_with-big-pictures.html#2 (дата обращения: 30.07.2017).
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
- Василенко Ю.В. У истоков испанского национализма // Социум и власть. 2015. № 5(55). С. 73–77.
- Васильева Т.С. Всеобщий исторический закон // Новые идеи в философии. Пермь, 1999. Вып. 8. С. 23–27.
- Васильева Т.С. Химическая форма материи и закономерный мировой процесс. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1984. 136 с.

- Васильева Т.С. Орлов В.В. Проблема соотношения биологического и социального. Пермь: Издательство Пермского университета, 1996. 96 с.
- Васильева Т.С., Орлов В.В. Химическая форма материи. (Химия, жизнь, человек). Пермь: Книжное издательство, 1983. 169 с.
- Велланский Д.М. Биологическое исследование природы в творящем и творимом ее качестве, содержащее основные начертания всеобщей физиологии. СПб.: Типография Иос. Иоаннесова, 1812. 456 с.
- Велланский Д.М. Обзорение главных содержаний философического естествопознания, начертанного из сочинений Окена. СПб.: Типография Иос. Иоаннесова, 1815. 41 с.
- Венцлер Л. Понятие «смысл жизни» в философии Владимира Соловьева и Евгения Трубецкого. Формальная структура и содержание // Вопросы философии. 2011. № 7. С. 21–32.
- Ветушинский А. Во имя материи. Критические и метафизические исследования. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 158 с.
- Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М.-Киев: REFL-book – ИСА, 1994. 656 с.
- Виленкин А. Мир многих миров: физики в поисках иных вселенных. М.: Астрель, 2009. 303 с.
- Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса. Часть первая // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 3. С. 328–334.
- Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса. Часть вторая // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 4. С. 528–536.
- Внутских А.Ю. Отбор в природе и отбор в обществе: опыт конкретно-всеобщей теории. Пермь: Пермский государственный университет, 2006. 335 с.
- Волков А.И. Человеческое измерение прогресса. М.: Политиздат, 1990. 296 с.
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Галактионов А.А. «Организмизм» и социализм М.В. Буташевича-Петрашевского // Социальная революция: вопросы теории. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1989. С. 110–117.
- Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3. М.: Мысль, 1972. 371 с.
- Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. С. 57–480.
- Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М.: Мысль, 1977. 470 с.
- Гердер И.Г. Идеи к философии и истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
- Гердер И.Г. Избранные сочинения. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 392 с.

- Герцен А.И. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. 592 с.
- Гизо Ф. История цивилизации в Европе. Издание третье. СПб.: Склад у Н.И. Герасимова, 1905. 289 с.
- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: УРСС, 2004. 224 с.
- Гинзбург В.Л. Разум и вера // Вестник РАН. Т. 69. 1999, № 6.
- Глинчикова А.Г. Может ли быть товаром интеллект и продукт его труда // Вопросы философии. 1997. № 3. С. 3–15.
- Гобозов И.А. Интеллектуальный кризис общества // Философия и общество. 2010. № 3. С. 5–21.
- Гобозов И.А. Постмодернизм – эпоха медиократов // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 41–53.
- Гобозов И.А. Смысл жизни как экзистенциальная проблема // Философия и общество. 2013. № 1. С. 5–20.
- Григорьян Б.Т. Человек. Его положение и призвание в современном мире. М.: Мысль, 1986. 224 с.
- Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования (Процесс развития и проблемы его научного воспроизведения). М.: Высшая школа, 1961. 214 с.
- Грэхем Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991. 480 с.
- Гудожник Г.С. Материальные основы многообразия цивилизаций // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 43–53.
- Гудожник Г.С. Цивилизация: развитие и современность // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 33–43.
- Гулыга А.В. О предмете исторической науки // Вопросы истории. 1964. № 4. С. 20–31.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: ТОО «Мишель и Ко», 1993. 503 с.
- Гуревич А.Я. Общий закон и конкретная закономерность в истории // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 14–30.
- Гутнер Г.Б. Дискретность и непрерывность в структуре математического дискурса // Бесконечность в математике: философские и исторические аспекты. М.: Янус-К, 1997. С. 242–261.
- Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1979. 406 с.
- Гэмбл Э. Кризис без конца? М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 301 с.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Книга, 1991. 574 с.

- Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 170 с.
- Деягин М.Г. Непубличный аспект кризиса демократии // Свободная мысль. 2009. № 7–8, С. 115–130.
- Диалектика материального мира (онтологическая функция материалистической диалектики). Л.: Издательство ЛГУ, 1985. 303 с.
- Друкер П.Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. М.: Издательский дом «Вильямс», 2001. 704 с.
- Дубровский В.Н. Самоорганизация пространства-времени в процессе эволюции Вселенной // Астрономия и современная картина мира. М.: ИФ РАН, 1996. 247 с.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда; Метод социологии. М.: Наука, 1991. 576 с.
- Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.
- Ершов Ю.Г. Человек, социум, история. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1990. 151 с.
- Ефремов И.А. Космос и палеонтология // Населенный космос. М.: Наука, 1972. С. 91–106.
- Жуков Е.М. Историческая наука и общая методология // Методологические проблемы науки. М.: Наука, 1964. С. 218–224.
- Заиченко Г.А. История западной философии. Классика против модернизма. Днепропетровск: Наука и образование, 2000. 200 с.
- Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материал «Капитала» К.Маркса): дис. ... канд. филос. наук. М., 1954.
- Игнатович В.Н. Критические заметки по современной космологии. URL: https://philofiot.narod.ru/Ignatovich_Kritic_zamet_kosmolog.htm (дата обращения: 07.10.2023).
- Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: Издательство АН СССР, 1960. 285 с.
- Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 464 с.
- Ильин В.В., Кармин А.С. Проблемы диалектико-материалистической концепции материи // Понятие материи в марксистской философии. Пермь: Изд-во ПГУ, 1977. С. 98–102.
- Ионов И.Н. Теория цивилизаций: этапы становления и развития // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5. С. 33–50.
- Казютинский В.В. Философские проблемы исследования Вселенной // Вопросы философии. 1980. № 12. С. 80–96.

- Казютинский В.В. Идея Вселенной // Философия и мировоззренческие проблемы современной науки. М.: Наука, 1981. С. 49–95.
- Кайдалов В.А. Диалектико-материалистическая концепция самодвижения и ее современные проблемы. Томск: Издательство Томского университета, 1982. 201 с.
- Какабадзе З.М. Человек как философская проблема // Какабадзе З.М. Проблема человеческого бытия. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 186–299.
- Кармин А.С. К постановке проблемы бесконечности в современной науке // Вопросы философии. 1965. № 2. С. 123–134.
- Кармин А.С. Космологические представления о конечности и бесконечности Вселенной и их отношении к реальности // Философские науки. 1978. № 3. С. 13–22.
- Кармин А.С. Познание бесконечного М.: Мысль, 1981. 229 с.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
- Кедров Б.М. О соотношении форм движения материи в природе // Вопросы философии. 1959. № 4. С. 44–56.
- Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история. М.: Политиздат, 1981. 290 с.
- Кертман Л.Е. Законы исторических ситуаций // Вопросы истории. 1971. № 1. С. 55–63.
- Князева Е.Н. Мыслить синергетически значит мыслить диалектически. URL: <https://spkurdyumov.ru/philosophy/myslit-sinergeticheski-znachit-myslit-dialekticheski/> (дата обращения: 07.10.2023).
- Князева Е.Н. Синергетически конструируемый мир. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/KnyazevaElena.htm> (дата обращения: 07.10.2023).
- Коблов А.Н. Диалектико-материалистическая концепция развития и современная физика. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1987. 204 с.
- Ковалев А.М. Диалектика способа производства общественной жизни. М.: Мысль, 1982. 255 с.
- Кольман Э. Современная физика в поисках дальнейшей фундаментальной теории // Вопросы философии. 1965. № 2. С. 111–122.
- Кольман Э. О конечности и бесконечности Вселенной // Бесконечность и Вселенная. М.: Мысль, 1969. С. 143–151.
- Кондрашов П.Н. Наслаждение как принцип историчности в философии К. Маркса // Маркс утраченный и Маркс обретенный. М.; Екатеринбург: ИФИП УрО РАН: Кабинетный ученый, 2021. С. 183–200.
- Кондрашов П.Н., Любутин К.Н. Глобализация и развитие индивида // Философия и общество. 2011. № 4. С. 50–57.

- Кондрашов П.Н., Любутин К.Н. Диалектика повседневности: Попытка марксистского анализа. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. 168 с.
- Конкин М.И. Проблема формирования и развития философских категорий. М.: Высшая школа, 1980. 245 с.
- Конт О. Курс позитивной философии // Родоначальники позитивизма. Вып. 4. Огюст Конт. СПб.: Издание «Брокгауз-Ефрон», 1912. 200 с.
- Копнин П.В. Диалектика как логики и теория познания. Опыт логико-гносеологического исследования. М.: Наука, 1973. 323 с.
- Корякин В.В. Труд и единый закономерный исторический процесс. Ч. 2. Пермь: Издательство Пермского университета, 2008. 340 с.
- Коряковцев А.А. Диалектический синтез в социальной теории Маркса // Маркс утраченный и Маркс обретенный. М.; Екатеринбург: ИФиП УрО РАН: Кабинетный ученый, 2021. С. 280–296.
- Кравец А.С. Вероятность и системы. Воронеж: Воронежское книжное издательство, 1970. 192 с.
- Крауч К. Постдемократия. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2010. 192 с.
- Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.
- Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К.Маркса. М.: Политиздат, 1980. 312 с.
- Курдюмов С.П. Философия нестабильности. URL: <https://spkurdyumov.ru/philosophy/filosofiya-nestabilnosti/> (дата обращения: 07.10.2023).
- Лакатос И. Наука и псевдонаука. Выступление в радиопрограмме Открытого университета. 1973. Т. 30. URL: <http://vladshaposhnikov.narod.ru/Lakatos/Lakatos.Science.Rus.pdf> (дата обращения: 1.07.2023).
- Ласточкин А.В. Категория «субстрат» в марксистской философии // Диалектический материализм как система. Пермь: Издательство Пермского университета, 1980. С. 139–145.
- Ласточкин А.В. Социальная форма материи. Свердловск: Издательство Уральского университета. 1990. 177 с.
- Ласточкин А.В. Субстратная сторона развития как способа существования материи // Низшее и высшее, системы и элементы в процессе развития. Челябинск : Издательство ЧГПИ, 1988. С. 4–12.
- Ласточкин А.В., Орлов В.В. О специфике социального субстрата // Философия пограничных проблем науки. Вып. 6. Пермь. 1974. С. 93–110.
- Ленин В.И. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 26. М.: Издательство политической литературы. 1969. С. 43–93.

- Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 29. М.: Издательство политической литературы. 1969. С. 77–218.
- Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 18. М.: Издательство политической литературы. 1969. С. 7–384.
- Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В.И. Избранные сочинения: в 10 т. Т. 8. М.: Политиздат, 1987. С. 174–181.
- Ленин В.И. О лозунге Соединенных штатов Европы // Ленин В.И. Избранные сочинения: в 10 т. Т. 6. М.: Политиздат, 1985. С. 305–309.
- Ленин В.И. Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 2. М.: Издательство политической литературы, 1967. С. 15–60.
- Лосев А.Ф. О бесконечной смысловой валентности языкового знака // Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Издательство МГУ, 1982. С. 115–124.
- Лоскутов Ю.В. Введение в теорию социальной субстанции. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. Электронные данные. 4,73 Мб ; 277 с. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/loskutov-vvedenie-v-teoriyu-socialnoj-substancii.pdf> (дата обращения: 07.10.2023).
- Лоскутов Ю.В. Кризис частной интеллектуальной собственности и всеобщий интеллект // Вестник Ивановского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 157–166.
- Лоскутов Ю.В. Моральная истина и «довод к человеку» // Философия и общество. 2023. № 1. С. 89–100.
- Лоскутов Ю.В. О месте формаций и цивилизаций в человеческой истории // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2001. Вып. 1. С. 5–11.
- Лоскутов Ю.В. Посткапиталистические проекты: онтология против идеологии // Дискурс. 2023. Т. 9, № 1. С. 18–28.
- Лоскутов Ю.В. Становление всеобщего труда и его субъекта // The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 3. С. 83–102.
- Лоскутов Ю.В. Субстанциальная онтология и решение глобальных экологических проблем // Век глобализации. 2023. № 1(45). С. 17–30.
- Лоскутов Ю.В. Субстанция морали // Новые идеи в философии. 2019. № 6(27). С. 93–106.
- Лоскутов Ю.В. Сущностные силы человека как высшие проявления атрибутов материи // Новые идеи в философии. 2022. № 10(31). С. 52–64.

- Лутай В.С. О методе построения системы диалектического материализма. Киев: Издательство Киевского университета, 1970. 185 с.
- Майданский А.Д. Реальность как деятельность: понятие практики в советской философии. URL: <http://caute.ru/am/text/realact.html> (дата обращения: 07.10.2023).
- Майоров Г.Г. Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница. М.: Издательство МГУ, 1973. 264 с.
- Малашиха Г.М. Тенденции гуманизации и дегуманизации экономики // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Выпуск 1. СПб: Петрополис, 2001. С. 157–192.
- Малкина С.М. Проблема критики метафизики и постметафизическое мышление: дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2017. 376 с.
- Мареев С.Н. Из истории советской философии: Лукач – Выготский – Ильенков. М.: Культурная революция, 2008. 448 с.
- Маркарян Э.С. Культура как система (Общетеоретические и историко-методологические аспекты проблемы) // Вопросы философии. 1984. № 1. С. 113–122.
- Маркс К. Беспорядки в Константинополе. – Столоверчение в Германии. – Бюджет // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 9. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 69–77.
- Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 115–217.
- Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 1. С. 382–413.
- Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 219–368.
- Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 43–784.
- Маркс К. Маркс – Павлу Васильевичу Анненкову, 28 декабря 1847 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. С. 401–412.
- Маркс К. Ницета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 65–185.
- Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 1–4.

- Маркс К. Экономические рукописи 1857-59 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 3–510.
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Издательство политической литературы, 1974. 2-е изд. Т. 42. С. 41–174.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 7–544.
- Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 3–230.
- Марксистско-ленинская философия. М.: Политиздат, 1964. 544 с.
- Марсель Г. Опыт конкретной философии. М.: Республика, 2004. 224 с.
- Маслянка Ю.В. СМЫСЛ и «бес-СМЫСЛЕННОЕ время». Проблема смысла жизни в современной философии. Пермь: Пермский государственный университет, 2009. 215 с.
- Массон В.М. Ленинские идеи о неравномерности исторического процесса и проблемы истории древнего мира // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1983. С. 7–15.
- Межуев В. Идея всемирной истории в учении Карла Маркса // Логос. 2011. № 2. С. 3–36.
- Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
- Мелюхин С.Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М.: Мысль, 1966. 383 с.
- Мелюхин С.Т. Проблемы философской теории материи // Философские науки. 1974. № 5. С. 57–67.
- Метафизика и пост-метафизическое мышление. М.: Академический проект, 2020. 230 с.
- Мнацаканян М.О. Постмодернизм: происхождение, природа и место в современной социологии. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 335 с.
- Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М.: Высшая школа, 1989. 175 с.
- Могильницкий Б.Г. О специфических исторических законах // Методологические и исторические вопросы исторической науки. Томск: Издательство Томского университета, 1986. С. 6–31.
- Момджян К.Х. Социум. Общество. История. М.: Наука, 1994. 238 с.

- Момджян К.Х. Субстанциальный подход в теоретическом обществензнании, его необходимость и принципы // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 71–82.
- Морен Э. Метод. Природа Природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 464 с.
- Мортон Т. Гиперобъекты. Философия и экология после конца мира. Пермь: Гиле Пресс, 2019. 284 с.
- Мостепаненко А.М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире. М.: Политиздат, 1974. 240 с.
- Мотрошилова Н.В. Отечественная философия 50-80-х годов XX века и западная мысль. М.: Академический Проект, 2012. 375 с.
- Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей: историко-философские очерки и портреты. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
- Мусаелян Л.А. Аккумулятивность развития как объективная основа систематизации категорий диалектики // Диалектический материализм как система. Пермь: Издательство Пермского университета, 1980. С. 37–44.
- Мусаелян Л.А. Аккумуляция содержания как закономерность развития материи. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Свердловск, 1980. 17 с.
- Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация. Пермь: ПГНИУ, 2016. 128 с.
- Мусаелян Л.А. Концепция исторического процесса К. Маркса: человеческий контекст // Мусаелян Л.А. Актуальные проблемы научной философии. Сборник научных трудов. Пермь: ПГНИУ, 2014. С. 60–76.
- Мусаелян Л. А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. Пермь: Издательство ПГУ, 2005. 390 с.
- Мусаелян Л. А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. 3-е изд., испр. Пермь: ПГНИУ, 2015. 421 с.
- Мусаелян Л.А. О законах истории, цветных революциях и возможности белой революции в России // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2012. Вып. 3(11). С. 5–16.
- Мчедлов М.П. Социализм – становление нового типа цивилизации. М.: Издательство политической литературы, 1980. 264 с.
- Мчедлова М.М. Понятие «цивилизация»: история и методология // Философия и общество. 1999. № 1. С. 149–164.
- Наан Г.И. О бесконечности Вселенной // Вопросы философии. 1961. № 6. С. 54–63.
- Наан Г.И. К проблеме бесконечности // Вопросы философии. 1965. № 12. С. 58–69.
- Наан Г.И. Понятие бесконечности в математике и космологии // Бесконечность и Вселенная. М.: Мысль, 1969. С. 3–77.

- Надеждин Н.И. Сочинения в 2 т. Издательство: РХГИ, 2000. 976 с.
- Налимов В.В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Тбилиси: Мецниереба, 1978. Т. 3. С. 286–291.
- Налимов В.В. Осознающая себя Вселенная // Астрономия и современная картина мира. М.: ИФ РАН, 1996. С. 50–55.
- Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания. М.: Наука, 1969. 246 с.
- Начальные основания нравственной философии. Сочинение г. Адама Фергусона. М.: Напечатано при Императорском Московском университете, 1804. 260 с.
- Наш современник Маркс. Пермь: Издательство Пермского университета, 2018. 178 с.
- Нецветаев А.В. К вопросу об универсализации в развитии живого // Философия пограничных проблем науки. № 6, 1974.
- Новикова Л.И. Цивилизация и культура в историческом процессе // Вопросы философии. 1982. № 10. С. 53–63.
- Обухов В.Л. Системность элементов диалектики. Л.: ЛГУ, 1985. 183 с.
- Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека. СПб.: Речь, 2003. 296 с.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1964. 900 с.
- Оконская Н.Б. Диалектика социального и биологического в историческом процессе. Пермь, 1976. 198 с.
- Оконская Н.Б. История и биология. Пермь: Издательство Пермского университета, 1993. 153 с.
- Онфре М. Космос: Материалистическая онтология. М.: Кучково поле, 2017. 462 с.
- Орлов В.В. Диалектический материализм и психофизиологическая проблема. Пермь: Пермское книжное издательство, 1960. 208 с.
- Орлов В.В. История человеческого интеллекта. Ч. 1, 2. Пермь: Издательство Пермского государственного университета, 1998. 187 с.
- Орлов В.В. История человеческого интеллекта. Ч. 3. Пермь: Издательство Пермского государственного университета, 1999. 183 с.
- Орлов В.В. Концепция единого закономерного мирового процесса в научной философии // Новые идеи в философии. Пермь: Пермский государственный университет, 2008. Вып. 17. Т. 1. С. 5–20.
- Орлов В.В. Концепция человека в диалектическом материализме // Проблема человека в диалектическом материализме. Пермь: Пермский государственный университет, 1979. С. 5–44.

- Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь: Пермский государственный университет, 1974. 397 с.
- Орлов В.В. Научная философия в начале XXI века // Новые идеи в философии. Вып. 9. Пермь: Пермский государственный университет, 2000. С. 118–123.
- Орлов В.В. Научная философия как основа интеллектуального потенциала общества // Новые идеи в философии. Пермь: Пермский государственный университет, 2001. Вып. 10. С. 6–15.
- Орлов В.В. О некоторых вопросах теории материи, развития, сознания // Философские науки. 1974. № 5. С. 47–556.
- Орлов В.В. О программе построения системы категорий диалектического материализма // Диалектический материализм как система. Пермь: Пермский государственный университет, 1980. С. 4–25.
- Орлов В.В. Основы философии. Часть первая. Общая философия. Вып.1. Пермь: Пермский государственный университет, 2001. 216 с.
- Орлов В.В. Основы философии. Часть первая. Общая философия. Вып.2. Пермь: Пермский государственный университет, 1997. 175 с.
- Орлов В.В. Особенности системы категорий философии Г.В.Ф.Гегеля // Философия и общество. 2011. № 3. С. 184–197.
- Орлов В.В. Пермской университетской школе научной философии – 50 лет // Новые идеи в философии. Пермь: Пермский государственный университет, 2010. Вып. 19. Т. 1. С. 5–24.
- Орлов В.В. Проблема будущего человеческой цивилизации // Новые идеи в философии. Пермь: Пермский государственный университет, 1999. Вып. 8. С. 4–23.
- Орлов В.В. Проблема материи в современной российской философии // Философия и общество. 2010. № 3(59). С. 22–39.
- Орлов В.В. Проблема системы категорий философии. Пермь: ПГНИУ, 2012. 262 с.
- Орлов В.В. Психофизиологическая проблема. Философский очерк. Пермь: Издательство Пермского университета, 1966. 438 с.
- Орлов В.В. Социальная биология: предмет, статус, проблемы // Философия пограничных проблем науки. Вып. 7. Пермь: ПГУ, 1974. С. 3–26.
- Орлов В.В. Философский манифест: накануне двадцать первого века // Новые идеи в философии. Пермь: Пермский государственный университет, 1998. Вып. 7. С. 4–14.
- Орлов В.В. Фундаментальные проблемы философской антропологии // Новые идеи в философии. Пермь: Пермский государственный университет, 1997. Вып. 6. С. 3–16.
- Орлов В.В. Человек, мир, мировоззрение. М.: Молодая гвардия, 1985. 220 с.

- Орлов В.В., Васильева Т.С. Антропология как система наук о человеке // Три точки зрения на философскую антропологию. Севастополь: СевГТУ, 1996. Вып. 2. С. 44–58.
- Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики. Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. 264 с.
- Орлов В.В., Васильева Т.С. Человек, ускорение, научно-технический прогресс. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1989. 192 с.
- Орлов В.В., Мусаелян Л.А. Материальное единство мира и принцип развития // Понятие материи в марксистской философии. Пермь: Издательство Пермского университета, 1977. С. 122–124.
- Оруджев З.М. Диалектика как система. М.: Политиздат, 1973. 352 с.
- Оруджев З.М. Способ мышления эпохи. Философия прошлого. М.: УРСС, 2004. 400 с.
- Орынбеков М.С. Субстанция как внутреннее единство развивающихся целостных систем и принцип их познания // Развитие как регулятивный принцип. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1991. С. 67–85.
- Осмоловская А.А. Политическая репрезентация и кризис демократии // Новые идеи в философии. Вып. 11. 2023. С. 104–111.
- Панфилова Т.В. Проявление постмодернизма в нашей жизни // Философия и общество. 2017. № 1. С. 48–60.
- Панцхава И.Д., Пахомов Б.Я. О принципах построения диалектического материализма как теоретической системы // Философские науки. 1979. № 2.
- Пивоваров Д.В. Основные категории онтологии. Екатеринбург: Издательство УРГУ, 2003. 268 с.
- Портнов А.Н. Знак и образ в мышлении и сознании // Становление и структура сознания и познания. Иваново: ИВГУ, 1983. С. 65–75.
- Поршнев Б.Ф. Роль социальных революций в смене формаций // Проблемы социально-экономических формаций. М.: Наука, 1975. С. 25–39.
- Природа психического. Пермь: ПГУ, 1994. 156 с.
- Прохоров М.М. К 100-летию книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // Философия и общество. 2009. № 3. С. 37–57.
- Равен Х. Оогенез. Накопление морфогенетической информации. М.: Мир, 1964. 306 с.
- Райбекас А.Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории. Томск: Издательство Томского университета, 1977. 243 с.
- «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 5–38.
- Регев Й. Введение в исчисление сред // Логос. 2020. № 5. С. 1–22.

- Реgev Й. Коинсидентология: краткий трактат о методе. СПб.: Транслит, 2015. 60 с.
- Реgev Й. Невозможное и совпадение. О революционной ситуации в философии. Пермь: Гиле Пресс, 2016. 146 с.
- Робинсон Г. Субстанция. URL: <http://philosophy.ru/substance/> (дата обращения: 07.10.2023).
- Родионова И.К. К проблеме развития категориальной системы // Принципы систематизации категорий материалистической диалектики. Иркутск: ИрГУ, 1980. С. 85–86.
- Рожин В.П. Введение в марксистскую социологию. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 159 с.
- Розин В.М. Генезис европейской социальности. Этюды-исследования. М.: Новый хронограф, 2020. 400 с.
- Русская философия. Словарь. М.: Терра – Книжный клуб; Республика, 1999. 656 с.
- Руссо Ж.Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. 704 с.
- Рыбалко В.К. Становление диалектической концепции «вещь-свойство-отношение». Харьков: Основа, 1991. 95 с.
- Рюгимер В. Новая техника – старое общество: Кремниевая долина. М.: Политиздат, 1988. 253 с.
- Самбуrow Э.А. Взаимосвязь категорий диалектики. М.: Наука, 1987. 89 с.
- Свидерский В.И. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М.: Мысль, 1965. 288 с.
- Свидерский В.И. О философском понимании конечного и бесконечного // Вопросы философии. 1964. № 6. С. 37–46.
- Семенов В.Л. Закон возрастающей роли народных масс в истории: механизм действия и использования. Пермь: Книжное издательство, 1990. 190 с.
- Сен-Симон А.К. Избранные произведения. Т. 1. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. 468 с.
- Сёрл Д. Мозг, сознание и программы // Аналитическая философия: Становление и развитие. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 376–400.
- Слущкий М.С. Проблема завершенности и незавершенности системы категорий диалектики // Принципы систематизации категорий материалистической диалектики. Иркутск: ИрГУ, 1980. С. 83–84.
- Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.
- Снетова Н.В. История русского органицизма. Пермь: Издательство Пермского университета, 2007. 133 с.

- Снетова Н.В. Философия Н.Н.Страхова (Опыт интеллектуальной биографии). Пермь: Издательство Пермского университета, 2010. 352 с.
- Солонин Ю.Н. Проблема единства знания: между системностью и целостностью. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000252/index.shtml> (дата обращения: 07.10.2023).
- Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Издательство политической литературы, 1992. 544 с.
- Сочинения Герберга Спенсера. Опыты научные, политические и философские. Т. 1-2. СПб.: «Издатель», 1899–1990. 310 + 266 с.
- Степин В.С. Российская философия сегодня: проблемы настоящего и оценки прошлого // Вопросы философии. 1997. № 5. С. 3–14.
- Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 743 с.
- Столярова О.Е. Возвращение метафизики как факт. М.: Русское общество истории и философии науки, 2019. 200 с.
- Страхов Н.Н. Мир как целое. Черты из наук о природе. 2-е изд. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1892. 582 с.
- Страхов Н.Н. Философские очерки. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1895. 530 с.
- Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1986. С. 93–112.
- Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
- Тригг Д. Нечто. Феноменология ужаса. Пермь: Гиле Пресс, 2017. 174 с.
- Трубецкой Е. Смысл жизни. URL: https://royallib.com/read/evgeniy_trubetskoy/smysl_gizni.html#0 (Дата обращения: 24.08.2023).
- Тугаринов В.П. Соотношение категорий исторического материализма. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. 118 с.
- Турчин А.В. Структура глобальной катастрофы: риски вымирания человечества в XXI веке. М.: URSS, ЛКИ, 2011. 431 с.
- Тэн И.А. Философия искусства. М.: Республика, 1996. 351 с.
- Тюрго А.Р. Избранные философские произведения. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 192 с.
- Уёмов А.И. Вещи, свойства и отношения. М.: Издательство АН СССР, 1963. 184 с.
- Урсул А.Д. О природе информации // Вопросы философии. 1965. № 3.
- Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 629 с.
- Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
- Фоллмер Г. Эволюционная теория познания: врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. М.: Русский Двор, 1998. 256 с.

- Формации или цивилизации? (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 34–59.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
- Фромм Э. Бегство от свободы. Москва: Прогресс, 1990. 268 с.
- Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Наука, 1992. 252 с.
- Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. 2003. № 4–5. С. 100–145.
- Хазанов А.М. Природно-хозяйственные различия в каменном веке и проблема первичного материнского рода // Советская этнография. 1973. № 1. С. 114–121.
- Хайтун С.Д. Эволюция Вселенной // Вопросы философии. 2004. № 10. С. 74–92.
- Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. 632 с.
- Харман Г. Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Гиле Пресс, 2015. 152 с.
- Хелд Д. Модели демократии. М.: Дело, 2014. 544 с.
- Хлопин А.Д. Изменение капиталистической организации труда и личности работника // Рабочий класс и современный мир. 1987. № 6
- Худякова Н.Л. Производство как субстанция общества // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. Вып. 31. 2013. № 38 (329). С. 24–29.
- Хуэй Ю. Рекурсивность и контингентность. М.: V-A-C Press, 2020. 400 с.
- Черненко А.К. Причинность в истории. М.: Мысль, 1983. 204 с.
- Чернов В.И. Анализ философских понятий: (некоторые вопросы теории). М.: Наука, 1966. 215 с.
- Чернова Т.Г. Свобода и ответственность как сущностные силы человека // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 45–52.
- Чудинов Э.М. Аксиоматический характер тезиса о бесконечности Вселенной в релятивистской космологии и закон исключенного третьего // Философские проблемы теории тяготения Эйнштейна и релятивистской космологии. Киев: Наукова думка, 1965. С. 318–325.
- Чудинов Э.М. Логические аспекты проблемы бесконечности Вселенной в релятивистской космологии // Бесконечность и Вселенная. М.: Мысль, 1966. С. 181–219.
- Чудинов Э.М. Общая теория относительности и пространственно-временная структура Вселенной // Вопросы философии. 1967. № 3. С. 65–75.
- Шавиро С. Вне критериев. Кант, Уайтхед, Делез и эстетика. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 210 с.

- Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.
- Шеллинг Ф.В. Сочинения. М.: Мысль, 1998. 1664 с.
- Шемякин Я.Г. Проблема цивилизации в советской научной литературе 60-80-х годов // История СССР. 1991. № 5. С. 86–103.
- Шептулин А.П. Система категорий диалектики. М.: Наука, 1967. 375 с.
- Шестакова И.Г. Человек и социум в темпоральности цифрового мира. Дисс. на соиск. уч. степ. доктора философских наук. Воронеж, 2020. 430 с.
- Широканов Д.И. Диалектика познания и категория субстанции. Минск: Наука и техника, 1974. 208 с.
- Шмитт К. Государство и политическая форма. М.: Издательский дом университета «Высшая школа экономики», 2010. 260 с.
- Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: ВО «Наука», 1993. Т. 1: Образ и действительность. 592 с.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 1-338.
- Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 339–628.
- Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 269–317.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 23–178.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Издательство политической литературы, 1991. 528 с.
- Adams F. Long-term astrophysical processes // Global Catastrophic Risks. Oxford: Oxford University Press, 2012. Pp. 33–47.
- Bogost I. Alien Phenomenology, or What It's Like to be a Thing. London, Minneapolis: University of Minnesota Press, 2012. 166 p.
- Bostrom N. Existential Risks. Analyzing Human Extinction Scenarios and Related Hazards. URL: <https://www.jetpress.org/volume9/risks.html> (accessed 30.07.2023).
- Bostrom N., Čirković M. Introduction. // Global Catastrophic Risks. Oxford: Oxford University Press, 2012. Pp. 1–29.
- Cases V. La polémica España de Masson de Morvilliers. URL: <http://www.saavedrafajardo.org/Archivos/LIBROS/Libro0665.pdf> (accessed 30.06.2014).

- Čirkovič M., Sandberg A., Bostrom N. Anthropoc shadow: observation selection effects and human extinction risks // *Risk Analysis*. 2010. Vol 30. No. 10. Pp. 1495–1506.
- Fuchs Christian. *Digital Capitalism*. Volume 3. London, New York: Routledge, 2022. 328 p.
- Future of Humanity Institute. URL: <https://www.fhi.ox.ac.uk/> (accessed 1.07.2023).
- Global Risks Report. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-risks-report-2023/> (accessed 31.07.2023.)
- Hanson R. Catastrophe, Social collapse, and human extinction. // *Global Catastrophic Risks*. Oxford: Oxford University Press, 2012. Pp. 363–378.
- Harman G. *Bells and Whistles. More speculative realism*. Winchester, UK; Washington, USA: University of Zero Books, 2013. Pp. 303.
- Lakatos I. *Falsification and Methodology of Scientific Research Programmes* // Lakatos I. *The methodology of Scientific Research Programmes*. N.Y.: Cambridge University Press, 1989. Pp. 8–101.
- Soja R. *Dynamics of the Solar System Meteoroid Population*. A thesis submitted in partial fulfilment of the requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in Physics at the University of Canterbury. 2010. Department of Physics and Astronomy University of Canterbury. URL: https://ir.canterbury.ac.nz/bitstream/handle/10092/4305/thesis_fulltext.pdf;jsessionid=FF1B3ADC1EA5E27541720CA6DB52A510?sequence=1 (accessed 30.07.2017.)
- Stem Cells, Human Embryos and Ethics: *Interdisciplinary Perspectives*, edited by Lars Østnor, Springer Netherlands, 2008. 255 p.
- Unamuno M. de. *Le sentiment tragique de la vie*. Paris: Gallimard, 1965. 377 p.
- Voltaire. *Essai sur les moeurs et l'esprit des nations*. Paris: Imp. Ferd., 1899. 521 p.
- Voltaire. *Histoire de Charles XII*. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1908. 32 p.
- Voltaire. *Le siecle de Louis XIV*. Paris: Garnier Freres, Libraires-Editeurs, s.a. 611 p.
- Yudkowsky E. Cognitive biases potentially affecting judgment of global risks // *Global Catastrophic Risks*. Oxford: Oxford University Press, 2012. Pp. 91–119.

Оглавление

Философия В.В. Орлова в контексте эпохи (вместо предисловия)	3
Глава 1. Об одной фундаментальной закономерности развития материи и ее методологическом значении для решения некоторых современных социально-политических проблем	25
Глава 2. Об универсальном характере конкретно-всеобщих законов развития. Всеобщий, особенный (общественный) и единичный (индивидуальный) аспекты	41
Глава 3. Концепция уровней и социальная философия	58
Глава 4. Проблема социальной субстанции – вчера и сегодня	69
Глава 5. Категориальные проекты в отечественной философской мысли	85
Глава 6. Глобальные катастрофические риски и концепция единого закономерного мирового процесса	105
Глава 7. Теория цивилизаций и сущностные силы человека	124
Глава 8. Сущностные силы человека и направленность исторического процесса (к вопросу об эвристическом потенциале научной философии)	138
Глава 9. Бесконечность и язык в философии XX в.	148
Глава 10. Философия Владимира Орлова и русский органицизм. Перекличка идей	172
Глава 11. К вопросу о формировании научной теории смысла жизни, уровни и стороны проблемы	183
Список литературы	196

Научное издание

Береснева Наталья Ириковна
Василенко Юрий Владимирович
Внутских Александр Юрьевич
Комаров Сергей Владимирович
Корякин Вячеслав Владимирович
Лоскутов Юрий Викторович
Маслянка Юлия Владимировна

Мехрякова Наталья Михайловна
Мусаелян Лёва Асканазович
Орлов Сергей Владимирович
Осмоловская Александра Андреевна
Снетова Нина Васильевна
Чернова Татьяна Геннадьевна

Универсальные закономерности развития материи

Монография

Под общей редакцией С. В. Комарова

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка: *С. В. Комаров*

Подписано в печать 30.10.2023. Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 12,56. Тираж 500 экз. Заказ 132

Управление издательской деятельности
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано в типография ПГНИУ.
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15